

Р. Г. ЛАНДА
ОТ РУИН
КАРФАГЕНА
ДО ВЕРШИН
АТЛАСА

Л 266—
1958

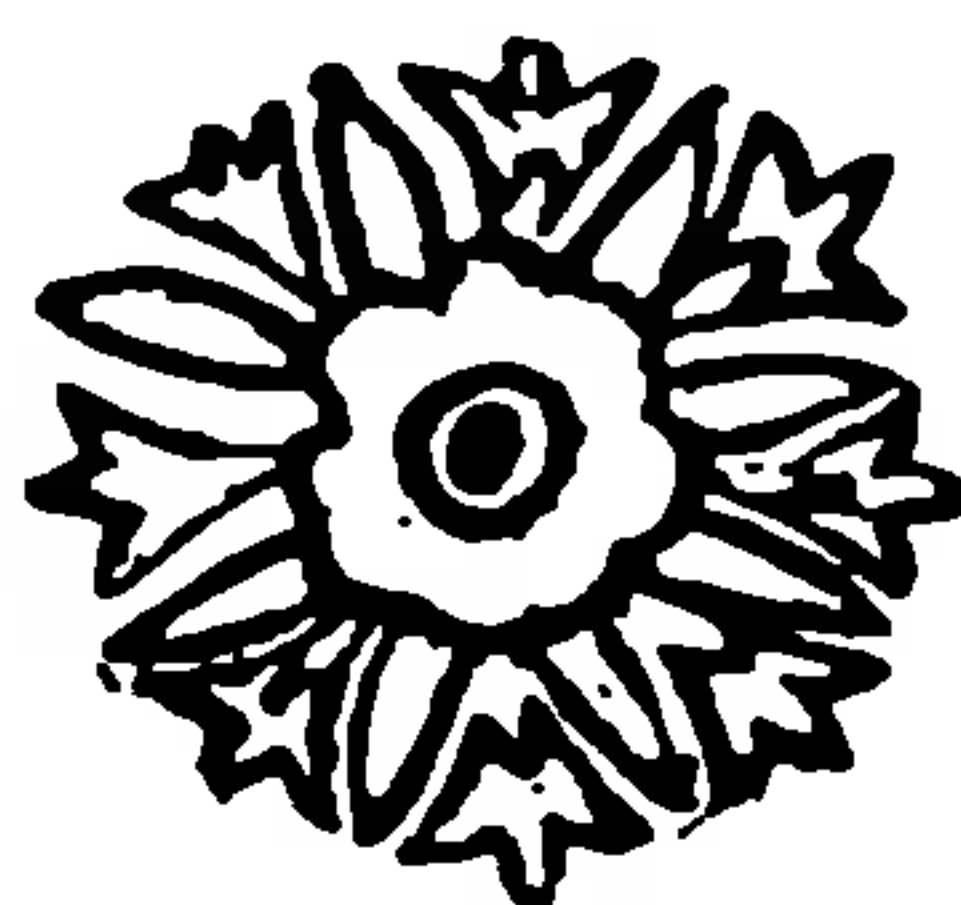
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Серия
основана
в 1957 году

Р. Г. ЛАНДА

**ОТ РУИН
КАРФАГЕНА
ДО ВЕРШИН
АТЛАСА**

Москва
«НАУКА»

Главная редакция восточной литературы
1991

ББК 63.3(6) + 66.3(6)
Л22

Редакционная коллегия

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель), *Л. Б. АЛАЕВ*,
Л. М. БЕЛОУСОВ, *А. Б. ДАВИДСОН*, *Г. Г. КОТОВСКИЙ*,
Р. Г. ЛАНДА, *Н. А. СИМОНИЯ*

Редактор издательства

Л. З. ШВАРЦ

Ланда Р. Г.

Л22 От руин Карфагена до вершин Атласа.— М.:
Наука. Главная редакция восточной литературы,
1991.— 163 с.: ил. (Рассказы о странах Востока).
ISBN 5-02-017085-2

Автор книги, известный советский арабист, повествует о своих впечатлениях от посещения арабских стран Магриба — Алжира, Марокко и Туниса. Рассказы о различных сторонах сегодняшней жизни, быта и культуры народов этих стран сочетаются с экскурсами в их историю. Специальное внимание автор уделяет воздействию на страны Магриба общеарабской специфики, культурных традиций средиземноморского региона.

Л $\frac{1805030000-178}{013(02)-91}$ 88-91

ББК 63.3(6) + 66.3(6)

ISBN 5-02-017085-2

© Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука», 1991

О названии

Что объединяет руины Карфагена и вершины Атласа? На первый взгляд — лишь принадлежность к Магрибу, удивительному краю своеобразной красоты. Контрасты магрибинской природы изумляют чередованием суровых горных кряжей и захватывающих дух пропастей, цветущих оазисов и бескрайних пустынь. Впрочем, и «тьма веков», как назвал историю Магриба Эмиль Готье, также представляет собой пеструю цепь взлетов и падений, процветаний и разорений. Иными словами, чтобы познать Магриб, надо и спуститься к руинам, обычно расположенным в долинах и на побережье, и подняться на вершины, малодоступные до сих пор.

Мне уже приходилось писать о странах северо-запада Африки, населенных арабами и берберами. Но каждый раз оставалось чувство какой-то недоговоренности, недосказанности. Происходило это ввиду невозможности однозначно охарактеризовать страны Магриба — то ли «восточный» Запад, то ли «западный» Восток? Соотношение восточной и западной специфики здесь, как и всюду в бассейне Средиземного моря, весьма своеобразно и трудноуловимо. Данное обстоятельство, пожалуй, и породило идущее от средневековья представление о таинственности и загадочности Магриба, края магов и волшебников, чарующих сказок и удивительных легенд. Причем так воспринимали Магриб, магрибинцев и все магрибинское не только на Западе, но и на Востоке.

Североафриканское дыхание давно ощущается в Европе. Как считают некоторые историки — тысячами. Еще древние греки пытались колонизовать южные берега Средиземного моря, а финикийцы, используя свои поселения на севере Африки, еще более

успешно осваивали юг Европы. Существует мнение, что контакты, в частности, между народами по обе стороны Гибралтарского пролива имели место и раньше. Более того, многие авторы, например французские, пишут о внешнем сходстве берберов Магриба, как то — алжирских кабиллов с крестьянами Оверни и Прованса, а также сходстве их таджемаита (народного собрания) — с древнегреческой агорой. Совсем недавно, как сообщали газеты, в результате подписания особого протокола мэрами современных Карфагена и Рима официально прекратилось состояние войны между древним Римом и уничтоженным им более двух тысяч лет назад финикийским Карфагеном. А ведь когда-то войны между ними были важным событием в истории не только Средиземноморья, но и вообще мировой цивилизации. И это помнят потомки и древних римлян, и карфагенян, воздающие должное своим предкам, их традициям и вкладу в культуру всего человечества. Подписанный мэрами символический римско-карфагенский протокол поэтому не курьез, а свидетельство внимания и уважения к традициям и культуре.

Таким образом, Магриб — это часть жизни Европы, а его история и культура всегда тесно взаимодействовали с европейской историей и цивилизацией, иногда почти сливаясь с ними, а иногда — отходя достаточно далеко, чтобы стать неузнаваемыми.

Отбрасывая мистицизм и романтизацию, берущие начало во «тьме веков» истории Магриба, стоит все же признать, что существует магрибинское чудо. Оно — в тайне, плотно окутывающей целые периоды в жизни народов и многих выдающихся людей, в необъяснимом очаровании разнообразных пейзажей Магриба, в сложном многоцветье магрибинской культуры, в контрастном, подчас непредсказуемом характере магрибинцев. Обо всем этом и хотелось бы рассказать в предлагаемых читателю путевых очерках, посвященных впечатлениям от поездок в Алжир, Марокко и Тунис в 1983—1987 гг.

Перед каждым, кто хотел бы рассказать о странах Магриба, неизбежно встает вопрос: о чем говорить в первую очередь, на что обратить внимание? Ныне за рубежом постоянно находятся тысячи советских людей, в том числе и журналистов. Многие из них длительное время работали в Алжире, Тунисе,

Марокко, Ливии, а некоторые опубликовали воспоминания, дорожные дневники, статьи. Поэтому многое уже рассказано, причем довольно подробно и красочно. Читателю, на мой взгляд, должны бы уже надоест умелые монтажи из путевых заметок и размышлений философского характера, личных наблюдений и сведений из справочников, поверхностной информации обо всем понемножку и пикантных анекдотов, особенно на исторические сюжеты. Все это годилось поначалу, для сугубо общего ознакомления. Теперь, когда этот этап позади, надо, очевидно, подумать о более углубленном подходе.

Автор данной книги долгое время занимался изучением истории общественной и политической жизни стран Магриба, особенностями культуры, духовного облика и повседневного быта магрибинцев, часто встречался с учеными — знатоками Магриба. Неудивительно, что именно эти сюжеты привлекали его больше всего и, очевидно, так или иначе нашли отражение в настоящих очерках. Кроме того, автор считал своим долгом уделить внимание внутреннему миру магрибинцев. Как это удалось — судить читателю.

Рискуя повториться, все же еще раз подчеркну, что жители Магриба при всех различиях между ними — в образе жизни, внешнем облике, темпераменте — обладают, как правило, весьма сложным, трудным для понимания характером. Ничего удивительного в этом нет, если знать, как он формировался. Его первооснова — суровость и замкнутость берберов-горцев, отстаивавших свою самобытность на протяжении многих веков и даже тысячелетий (еще свыше трех с половиной тысяч лет назад берберы и иберы Пиренейского полуострова составляли единое государство, распавшееся через полтысячелетия, когда начались вторжения на северо-запад Африки этрусков и сардов, потом — греков и финикийцев). Бесчисленные войны и нашествия закаляли магрибинцев, вырабатывали у них такие качества, как мужество, чувство собственного достоинства, взаимовыручку, уважение к традициям, усиливали крепость общинно-родовых связей. Но в не меньшей степени им, как и прочим средиземноморцам, свойственны жизнерадостность и предприимчивость людей, издревле знакомых с морской стихией, любовь к солнцу и ярким краскам, способность широко мыслить, рожденная тысячелетними

традициями постоянных контактов (и по морю и по суше) с другими народами.

Средиземноморью вообще, а Магрибу — в особенности были более свойственны, чем другим регионам земного шара, смешения и слияния культур, религий, языков и традиций, а также — неоднократные смены политического, духовного и экономического лидерства. Средиземное море, географически и исторически принадлежащее и Европе, и Азии, и Африке, всегда не столько разъединяло, сколько соединяло народы. И хотя нередко средиземноморцы сходились в битвах и столкновениях, часто взаимоотталкивание сменялось взаимоподражанием, а потом и сближением, которое (иногда даже при сохранении традиций длительной вражды) неизбежно приводило к взаимоузнаванию и взаимобмену культурным, военным, хозяйственным, политическим и иным опытом.

Так было при контактах нумидийцев и ливийцев (предков современных берберов) с финикийским Карфагеном (в XII—II вв. до н. э.) и древнеримскими завоевателями (II в. до н. э. — V в. н. э.), вандалами и византийцами (в V—VII вв. н. э.). Так было и позже, когда Магриб стал «дальним западом» мусульманского мира, поочередно входя в состав Арабского халифата Омейядов и Аббасидов в VII—IX вв., Кордовского эмирата и халифата Фатимидов в X—XI вв., государств Альморавидов и Альмохадов в XI—XIII вв., Меринидов, Хафсидов, Зайянидов и прочих, более мелких династий XIII—XVI вв. В еще большей мере так было в эпоху вхождения Алжира и Туниса в состав Османской империи в XVI—XIX вв., когда культура, быт, политическая жизнь и обычаи магрибинцев испытали особенно сильное влияние Ближнего Востока и Южной Европы.

Все это не могло не наложить печать на духовный мир и национальный характер народов Магриба. В их происхождении, этнической специфике, повседневном быту и культуре много общего. Но различия природных условий и исторических судеб, в том числе длительности европейской колонизации XIX—XX вв. и ее воздействия, определили разницу в темпах эволюции общества. Отразилось это и в своеобразии национальных характеров (при всем их сходстве), в степени модернизации образа жизни различных слоев горожан и сельских жителей, в соотношении традиционного и

современного в привычном бытовом укладе того или иного племени, села, города и даже квартала. Жизнь и духовный мир магрибинцев, как и всех народов, подобны сложной мозаике. Но в зависимости от того, как на нее посмотреть, какими глазами и с какой степенью желания понять, эта мозаика может либо ничего не сказать равнодушному взору, либо вспыхнуть ярким блеском всех мыслимых цветов и оттенков.

Тут хотелось бы снова вернуться к названию книги. Вершины гор Атласа, как бы выступающие в Атлантический океан, замыкают Магриб с запада. Недаром арабский полководец Сиди Окба, завоевав весь север Африки и въехав на коне в воды Атлантики, воскликнул: «Призываю Аллаха в свидетели: дальше идти нельзя!» Руины Карфагена расположены на востоке Магриба, занимая сегодня совсем небольшой участок побережья Тунисского залива. Собственно, между этими водными пределами и заключен Магриб в его традиционном значении¹.

Но путь от руин Карфагена до вершин Атласа — это не только протяженность Магриба с востока на запад. Это еще и постепенное восхождение, так как хребты Атласа в Тунисе наиболее низки и чем дальше на запад, тем все более повышаются и разветвляются. Не так ли шла и жизнь Магриба в последние тысячелетия со всеми ее обретениями и утратами, рывками вперед и движениями вспять, подъемами и уклонами? Это, может быть, чересчур смелое сравнение невольно приходит в голову во время езды по нескончаемым серпантинам Атласа, мимо глубоких бездн, заснеженных вершин, откуда открываются великолепные виды на речные долины и темные ущелья. Мелькают тоннели и каньоны, обросшие лесом, как мхом, гигантские каменные глыбы, горные селения, нависающие над крутыми обрывами... Все это при быстром движении как бы создает ощущение первозданного хаоса, в котором трудно ориентироваться и еще более трудно достичь намеченной цели. История Магриба подобна такому движению. Она шла вперед

¹ В последние годы среди стран Магриба называют также Ливию и Мавританию. Но ни исторически, ни географически, ни по своим природным особенностям эти страны в собственно Магриб не входят. Они присоединились к нему относительно недавно, по политическим и экономическим причинам, представляя собой либо переход от Магриба к Египту (Ливия), либо — к Тропической Африке (Мавритания).

иногда с большим трудом, преодолевая завалы обветшавших традиций, пропасти поражений и даже катастрофы, грозившие утратой национальной самобытности.

Автор, конечно, далек от того, чтобы проводить прямую параллель между восхождением в физико-географическом и социально-историческом смыслах, между движением на запад и социальным прогрессом. Но что-то общее между ними все же прослеживается. Известно, что длительное воздействие европейской культуры на Алжир способствовало высокому уровню его экономического и социального развития, а наличие богатых месторождений нефти и газа помогло этот уровень еще повысить после обретения независимости. Но известно также, что меньшие размеры территории Туниса, меньшая численность и, главное, почти полная этническая однородность его населения, а также спокойствие тунисцев и их умеренность во всем позволяли им, как правило, более успешно и с меньшими потерями решать сложные проблемы экономики, политики и общественной жизни.

В то же время наиболее традиционное и экзотическое Марокко — страна кричащих контрастов и редкой социальной пестроты — больше всего привлекает иностранцев разнообразием природы, климата, великолепных ландшафтов и отлично налаженным бизнесом в сфере туризма. И хотя в Марокко еще ждет реализации многое из того, что давно сделано в Алжире и Тунисе, стоит внимательнее, чем мы это делали до сих пор, изучить марокканский опыт умелого осуществления политической власти (во многом основанной на традиционном престиже и тысячелетнем религиозном авторитете правящей династии), решения экономических проблем (путем широкого привлечения иностранных специалистов и капиталов, поощрения высокой товарности сельского хозяйства), обеспечения преемственности культуры разных поколений с помощью использования вековых традиций наряду с современной технологией, умелого сочетания достижений общеарабской цивилизации с андалусским, берберским и африканским наследием, а также путем усвоения лучшего из культуры Запада.

А теперь, когда ясно, что руины и вершины не есть лишь принадлежность «тьмы веков» Магриба, что магрибинское чудо не только тайна и загадка, но

и вполне ощутимые чары природы, культуры, разнообразия красок и характеров, богатства истории и духовной жизни, пора переходить к рассказу о том, как же все это выглядит, звучит и вообще конкретно проявляется при непосредственном контакте.

Начну с Алжира — центра Магриба. В 1954—1962 гг., когда шла война в Алжире, эту страну называли кровоточащим сердцем Магриба. Другие сравнивали Магриб с птицей, крылья которой уже освободились (Тунис и Марокко получили независимость в 1956 г.), а тело еще сковано. В наше время, когда возникает объединенный союз арабского Магриба, Алжир может и, судя по всему, хочет стать по крайней мере экономическим центром этого союза.

Глава I

ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ МАГРИБА

Алжир и мы

Что значит Алжир для нас? Каждый на это ответит по-своему. Кто-то знает об алжирских пиратах и читал книгу о пребывании великого испанца Мигеля Сервантеса в алжирском плену. Кто-то слышал о «соколе Средиземноморья», знаменитом корсаре Хайрадине Барбароссе, блиставшем в XVI в., но не всегда может его отличить от Фридриха Барбароссы — германского императора XII в. А ведь все сходство между ними в том, что оба они были рыжебороды, за что и получили одно и то же прозвище. Для некоторых же первое упоминание об Алжире связано с последними строками «Записок сумасшедшего» Н. В. Гоголя, где речь идет об алжирском бее, у которого под носом якобы выросла шишка!

Более серьезный читатель вспомнит, что великий русский адмирал Ф. Ф. Ушаков, громивший турецкие эскадры на Черном море, однажды сражался с алжирским флотоводцем Саидом Али, которому османский султан доверил командование своими кораблями. Самонадеянный Саид Али поклялся привезти Ушакова в Стамбул в клетке. Турецкий флот был разбит, Саид Али уцелел, но запомнил, как при сближении флагманских кораблей в ходе сражения Уша-

ков крикнул ему: «Я отучу тебя давать ложные обещания!»

Вообще русско-турецкие отношения до сих пор волнуют алжирцев. Ведь Алжир три столетия был в составе Османской империи, враждовавшей с Россией. Поэтому вполне объяснимы, хоть и кажутся нам странными, задаваемые иногда в Алжире вопросы о том, «сохранились ли документы о русской экспансии в Средиземноморье» или о «постоянном противоборстве России с государствами ислама — Турцией и Ираном». Могут и совсем уж неожиданно спросить о том, способны ли мы объективно оценить «выдающуюся личность Бату-хана» (Батыя!) и вообще роль Золотой Орды, позицию которой в отношении России ряд алжирских историков рассматривает как якобы извечное противостояние ислама и христианства.

Таким образом, автор весьма далек от идеализации наших отношений с Алжиром. Всякое было меж нами, особенно когда алжирцы помогали туркам (а они должны были это делать как вассалы султана). Но даже тогда между нашими странами существовали отношения и другого рода. В частности, получив по договору 1720 г. право свободной торговли на подвластных Стамбулу территориях, русские корабли стали заходить в алжирские гавани и осуществлять перевозку грузов и пассажиров между Алжиром и главным египетским портом Александрией.

Россия долгое время не признавала захват Алжира Францией в 1830 г. Симпатии русского общественного мнения были на стороне алжирцев, героически сопротивлявшихся под руководством эмира Абд аль-Кадира. Это сопротивление было с симпатией отображено полковником генерального штаба М. И. Богдановичем в его книге «Алжирия в новейшее время», вышедшей в Санкт-Петербурге в 1849 г. А когда впоследствии Абд аль-Кадир, уже находясь в изгнании в Дамаске, содействовал спасению 10 тысяч христиан во время резни 1860 г., русское правительство наградило его орденом Белого Орла, подчеркнув тем самым дружественность позиции России в отношении национального героя Алжира. Характерно, что это было сделано уже после того, как Россия, потерпев неудачу в Крымской войне, вынуждена была де-факто признать захват Алжира Францией и открыть в 1859 году свое вице-консульство в городе Алжир.

Кстати, французы это не очень приветствовали, закрыв консульство в 1862 г. Оно возобновило свою деятельность только через 22 года.

Трудно даже перечислить всех известных русских людей, посетивших Алжир только в прошлом веке. Среди них — крупный естествоиспытатель Э. И. Эйхвальд, знаменитый путешественник и ученый-медик А. А. Рафалович, признанный в мире географ, геолог и дипломат П. А. Чихачев, профессор академии генерального штаба А. И. Беренс, капитан генерального штаба (впоследствии — генерал и военный министр) А. Н. Куропаткин. Это лишь те, кто оставил письменные свидетельства о своих поездках, являющиеся ценными источниками сведений об Алжире колониальной эпохи. Несомненно, столь же важным свидетельством и человеческим документом являются небольшие по объему заметки об Алжире выдающегося советского ученого академика Н. И. Вавилова, посетившего Алжир летом 1926 г.

Следовательно, наше знакомство с Алжиром началось не вчера. Но сегодня его нужно продолжать, делая глубже, интереснее, всестороннее. Что нужно для этого? Прежде всего отыскать в жизни алжирского народа то, что для нас ново, что еще не рассказано и не описано.

Для меня Алжир — это прежде всего алжирцы, с которыми довелось встречаться.

Я помню скромного, сдержанного Мухаммеда Хамисти, возглавлявшего алжирскую делегацию на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве 1957 г. Впоследствии он стал первым министром иностранных дел независимого Алжира. Вспоминаю энергичного, собранного Джамала Хоху — руководителя делегации Алжира на Всемирном форуме молодежи в Москве в 1961 г. Он потом тоже стал министром. Режиссер Мустафа Катерб, художник Башир Йеллес, поэт Яхья аль-Вахрани (Жан Сенак), писатели Мулуд Маммери и Тахар Ваттар, дипломаты и министры Омар Уседдик, Реда Малек и Лаяши Якер, историки Махмуд Буайяд и Тауфик аль-Мадани... Эти и многие другие имена видных алжирцев, знаменитых не только у себя на родине, но и за ее пределами, приходят на память. Только среди учившихся в Москве в 50—60-е годы алжирских студентов мне известны трое, один из которых стал директором самого боль-

шого в Алжире госпиталя, другой — руководителем национальной авиакомпании, третий — секретарем ЦК правящей партии Фронт национального освобождения (ФНО) по вопросам образования и культуры. Я уже не говорю о многочисленных алжирских историках, социологах, экономистах, журналистах, с которыми приходилось встречаться чаще всего.

Все эти люди разные по возрасту, положению, склонностям и талантам, политическим симпатиям и жизненному пути. Но, разговаривая с каждым из них, я всегда ощущал живой интерес к нашей стране, понимание ее роли в мире, благодарность за ту помощь, которую мы оказывали алжирцам. Но ничуть не менее чувствовались в них гордость за свою страну и народ, особая чуткость к национальному достоинству и самобытности своей родины.

Как правило, алжирцы более сдержанны в проявлении своих чувств, чем остальные арабы. Некоторые исследователи на Западе говорят даже о жесткости и суховатости берберов, напоминая при этом слова «отца алжирского возрождения» шейха Абд аль-Хамида Бен Бадиса: «Алжирцы — арабы по языку, берберы по крови и мусульмане по религии». Но один из советских алжироведов объяснил мне это проще: «Они — наполовину европейцы. И ты никогда не знаешь, как алжирец поведет себя в данный момент — как восточный мечтатель или западный прагматик».

По сложившейся традиции ежегодно уже в течение многих лет в СССР проводились Дни Алжира, отмечаемые обычно в Москве или в какой-либо союзной республике, а в Алжир потом направлялась делегация от этой республики для участия в подобном же праздновании. В 1983 г. была очередь РСФСР, и в октябре 1983 г. вместе с делегацией общества дружбы «СССР — Алжир», участвовавшей в праздновании Дней РСФСР, я отправился в сердце Магриба.

Алжирцы оказали нам особое внимание, поскольку в составе делегации находился летчик-космонавт СССР Андриян Григорьевич Николаев, хорошо известный и популярный в Алжире. «Нам особенно ценно, — сказал Ахмед Земирлин, член ЦК ФНО, заведующий отделом ФНО по связям с партиями и массовыми организациями, — мнение человека, преодолевшего земное притяжение и побывавшего там, где мы никогда не будем». Это были слова глубоко ве-

рующего мусульманина, незадолго до встречи с нами вернувшегося из паломничества в Мекку. Тем примечательнее сказанное им далее. Поговорив об освоении космоса Советским Союзом и о возможности использования Алжиром результатов работы советских космонавтов (в частности, в области научного и технического сотрудничества, в области составления геологической, растительной и физической карты мира), а также о необходимости развития алжиро-советской дружбы и соответствующего воспитания молодежи, Земирлин сказал: «Я, как и многие алжирцы, считаю, что с 1954 года мы с вами в рядах единого антиимпериалистического фронта. У нас есть общее наследие, и его мы должны бдительно охранять. В алжирском народе живет чувство подлинной симпатии к советскому народу. Даже неграмотные, а у нас их, к сожалению, еще достаточно, отлично знают, что представляет собой Советский Союз и какова его позиция».

Это было мнение не только представителя правящей партии, ветерана революции и командира партизанской Армии национального освобождения (о боевой биографии нашего собеседника я был наслышан). Так думали тогда, в чем мы лично убедились, почти все алжирцы.

В тот же вечер на центральной улице Мурада Дидуша в помещении Союза пластических искусств Алжира, который сотрудничает с Союзом художников СССР, была открыта выставка графики и прикладного искусства РСФСР (фарфора, дымковской игрушки, чеканки по металлу, резьбы по дереву, различных тканей и вологодских кружев), а в крупнейшем центральном зале «Эль-Муггар» состоялось выступление ансамбля «Русь» из Владимира.

В какой-то мере алжирцы, встречавшие нас тогда, отдавали долг дипломатической вежливости, следуя официальной линии АНДР на союз с СССР. Но было и другое. Мы для алжирцев не только стратегические союзники, но и давние друзья. Поэтому то, что говорилось тогда, 8 лет назад звучит не как анахронизм, а скорее как свидетельство общности некоторых закономерностей нашей истории и истории Алжира. Тем более нам надо стремиться к взаимопониманию, полнотой которого мы не можем похвастаться и ныне.

В частности, вряд ли мы правы, порой торопясь наклеить ярлык антикоммунизма тому, кто всего

лишь пытается к понятию «социализм» подойти с каких-то своих морально-этических и религиозных позиций. Приведу пример: на второй день после нашего приезда в Алжир мы остановились около одного магазинчика недалеко от площади Павших героев в самом центре алжирской столицы. Хозяин его, недавно побывавший в СССР, тут же позвал соседа, в свое время прожившего у нас около года. Оба они оказались искренними друзьями СССР и восторгались всем советским, хотя, будучи частными торговцами, вроде бы не должны были симпатизировать нам. Но они нам сочувствовали, признавали разумность принципов социализма и даже считали его нужным. Откровенно говоря, мне тогда впервые показались не лишены основания сравнения алжирского социализма с нашим нэпом.

«Социализм,— сказал нам позднее один из ответственных работников аппарата ФНО,— это прежде всего изменение человека, перестройка его психологии, осознание им долга перед обществом, трудолюбие, дисциплина, рациональный подход». Но всегда ли это возможно? В этом плане у Алжира еще много нерешенных задач, особенно если учесть значительную долю населения, главным образом молодежь, не занятую никаким трудом. Причин тому много, прежде всего быстрый рост населения, ограниченные возможности страны, недостаток грамотности и квалификации. Но нам приходилось слышать от некоторых алжирцев, в частности от заведующего сектором ЦК ФНО Салима Ульмана, и более резкие высказывания по этому поводу: «Пора решать проблемы незанятости молодежи, иждивенчества, тунеядства, нежелания работать, укрепления социалистической дисциплины». Не напоминает ли это кое-что, звучащее ныне и у нас?

Дружеская помощь, которую Алжиру свыше 30 лет оказывал Советский Союз, направлялась на решение самых важных для страны проблем. В 1983 г. здесь работали 650 советских врачей, около 900 преподавателей в различных университетах, институтах и коллежах, в том числе 500 человек в Институте нефти и газа и в Институте легкой промышленности в городе Бумердесе и 200 человек в университете города Аннабы, как сообщили нам работники посольства. 840 советских специалистов были заняты на строительстве

в трудных условиях Сахары газопровода от Хаси-Рмель до моря протяженностью в 660 километров. Алжирцы высоко ценили работу советских строителей, геологов, инженеров, мелиораторов. Наши специалисты трудились на металлургическом комбинате в Аннабе и на стекольном заводе в Оране, проектировали жилые кварталы и теплоэлектростанцию в Жижели, бурили артезианские колодцы в пустыне, строили железную дорогу. Но особенно славилась они как учителя и наставники молодых рабочих в профтехцентрах.

«Дружба между нашими странами,— заявил на встрече с нашей делегацией государственный секретарь АНДР по вопросам среднего и технического образования Ларби Ульд Хелифа,— родилась еще в период нашей борьбы за национальное освобождение. Она крепнет ныне на базе общей защиты социальной справедливости и дела мира. Мы надеемся, что это сотрудничество будет развиваться». Он высоко отозвался о работе советских преподавателей в системе профессионального и технического обучения, добавив: «Мы понимаем все значение кадров и их подготовки. Есть сходство между Великой Октябрьской революцией и алжирской революцией. Алжирский народ тоже заплатил дорогую цену за независимость... Теперь наша задача — воспитать собственных преподавателей для профтехучилищ».

В стране в 1983 г. действовали 39 профтехцентров с советскими преподавателями, пособиями и оборудованием. Некоторые из них вели обучение на арабском языке, что было особенно ценно для алжирцев в связи с проводившейся ими «арабизацией» системы образования. Предполагалось за короткое время создать еще 20 центров профессионального обучения, чрезвычайно нужных для подготовки квалифицированных рабочих, техников и мастеров. По подсчетам советских специалистов, работа ИТР эффективна тогда, когда на каждого инженера приходится не менее пяти рабочих и техников. К сожалению, не только в Алжире эта норма не действует.

Проблема подготовки технических кадров всегда очень остро стояла в Алжире. За время колониального господства всего несколько алжирцев стали инженерами. Но к началу 80-х годов этот изъян был в основном ликвидирован, в чем мы убедились, побывав в

Баб аз-Зуаре, небольшом городке в 10—15 километрах от столицы Алжира.

Мы ехали туда мимо теснивших друг друга фабрик, складов, слившихся старых и новых поселков, возвышавшегося над ними Исламского университета имени Абд аль-Кадира, похожего издали на огромную мечеть. Я вспомнил при этом, что на одном из плакатов в центре столицы было начертано: «Ислам — религия равенства и мученичества». И невольно подумалось о своеобразии этой страны, столь «осовременившейся», но все же сумевшей сохранить и свои традиции, и свое лицо.

Расположенный в центре Магриба, Алжир вобрал в себя многие черты своих западных и восточных соседей, став своеобразным мостом между ними. Он менее горист, чем Марокко, но более, чем Тунис. Он более разнообразен по природным условиям, климату и ландшафтам, чем Тунис, но менее, чем Марокко. Да и по социально-этнической пестроте Алжир, уступая Марокко, превосходит Тунис.

Но Алжир — не только мост и не столько переход от одного края Магриба к другому, сколько самая большая по территории страна региона, имеющая свою неповторимую специфику и историческую судьбу. Алжир — сердце Магриба. Причем очень горячее! Здесь дольше всего оказывалось сопротивление колонизаторам (почти 50 лет!), но и глубже, чем в других местах, укоренилась европеизация. Здесь наиболее остро переживались трудности возрождения национальной культуры и роли арабского языка, кипели наиболее ожесточенные споры по поводу обновления ислама и усвоения достижений европейской цивилизации, соотношения традиций и современности. Наконец, именно Алжир освобождался от колониального гнета в ходе восьмилетней революционной войны, в которой алжирский народ понес тяжелые потери. Возникшая после завоевания независимости Алжирская Народная Демократическая Республика (АНДР) пошла курсом наиболее радикальных социальных преобразований.

Этот курс во многом отождествлялся с именем Мухаммеда Бухаррубубы, принявшего в годы освободительной войны революционный псевдоним Хуари Бумедьен (по имени святого покровителя города Тлемсена, популярного на западе Алжира). Возгла-

вив Армию национального освобождения (АНО) в 1960 г., Бумедьен стал в 1962 г. министром обороны, а в 1965 г. — главой государства и правительства. После его смерти в 1978 г. его именем были названы многие учреждения, предприятия, столичный аэропорт, а также созданный в Баб аз-Зуаре Научно-технологический университет (НТУХБ), ставший одним из ведущих вузов страны.

Имени Бумедьена

Сам университет, спланированный по проекту знаменитого Оскара Нимейера, когда мы его посетили, еще достраивался. Но работал он уже с сентября 1974 г., то есть к нашему приезду 9 лет. Он совершенно справедливо носил имя президента Бумедьена, много сделавшего для создания в Алжире системы современного технического образования. «Кроме административных зданий,— рассказывал встретивший нас вице-ректор университета Арезки Амокрэн,— завершены также здания институтов (так теперь в алжирских университетах называются бывшие факультеты) биологии, химии и физики, помещения для библиотек и семинарских занятий, учебные корпуса со 175 классами (на 5600 мест), четыре зала на 480 мест и 12 аудиториями на 2300 мест. Уже почти закончено строительство институтов математики, геологии, электроники, горного дела, инженеров, а также вычислительного центра, главной библиотеки университета (ее 20 тысяч томов в 1983 г. размещались во временных помещениях), центральной аудитории, ресторана и подсобных служб. Предполагаем построить сверх того стадион, спортивный зал и медицинский центр».

Огромная территория университета (105 гектаров) еще не утратила вида строительной площадки, огороженной забором и кое-где непроезжей из-за ям, груд щебня и мусора. Асфальтированные участки чередовались с лужами и плотно утрамбованным грунтом. Корпуса невысокие, в два-три этажа, дабы избежать оседания почвы (когда-то Баб аз-Зуар был болотистым районом). Стекло, бетон, правильные геометрические формы зданий подчеркнуто современны. Но их внешняя «модерность» как бы смягчалась полу-

традиционными застекленными аркадами верхних этажей. Около зданий привычная алжирская картина: изобилие приткнувшихся друг к другу малолитражных автомобилей. «Многие преподаватели и студенты,— говорит Арезки Амокрэн,— добираются сюда из столицы на собственных автомашинах. Мало кто живет в Баб аз-Зуаре. Некоторые приезжают и из других мест, так как университет создавался в основном для молодежи окружающего столицу региона. Но большинство пользуются специальным поездом, делающим до 10 рейсов в сутки между столицей и университетом. По этому же маршруту курсирует много автобусов».

В то время в университете обучались около 13 тысяч студентов, 553 аспиранта (т. е. готовящих магистерские диссертации) и 129 докторантов. Среди 1265 профессоров и преподавателей насчитывалось 1035 алжирцев и 230 иностранцев. «Мы привлекаем их,— сообщил г-н Амокрэн,— чтобы расширять научные связи с внешним миром. У нас работают сейчас 15 советских преподавателей физики, химии и математики. Раньше у нас было очень много геологов из СССР. Но постепенно они заменяются алжирцами, получившими образование в советских вузах. Они хорошо подготовлены. Мы ими довольны». Кроме вузов СССР университет наладил контакты с вузами Франции, Германии, Албании и Конго.

Ежегодно университет заканчивают около тысячи человек по 22 специальностям (в том числе 11 инженерным). В 1983 г. было 800 выпускников и 66 защитивших диссертации. Всего же с 1977 г., то есть с начала осуществления в университете научных исследований, было защищено 154 диссертации. Обычно аспиранты и докторанты — это преподаватели университета. Но некоторые исследователи специально работают для промышленности и готовятся для практической деятельности в государственном секторе экономики. «Наша миссия,— объяснял г-н Амокрэн,— удовлетворить потребности страны в инженерных и научно-технических кадрах. Правительство субсидирует многие прикладные исследования в наших лабораториях. Мы можем выполнять заказы на договорных началах и для госкомпаний, и для частных фирм. За их счет обычно готовятся здесь и кадры для них».

Мы посетили еще недостроенное, пахнущее свежей

краской и сияющее трубами металлоконструкций здание института геологии. Его директор когда-то учился в Ленинграде. Нам показали учебные аудитории, лаборатории стратиграфии, геологии, гидрогеологии. Здесь изучались (по заказам государственных учреждений) особенности и запасы месторождений железа (в Бухадре) и ртути (близ Сиккды), структура дна морских бухт портов Алжира и Беджайи в радиусе 90 километров, острая для страны проблема пресных вод. Занимающиеся этими вопросами алжирские исследователи — нередкие гости АН СССР, университетов Москвы и Ленинграда. В 1983 г. 120 преподавателей университета вели научную работу в сферах геологии, геохимии, гидрогеологии, геофизики, минералогии, исследования горячих источников. Сейчас их, наверно, больше. Кроме того, университету были приданы Институт физики Земли, готовящий кадры по семи специальностям, и Высшая школа химии, выпустившая с 1975 по 1983 г. 270 специалистов по химии, электронике и электротехнике. Аспиранты и докторанты обычно ведут преподавательскую работу и до защиты диссертаций и после. Но часть исследователей заранее ориентируется на работу в промышленности и выполняет в лабораториях университета задания тех или иных ведомств и предприятий.

Чтобы понять, какое значение придается в Алжире подготовке специалиста-практика, достаточно только узнать, что преподавателем можно стать после пяти лет учебы в университете, а инженером-производственником после шести. Диссертацию магистра (соответствующую нашей кандидатской) защищают обычно через три года обучения, но между защитой магистерской и докторской диссертаций должно пройти не менее трех-пяти лет. «У нас есть выбор,— сказал нам один из руководителей университета.— В Алжире ежегодно диплом бакалавра (то есть о среднем образовании) получают сто тринадцать—сто двадцать тысяч молодых людей. Практически все они имеют возможность поступить в высшие учебные заведения. В этом году девяносто восемь процентов бакалавров поступили в университеты».

Мы побывали только в одном университете страны. А всего их шесть (традиционные — в городах Алжир, Оран, Константина, научно-технологические — в Баб аз-Зуаре, Орране и Аннабе), не считая

10 университетских центров (наиболее известные — в Батне, Мостаганеме, Сетифе, Сиди-Бель-Аббесе, Тизи-Узу, Тлемсене). Они обеспечивают современный уровень знаний и неуклонное движение страны по пути технико-экономического прогресса. «Сейчас в Алжире сто шесть тысяч студентов и двенадцать тысяч преподавателей вузов», — сообщил нам впоследствии при посещении министерства высшего образования и научных исследований его генеральный секретарь Мустафа Букари.

О характере высшего образования в Алжире мы получили представление, посетив также Национальный центр спорта АНДР, в котором работали в 1983 г. 27 советских тренеров (еще 12—13 тренеров из СССР работали на периферии). Они были заняты по всем 14 видам спорта, распространенным в Алжире, — футболу, волейболу, баскетболу, гандболу, плаванию, гимнастике, фехтованию, теннису, тяжелой и легкой атлетике, классической борьбе, гребле, дзюдо и спортивной стрельбе. Характерно, что 12 команд спортсменов Алжира для участия в Средиземноморских играх в Египте тренировались в Сочи, Ташкенте, Алма-Ате и на других спортбазах в СССР. С 1978 г. Национальный центр спорта реорганизован в Институт науки и технологии спорта, единственный в своем роде (такие институты давно есть в Москве, Варшаве, Праге и Лейпциге, но в Западной Европе — только во Франции). Срок обучения — 5 лет. Студенты изучают четыре языка, причем 70 процентов из них — русский! Главная причина — большинство учебных пособий из СССР. Постепенно предполагается наладить обмен большими группами (по 40 человек) с советскими вузами.

Институт выпускает спортивных тренеров. Однако закончившие его могут также преподавать биохимию, анатомию, статистику и некоторые другие предметы. В 1983 г. семь человек готовили магистерские диссертации. На наш вопрос о численности студентов директор института Бен Мокран заметил: «Раньше на курсе было у нас тринадцать—семнадцать человек. А теперь — более ста. Предпоследний набор — сто двадцать два человека. Ныне их сто девять, так как часть студентов ежегодно отсеивается. Девушки составляют десять процентов каждого набора в среднем, но на последнем наборе их — тридцать четыре из

ста тридцати человек». На наше замечание, что это явно меньше общей доли женщин в населении Алжира, Бен Мокран тут же отреагировал: «Я бывал у вас в Азербайджане. Там на две тысячи студентов-спортсменов было всего одиннадцать девушек, причем только одна из них — азербайджанка».

Это замечание было не случайным. Одна из существенных перемен в Алжире — изменение отношения к женщине. Оно начало меняться еще в годы освободительной войны, после которой ряд улиц алжирских городов был назван именами погибших героинь. В Национальной хартии 1976 г. было записано: «Государство, которое уже признало за женщинами все политические права, обязано способствовать воспитанию и процветанию алжирской женщины». И действительно, несмотря на ворчание консерваторов и даже хулиганские акции исламо-экстремистов против женщин, занятых на производстве, неуклонно растет число тех, кто решительно порывает со старыми канонами, заканчивает коллежи, профтехучилища, институты и университеты. Алжирки ныне не только учителя, врачи, журналисты, служащие. Это теперь также квалифицированные техники, механики, операторы, особенно на производстве электроаппаратуры и точных механизмов. Более того, именно в 1983 г. я впервые увидел на улицах Алжира и Орана регулировщиц — строгих и подтянутых девушек-полицейских в новенькой синей форме. У них такие же права, как и у полицейских-мужчин. Это вызывает, как нам говорили, недовольство ревнителей старых традиций, которым, однако, остается лишь смириться с этим фактом.

Вот, пожалуй, почему Бен Мокран счел нужным несколько даже похвалиться отношением к женщине в Алжире. К тому же представительницы Алжира в спорте добились очень высоких результатов, особенно на Средиземноморских и Панафриканских играх. Многие из них учатся в Институте науки и технологии спорта, чем Бен Мокран не мог не гордиться.

Институт, выполняющий в алжирском спорте одновременно организационные, учебно-методические и научные функции, имеет также филиалы в Оране и Константине, которые только к 1983 г. были укомплектованы преподавателями. Бен Мокран обратил наше внимание на то, что полностью обеспечить себя кадрами высшей квалификации Алжир рассчитывает

только в 1999 г. Но, возможно, дело ускорится, если на родину вернутся специалисты, уехавшие за границу. Например, во Франции работают шесть тысяч врачей-алжирцев, в то время как в самом Алжире их явно недостает.

В целом у нас сложилось впечатление, что система высшего образования в Алжире, особенно технического, находится на подъеме благодаря тесному взаимодействию с растущей эффективностью научных исследований алжирских ученых и при широкой зарубежной поддержке.

Но ничто не вечно. Через несколько лет положение в стране изменилось, в основном в связи с падением цен на нефть и сокращением ее добычи, что привело к снижению доходов от ее продажи. Это лишь частично компенсировалось некоторым ростом поступлений от экспорта природного газа. К 1987—1988 гг., по данным французских экспертов, лишь каждый седьмой из выпускников алжирских школ и лицеев мог попасть в университет, что и явилось одной из причин социальных волнений и «алжирской весны» 1988—1989 гг. Однако это было потом. К тому же студенчество также внесло свою лепту в эти столь важные для страны события. Не менее существенно и то, что общественные сдвиги конца 80-х годов, безусловно, подготавливались не только естественным для любого нормального развития нарастанием противоречий, но и изменением качества жизни, уровня культуры и образа мышления людей. Подобному изменению весьма способствовали и прогресс образования, и внедрение новых технологий, и серьезная модернизация экономики.

Гиганты Арзева

Мы ехали на запад страны мимо оливковых рощ, цитрусовых плантаций и эвкалиптовых аллей, изредка ныряя в длинные торговые улицы попадавшихся по дороге одноэтажных городков и селений, украшенных национальными флагами, лозунгами и транспарантами по случаю приближавшегося съезда правящей партии Фронт национального освобождения (ФНО). Облик страны мало изменился с 1963 г., когда я впервые ее увидел. Но за истекшие 20 лет, ко-

нечно, произошли изменения, прежде всего в смысле убыстрения индустриализации и технической модернизации, многократного увеличения количества автомобилей и машин всех видов. Поэтому почти идиллический алжирский пейзаж, известный еще по полотнам Делакруа и Фромантена или по описаниям Дюма и Мопассана, ныне иногда украшен заводской трубой, башней строительного крана или бензоколонкой. Современная техника и нужды производства диктуют и новую систему образов, вытесняя старые, привычные представления.

В том, что Алжир действительно повернулся лицом к современности, мы убедились, посетив индустриальную зону — город Арзев, примерно в 40 километрах от Орана. «Зона занимает 3800 гектаров, — рассказал нам ее директор Буалем Мендаси. — В ней десять промышленных комплексов: нефтехимический, нефтеперерабатывающий, по сжижению газа (три выстроены и еще два сооружаются), по производству азота и аммиака, ТЭС, станция по очистке нефти. Кроме того, в хозяйство зоны входят нефтепорт (сюда поступает до 300 тысяч тонн нефтепродуктов из Ирака и Кувейта), порт по приему жидкого газа, жилые кварталы для персонала, центр профтехобучения, школа сварщиков, различные административные и вспомогательные службы. Годовая мощность нефтеперерабатывающего комплекса — 2,5 миллиона тонн горючего, вырабатываемого из нефти, поступающей из Сахары по нефтепроводу из Хаси Мессауда, всех трех комплексов по сжижению газа — 25 миллиардов кубометров. Всего в зоне трудятся 13 тысяч человек. Средний заработок 2500—3000 динаров в месяц. Самая низкая заработная плата — 1200 динаров (алжирский динар тогда был примерно равен 1,2 французского франка, то есть около четверти доллара. — *Р. Л.*). Тридцать пять процентов занятых составляют административные и управленческие кадры. Почти все они алжирцы. А еще в 1977 г. в зоне работали специалисты 29 стран. Ныне их осталось совсем немного. Это главным образом французы и японцы, а остальных — единицы».

Мы посетили нефтеперерабатывающий комплекс зоны, состоящий из 15 производственных циклов. Он был выстроен за 1970—1972 гг. по контракту с японской фирмой «Джапан Гэзолайн» 2500 алжирскими

рабочими и техниками и 500 японскими специалистами. Ныне на нем работают 1200 человек (все — алжирцы), но после планируемого расширения предприятия их будет 1560.

Мы не устаем любоваться идеальной чистотой и продуманной эстетикой помещения предприятия, обилием света, стекла, бетона, мраморными полами и рациональной планировкой. Комплекс, по словам его директора, один из трех на всю страну (такие же есть еще под столицей — тоже мощностью 2,5 миллиона тонн в год — и в Скикде — 1,5 миллиона тонн в год), на 80 процентов удовлетворяет потребности страны в смазочных материалах, но имеет целью путем осуществляемого сейчас расширения производства довести его объем до 120 тысяч тонн, что позволит удовлетворить эти потребности полностью. Предприятие производит всего 12 видов продукции — от бутана и пропана до асфальта и керосина. Половина продукции идет на внутренний рынок, остальное — экспортируется в США и Западную Европу. Комплекс имеет столовую на тысячу мест, медпункт, центр обучения, лабораторию контроля, детский сад, библиотеку. Все работники заняты сложными производственными операциями. Из них 60 инженеров и администраторов и 266 мастеров. Многие живут далеко, в поселках от Орана до Мостаганема, и доставляются на работу служебным транспортом.

Примерно та же картина на комплексе по сжижению газа: много простора и света, чистота, стекло, бетон, мрамор. Директор М. Беррах знакомит нас с моделью комплекса. «Газ поступает по газопроводу из Хаси-Рмель в Сахаре, — говорит он. — Комплекс принадлежит государству и представляет собой национальное предприятие. Но лишь часть продукции, особенно азота, потребляется на месте. В основном газ сжижается и экспортируется морским путем в США, Бельгию и Францию». Беррах рассказывает о том, как переработанный газ используется для производства электроэнергии, которой снабжаются предприятия не только индустриальной зоны Арзева, но и центра всей области — города Орана.

Мы выходим на верхнюю площадку административного здания комплекса, откуда открывается панорама «сверхиндустриального» пейзажа: сплошь трубы и гигантские цилиндры различных масштабов и

форм переплетения, вышки разной высоты. Над пятью из них полыхают факелы: это сжигаются фракции попутного газа, которые пока еще невыгодно использовать. А за всем этим, метрах в 400—500 от нас, море и стоящие у порта танкеры, принимающие очередную порцию жидкого газа.

На площадке, рядом с нами, вместе с руководителями индустриальной зоны, находилось несколько офицеров жандармерии. Они заметны здесь у входа в каждое предприятие. Никто этому не удивляется. Территория всей зоны и каждый ее объект, сооруженный весьма дорогой ценой и по последнему слову техники, бдительно охраняются. Наш визит в Алжир проходил в дни захвата войсками США острова Гренада. И алжирцы, возмущаясь этой агрессией против маленького, но самостоятельного государства, одновременно выражали беспокойство по поводу военных мер НАТО в Европе, особенно размещения американских ядерных ракет на Сицилии, в непосредственной близости от стран Магриба. «Мы понимаем,— говорил нам в этой связи возглавлявший тогда международную комиссию ЦК ФНО полковник Слиман Оффман,— что даже в случае применения ядерного оружия только в Европе радиоактивное заражение достигнет Алжира из ФРГ за неделю, из Бельгии и Италии — еще быстрее, из Франции — за один день. Поэтому мы — за мир и разоружение».

Введенная в 1971 г. Хартия социалистического управления предприятиями предусматривала сложную систему сосуществования министерств и государственных компаний («национальных обществ», по-алжирски), назначавших директоров и на деле руководивших предприятиями с выборными органами (комитетами управления, ассамблеями трудящихся), также обладавшими (теоретически) значительными правами. На практике это приводило к постоянным конфликтам, ибо администрация стремилась к полновластию и освобождению от всякого контроля снизу, а выборные органы, в свою очередь, не собирались ограничиваться только «обсуждениями» и «рекомендациями», но активно вмешивались и в производственный процесс, и в кадровую политику, и в другие вопросы, тем более что закон не очень четко разграничил компетенцию сторон. На заводах Арзева, как правило, не было подобных конфликтов, ибо их пер-

сонал, по алжирским меркам, оплачивался высоко, имел ряд льгот в получении жилья, пользовании транспортом, медицинской помощью и т. п. Но так было не везде даже в 1983 г., тем более позднее, когда экономическое положение ухудшилось.

От многих функционеров ФНО, а еще раньше от алжирских дипломатов в Москве, приходилось не слышать: «Алжир созрел только для рабочего контроля, но вовсе не для рабочего самоуправления». Далеко не все алжирцы были с этим согласны. Ввиду этого конфликты множились, страсти накалялись, способствуя росту напряженности как на государственных предприятиях, так и на частных. Ситуацию осложняло также наличие противоречий между госаппаратом и все возрастающей прослойкой местного предпринимательства. Недаром один из лозунгов, который мы видели на улицах и Алжира, и Арзева, и Орана, гласил: «Частная собственность не должна быть источником какого-либо социального господства». Речь шла, разумеется, не о правомерности существования частного сектора, которую никто не ставил под сомнение, а о необходимости контроля над ним и возможности его использования для выправления экономического положения. Происходило это, однако, совсем не гладко.

Из Арзева мы поехали в Оран (по-арабски Вах-ран) — второй по значению город и порт Алжира, центр одноименной провинции и всей западной части страны, которую в литературе иногда называют Оранией. Это гигантская холмистая равнина с высокими плато на юге. Французы прозвали ее за плодородие «Альжери ютиль» («Полезный Алжир»). Красота Орана всегда была как бы символом процветания Орании.

Оран и Тлемсен

Город Оран, основанный в IX в. маврами из Андалусии (по некоторым данным — в 903 г.) и около 300 лет (в 1509—1791 гг.) принадлежавший испанцам, всегда был наиболее европейским из всех городов Алжира. Это — своего рода «алжирский Нью-Йорк» (так раньше называли его за обилие высотных 17—20-этажных домов, казавшихся здесь небоскре-

бами). Когда-то он был скромным портом у подножия горы Джебель аль-Майда. С суши он был защищен крепостной стеной и речкой Уэд ар-Рхи, где стояли водяные мельницы. Но город давно выплеснулся за пределы крепостных стен, от которых ныне ничего не осталось, и стал со своими небоскребами и портом одним из оживленных городов Северной Африки.

Крутым извилистым серпантинном поднимаемся до нависшего над городом лесного массива Мурджаджо. Здесь — старинная испанская крепость Санта Крус (Святой Крест) с мощными стенами и башнями, а также — базилика XVI в. с мраморной статуей Богоматери, которая венчает стройную колокольню, резко выделяясь своей белизной на ее оранжево-коричневом фоне. Санта Крус как бы парит над Ораном на высоте более 700 метров. Город отсюда как на ладони. Видны черепичные крыши и минарет мечети раскинувшегося прямо у подножия горы старинного квартала, 16-этажное здание резиденции вали (губернатора), кафедральный собор с двумя башнями, напоминающими минареты. В некоторой степени город сохраняет испанский колорит: здесь есть здания в испано-мавританском и просто испанском стиле; квартал Ла Бланка когда-то был населен испанскими и смешанными испано-арабскими семьями.

До Испании отсюда рукой подать. Поэтому можно смотреть телевизионные передачи из Валенсии, в частности бой быков. А по радио испанские голоса слышны так же часто, как марокканские. Вход в старую часть города называется «Ворота Испании». Это гигантская арка, украшенная скульптурными гербовыми щитами. Да и саму старую часть — Касбу (по-арабски «цитадель») путеводители называют «живописным арабо-испанским городом».

Если походить по этому городу, то увидишь здесь и следы пребывания турок. Ими выстроены несколько дворцов (к сожалению, почти не сохранившихся) и две мечети (Сиди Паша, Сиди аль-Хуари), причем по крайней мере одна из них — на деньги, полученные от выкупа за захваченных корсарами европейцев и по случаю изгнания испанцев из Орана (кстати, вряд ли это бы произошло, если бы не землетрясение 1791 года, почти полностью разрушившее город и унесшее жизни тысяч его обитателей). Что же касается облика современных кварталов Орана, то они очень напоми-

нают Южную Европу с ее умеренным вторжением модерна в архитектуру XIX в., но с чисто средиземноморской любовью к ярким краскам и светлым тонам.

В 1983 г. по сравнению с прежними посещениями Орана город показался мне более многолюдным и тесным. Теперь здесь уже почти не попадаются европейские лица, весьма многочисленные, скажем, в 1963 г. Зато стало намного больше машин, автобусов, мотоциклов и мотороллеров, главным образом западногерманских и японских марок. Тихий и спокойный ранее, сохранявший какое-то подобие «очарования французской провинции», как писали некоторые путешественники, Оран стал шумным, загазованным и, конечно, перенаселенным.

На главной площади 1 Ноября, там, где расположены мэрия, театр (именуемый здесь «Опера», которой на самом деле нет) и памятник эмиру Абд аль-Кадиру, полно людей. И на прилегающих улицах и переулках, на лестницах и спусках, связывающих некоторые из них, очень много народу. Приглядевшись, замечая: по преимуществу это молодежь, которой явно нечего делать и некуда спешить. Молодые, здоровые парни стоят кучками, что-то обсуждая, сидят или полулежат на газоне, на лестницах мэрии и театра, лениво наблюдают за уличным движением и особенно за проходящими девушками. В соответствии с южной традицией каждый старается выбрать позу понебрежнее, облокотившись на перила, на парапет, на ступеньку лестницы или ограду памятника. Все они либо старшеклассники, пропускающие занятия, либо абитуриенты, не попавшие в университет и дожидаящиеся призыва в армию, либо просто безработные. Через пять лет, в конце 1988 г., будут опубликованы данные о том, что безработица в Алжире охватывает 22 процента всего трудоспособного населения, в том числе половину молодежи в возрасте 20—24 лет. В 1983 г. положение было лучше. Но и тогда уже проблема роста безработицы среди молодежи была достаточно серьезной.

Безработица, помимо чисто экономических, влечет за собой и моральные последствия. Среди безработных юнцов нередко вспыхивают драки, распространяются различного рода пороки и, как правило, снижается уровень нравственности. В этой связи в Алжире многое делалось и делается для усиления влияния ре-

лигии среди молодежи, для сохранения и упрочения в ее среде традиционной морали ислама. Однако это далеко не всегда помогает. К тому же, на значительную часть молодежи ислам не оказывает такого влияния, какое можно было бы ожидать.

Например, наступает час молитвы. Но большинство молодых людей на площади 1 Ноября и не думает выполнять своей религиозный долг: идти в мечеть или же молиться на месте, как это сделали бы многие их сверстники в Египте, Ливии или Ираке. Они равнодушно взирают на висящий над площадью лозунг: «Ислам — одна из основных ценностей цивилизованной личности». Позже я прочитал в одном французском журнале, что хотя в Алжире постоянно действуют 15 тысяч мечетей, 75 процентов алжирской молодежи в возрасте 17—25 лет никогда не молятся. Возможно, это преувеличение. Тем более что уже давно занятия в вузах Алжира начинаются с молитвы.

Пять лет спустя молодежь (в основном безработные и учащиеся) сыграла решающую роль во время октябрьских событий 1988 г. Эти события привели к повороту в политической жизни Алжира и легализации многих давно уже существовавших партий и общественных движений. Наиболее значительным из них стал Исламский фронт спасения (ИФС), победивший на выборах в местные органы власти в июне 1990 г. Победа ИФС свидетельствует о возросшем влиянии ислама в Алжире, прежде всего — среди молодежи, составляющей значительную долю, если не большинство приверженцев ИФС. Это объясняется как ухудшением экономического положения, причиной которого многие считают забвение Корана и шариата, так и тем обстоятельством, что все алжирцы, независимо от степени их религиозности, являются патриотами ислама. Для них он не только религия, но также образ жизни, источник законодательства, кодекс поведения в семье, быту и обществе. Именно поэтому алжирцы чрезвычайно чувствительны ко всякому неосторожному высказыванию иностранца об исламе и, как правило, вообще стараются эту тему с ним не обсуждать.

Далеко не у всех алжирцев имеется точная информация о положении ислама в СССР. Эта тема и тогда, в 1983 г., неизбежно поднималась почти в каждой беседе. Мне пришлось именно в Оране пере-

убеждать руководителя местной организации бывших муджахидов (ветеранов революции) Мухаммеда аль-Кантари, который был уверен в том, что в СССР все религии преследуются, включая ислам. Так думал не только он.

С аль-Кантари, бывшим преподавателем и вице-ректором университета, а также — деятелем местной балядийя (мэрии), мы встретились на приеме в здании мухафазы (областной организации) партии ФНО Орана. Во время обмена речами аль-Кантари высказал пожелание, чтобы советские историки «не писали об Алжире так, как это делают западные авторы, искажающие образ Алжира». Наш собеседник очень интересовался состоянием алжироведения в СССР и, кстати, сожалел, что в нашей стране алжирцы обучаются главным образом техническим специальностям. От него я также узнал о том, что в Алжире возникла ранее не существовавшая проблема взаимоотношений ветеранов революции и молодежи, все чаще их критикующей. «Что они знают о революции? Почему берутся судить нас?» — говорил аль-Кантари с обидой и удивлением. Как все-таки много общего в жизни народов, многим пожертвовавших ради революции!

Заместитель секретаря мухафазы предложил нам ознакомиться с местными предприятиями, на которых работают советские специалисты. Воспользовавшись этим, мы на следующий день посетили известный далеко за пределами города Оранский стекольный завод.

Финансовый директор завода Хаси рассказал нам, что завод был выстроен французской фирмой «Сен-Гобэн» в 1947 г. и его персонал был на 100 процентов французским. В 1962 г. фирма закрыла завод. Тогда алжирские рабочие взяли управление в свои руки и возобновили производство с помощью чехословацких специалистов. В 1968 г. было решено завод перестроить. Старую печь сломали и заменили тремя новыми. С 1969 г. на заводе постоянно работают специалисты из СССР. Сейчас их около 50, а обучают они 300 алжирцев. Всего на заводе трудятся 1300 человек. Продукция завода в настоящее время выросла до 60 тысяч тонн в год (до 1962 г. всего 15 тысяч тонн). При техническом содействии СССР был создан за четыре года цех листового стекла, который в 1982 г. уже давал 10 тысяч тонн продукции. Но разработан новый

проект, который доведет производительность цеха до 15 тысяч тонн в год.

Всего в Алжире — три стекольных завода. Но самый крупный из них — в Оране. Он один из передовых в стране и в социальном плане. Средняя заработная плата здесь хоть и ниже, чем на нефтекомплексах Арзева, но достаточно высока: 2200—2300 динаров. За последние годы 250 рабочих получили от завода новые квартиры. На работу и с работы весь персонал доставляется служебными автобусами. Завод располагает столовой, кооперативным магазином, летним детским лагерем, медицинским центром по обслуживанию как рабочих, так и их семей.

Мы походили по цехам вместе с Хаси и другими представителями администрации. Было интересно наблюдать за работой стеклодувов, быстро и ловко придающих огромной расплавленной капле нужную форму, за превращением таких же капель в бутылки на штамповочной машине, за нанесением цветной росписи на белые вазы и позолоты — на голубые. Завод в 1983 г. покрывал до 80 процентов нужд страны, выпуская бутылки, банки, вазы, посуду, оконное стекло, ветровые стекла для автомашин. Есть здесь маленький цех цветного стекла, предполагалось в ближайшее время начать выпуск хрусталя. Не работал временно цех по производству небьющегося стекла, как сказал Хаси — «ввиду нехватки мастеров и дефектов продукции, пока еще не отвечающей мировым стандартам». Были и другие заботы: из компонентов сырья лишь кварцевый песок и известь — местные. Остальное приходилось ввозить: доломит из Албании и Испании, соду (18% состава) из Бельгии, Турции и Франции. В ближайшие годы, однако, предполагалось и эти компоненты начать добывать в Алжире.

В цехе листового стекла нас сердечно встретили специалисты из СССР. Они показали нам работу всей линии конвейера, рассказали, что цех лишь на 40 процентов покрывает нужды Алжира и, возможно, будет построен еще один такой же. При этом не исключалась конкуренция с французами: учитывая большую потребность Алжира в ветровых стеклах для автомашин, уже упоминавшаяся фирма «Сен-Гобэн» предложила Алжиру построить в Жижели (на востоке страны) еще один стекольный завод. Наши специалисты, однако, полагали, что Алжир вряд ли пой-

дет на это, учитывая печальный опыт сотрудничества с западными фирмами, на рубеже 70—80-х гг. вдвое завывсившими стоимость выполненных ими контрактов против первоначально намеченной. К тому же долгий опыт совместной работы очень сплотил алжирский и советский персонал. Играло определенную роль и то обстоятельство, что заработки советских специалистов практически не отличались от таковых у алжирских мастеров. Орания примечательна не только в промышленном отношении. Это древняя житница страны. Мы убедились в этом, проезжая мимо хорошо возделанных полей, фруктовых садов, плантаций цитрусовых и оливковых рощ в Бредеа, Бу-Тлелисе, Эль-Амрийя, Хаси аль-Галия, Эль-Малахе. Все эти большие поселки (или маленькие городки) на шоссе, ведущем к югу от Орана, построены как бы по типовому проекту — длинная главная улица, которая представляет собой продолжение шоссе, в центре — главная площадь с мэрией, мечетью, иногда еще и с церковью, находящейся обычно в запущенном состоянии. «В нее некому ходить, — сообщает сопровождающий нас в поездке Салим Ульман. — Ранее жившие здесь европейские колонисты уехали. Сейчас осталось не более тысячи шестисот „черноногих“, как их называли раньше и продолжают называть сейчас во Франции (за черные лаковые штиблеты, которых у алжирцев не было. — Р. Л.). Они хотят уехать, но медлят, так как продать имущество могут лишь государству, то есть по твердой цене, что им невыгодно».

В 139 километрах к юго-западу от Орана расположен древний Тлемсен, бывший когда-то и столицей берберских эмиров, и прибежищем мавританских изгнанников из Андалусии, и твердыней турецких властителей Алжира. Это красиво раскинувшийся в горной впадине центр аграрной по преимуществу области, славящийся своими историческими памятниками и культурными традициями. Здесь особенно чтут национального героя Алжира эмира Абд аль-Кадира, 15 лет сражавшегося против французов в этих местах. Стела с его изображением стоит у въезда в вилайю (провинцию) Тлемсен. Примерно через 40 километров минуем городскую черту Тлемсена, согласно указателю на дороге, но города не видим. Кругом одни поля. Собственно город начинается лишь спустя

минут десять, после нескольких подъемов и спусков среди желто-зеленых холмов. Сам город тоже очень зеленый, и в нем удивительно легко дышится.

На следующий день вместе с председателем совета советских специалистов в Тлемсене врачом Н. Т. Максименко мы посетили центральный госпиталь Тлемсена.

Директор госпиталя Бухара рассказал нам, что сейчас в стране действует около 30 медицинских центров университетского уровня, которые разработали программу перестройки медицинского обслуживания. Есть они и для этого госпиталя, где функционируют отделения офтальмологии, гастроэнтерологии, дерматологии, травматологии и некоторые другие. Планируется создание отделений нейрохирургии, хирургии сердца и других. Специалистов такого профиля готовят в университетском центре Тлемсена и Институте научной медицины при нем. Среди 600 человек персонала госпиталя работают 30 советских врачей, к которым относятся с большим уважением. Медицинское обслуживание здесь бесплатное, в том числе доставка больных транспортом и пользование лекарствами. Есть здесь, конечно, как и вообще в Алжире, частнопрактикующие врачи, но у них лечатся главным образом люди зажиточные.

После посещения госпиталя мы совершили поездку по городу. Достопримечательности его нам показывал местный учитель Мухаммед Айн Сбаа, секретарь касмы (городской секции) партии ФНО. Он очень интересно рассказывал об истории города, его мечетях, окрестностях, памятниках и новостройках. Тлемсен сохранил в своем облике немало средневековой романтики: остатки поросших мхом высоких крепостных стен, вздымающиеся над черепичными крышами своеобразные четырехгранники типично магрибинских минаретов, роскошные порталы мечетей, орнаментальная цветная керамика облицовки многих старинных или стилизованных под старину домов. Особенно поражает громадный (38 метров высотой и 100 квадратных метров в основании) минарет Мансура, уцелевший среди развалин выстроенной 650 лет назад мечети. На центральной площади Абд аль-Кадира лозунг: «Ислам — религия государства». Есть и другие лозунги на улицах Тлемсена. При этом, как нам сказали, почти исчез широко распространенный с

1980 г. лозунг «За лучшую жизнь». Его сочли несколько расплывчатым и заменили более конкретным: «Труд и старание — гарантия будущего». Это особенно актуально звучало при виде множества молодых людей, слонявшихся без дела или сидевших в многочисленных кафе.

Мы посетили мечеть Сиди Бумедьен, где находится усыпальница святого покровителя города. «Сиди Бумедьен, — рассказал нам хранитель мечети, — был не только святым марабутом, но и воином. Он сражался в Палестине с крестоносцами при великом султানে Салах ад-Дине аль-Айюби (знаменитом Саладине из романов Вальтера Скотта. — *Р. Л.*) и в сражениях потерял руку. Его чтят во всех концах мира ислама. Несколько лет назад сюда приезжал мулла из СССР». Родившийся в Севилье Абу Мадьян (1126—1188), которого в Магрибе называют Сиди («господин мой») Бумедьен, был не только воителем, проповедником, мистиком и аскетом, но и видным общественным мыслителем и знатоком арабо-андалусской культуры. Он содействовал ее распространению по всему Магрибу. Тлемсен в дальнейшем стал одним из центров этой культуры, за что и получил звание «Гранды Африки». Как сказал мне один из местных руководителей ФНО Бен Ауда Аулия, «потомки андалусских эмигрантов и сейчас живут в Тлемсене. Но они так смешались с потомками берберов, бедуинов и турок, что выделить их невозможно». Потом я узнал, что это не совсем точно.

Всего в вилайе Тлемсен в 1983 г. трудилось 13 коллективов (до 200 человек) советских специалистов — не только врачей, но и геологов, преподавателей, горных инженеров. Некоторых из них мы встретили во время поездок по окрестностям Тлемсена, например, у источника Айн Фазза — шестерых работников свинцово-цинкового рудника из Казахстана и Приморья. Мы посетили также клуб советских специалистов в Тлемсене. Они рассказали нам о своей работе, о дружбе с алжирцами, о жизни, о трудностях, в частности о нехватке воды, которой здесь, как и всюду в стране, недостаточно, и подается она в дома далеко не весь день.

Об отношении к СССР мы могли судить вечером по собранию в местном культурном центре, зал которого, рассчитанный на 900 человек, был заполнен до

отказа. Над сценой висел плакат — «Тлемсен приветствует делегацию Общества русско-алжирской дружбы». Это было лейтмотивом звучавших в тот вечер выступлений. В заключение ансамбль «Русь» из Владимира горячо приветствовали присутствующие. Завершилось выступление ансамбля алжирской патриотической песней, вызвавшей взрыв энтузиазма в зале.

Мы уезжали из Тлемсена с самыми добрыми воспоминаниями о прошедшей декаде дружбы с Советским Союзом. И нам глубоко врезались в память слова секретаря мухафазы вилайи Тлемсен Мухаммеда Абд ас-Самада, сказанные при встрече с нашей делегацией: «Мы никогда не забудем помощи Алжиру в его борьбе за независимость, а также экономической и политической поддержки после завоевания им независимости. Мы никогда не забудем ваших саперов, жертвовавших собой при разминировании нашей земли², а также того, что с вашей помощью в городе Аншабе был выстроен огромный металлургический комбинат». По дороге из Тлемсена в Оран, недалеко от Тафны, мы увидели указатель — «социалистическая деревня Абд аль-Кадир». Нам это название показалось символом пути, пройденного страной от героической борьбы эмира Абд аль-Кадира до бурно преобразившегося Алжира 80-х годов XX в.

Разумеется, за десять дней нашего пребывания в Алжире мы не могли осмотреть все объекты советско-алжирского сотрудничества, которому в декабре 1983 г. исполнилось 20 лет. Оно продолжало шириться и развиваться, охватывая все новые и новые сферы народного хозяйства АНДР, такие, как строительство плотин и электростанций, железных дорог и жилых массивов. Отношения между нашими странами продолжали укрепляться и в последующие годы. И хотя у каждой стороны могли быть свои взгляды на первоочередность и характер тех или иных проблем, возникающих в ходе реализации сотрудничества, оно оставалось реальностью, связывающей наши народы и страны.

Интересна в этом плане была и встреча с Касди Мербахом, тогда министром тяжелой промышленно-

---

² В 1962—1963 гг. советские саперы обезвредили 1,5 миллионов мин, ранее установленных французами на границах Алжира. При разминировании пять советских военнослужащих были ранены, один — погиб.

сти и сопредседателем смешанной алжиро-советской комиссии по сотрудничеству (впоследствии в 1988—1989 гг., он был премьер-министром АНДР). Высокий, худощавый, крутолобый, черноусый, с кавказским профилем и большими глазами, Касди Мербах несколько напоминал грузинских аристократов с портретов XIX в. Говорил он быстро, четко, много помнил, приводил интересные данные (например, что составлением геологической карты Алжира заняты 200 советских геологов). «Нужно, чтобы дружба базировалась на конкретной основе сотрудничества,— сказал он.— А проблемы неизбежны. Без них не бывает деловых отношений». И он тут же называл проблемы: продление контрактов специалистов, замена которых нежелательна, поставки запчастей к советской технике, борьба с засухой, необходимость совершенствования систем ирригации и мелиорации, помощь советским гидрогеологам, ищущим источники подземных вод в сахарских районах Адраре и Лагуате. Завершая беседу, Касди Мербах суммировал все успехи сотрудничества и его недостатки.

Рассказать обо всем, что я видел и слышал в Алжире осенью 1983 г.,— трудная задача. Я предпочел остановиться на главном, что характеризовало тогда и характеризует сейчас наши отношения. Но эти отношения имели и много других аспектов.

Революция справляет юбилей

Через год я снова оказался в Алжире, на этот раз по приглашению Национального центра исторических исследований АНДР, который решил к 30-летию начала алжирской революции в ноябре 1984 г. созвать международный коллоквиум на тему «Эхо алжирской революции». Первоначально его предполагалось назвать «Семинаром о национально-освободительной войне в Алжире». Само переименование этого мероприятия говорит о многом. Если семинар должен был быть посвящен прежде всего изучению революционной войны 1954—1962 гг. как таковой в целом, то коллоквиум был в основном сориентирован на международное значение алжирской революции, отклики на нее в различных странах и ее влияние на ход событий в различных уголках земного шара.

Участники коллоквиума разместились в отеле «Эль-Джазаир», который ранее, при французах, назывался «Сен-Жорж». Его достопримечательностью был когда-то номер, в котором жил в 1943—1944 гг. генерал Дуайт Эйзенхауэр, тогда — главнокомандующий англо-американскими войсками, которые, базирясь в Северной Африке, воевали в Италии и Франции. Мемориальную табличку с этого номера теперь почему-то сняли, возможно, ввиду охлаждения в алжиро-американских отношениях с конца 60-х годов. Сам отель, расположенный в цветущем саду, когда-то был одним из лучших в стране. Ныне он один из наиболее уютных и старинных. Работа коллоквиума проходила тут же, в большом зале мавританского стиля, украшенном сплошными аркадами, разрисованными мозаикой. Тройные окошки с арабесками и причудливая резьба по дереву потолка дополняли особый андалусский колорит зала.

Среди приехавших на коллоквиум было немало известных ученых — профессор университета имени Карла Маркса в Лейпциге Хельмут Нимшовский, профессор университета имени Аттилы Йожефа в Сегеде Ласло Надь, профессор университета имени Неру в Дели Мухаммед Агвани, видный тунисский историк Абд аль-Джалиль Темими, сирийский исследователь Ахмед Тарабин, долго работавший в Алжире Хартмут Эльзенханс, историк и социолог из ФРГ, опубликовавший в Мюнхене в 1974 г., пожалуй, самую большую (908 страниц) монографию на немецком языке о войне Франции в Алжире. Преобладали среди участников коллоквиума, естественно, алжирцы, а из иностранцев — французы. Бросалось в глаза отсутствие представителей Египта и Марокко, в то время (1984 г.) не имевших отношений с Алжиром. Вместе с тем наблюдалась известная солидарность стран Средиземноморья: из Албании приехали сразу 4 участника коллоквиума, в то время как из СССР, ГДР и Венгрии, где Алжир изучали гораздо больше, всего по одному. Всего же в работе этого интересного научного форума приняли участие около 100 человек.

О задачах и направленности коллоквиума лучше всего можно было проследить по высказываниям Абдальмаджида Мезиана, в то время министра культуры и туризма АНДР, который официально открывал и закрывал этот скорее политический, нежели науч-

ный, форум, присутствовал на некоторых его заседаниях и снабжал в дни его работы информацией алжирскую прессу, радио и телевидение. На открытии 24 ноября он, например, сказал, что «надо показать научными методами, как и каким образом алжирская революция оказала глубокое воздействие на национально-освободительное движение в третьем мире». Он также назвал ее «всемирной революцией, наложившей отпечаток на развитие человечества». Среди революций, предшествовавших алжирской, Мезиан назвал вьетнамскую, а среди последующих — палестинскую.

Не только изучение опыта алжирской революции и ее реальной роли интересовало организаторов коллоквиума, но также и пропаганда в мире достижений Алжира. «Алжирская революция,— сказал Мезиан в интервью газете „Эль Муджахид“ 28 ноября,— не является только революцией алжирцев, а представляет собой достояние всего человечества». Вместе с тем он определил и те практические выводы, которые алжирцы могут извлечь из работы коллоквиума: «Для алжирского историка важны встречи такого рода, которые задерживают внимание на реальностях, ускользнувших от глаз наших соотечественников. Это вполне объяснимо: находясь в центре событий, мы не были способны определить их мировое значение». По словам Мезиана, следующим этапом должны стать «умножение такого рода встреч и совершенствование методов исследования в этой области». С этой целью Алжир и организовал встречу крупных специалистов по истории Алжира, «принадлежащих к различным национальностям и идеологиям», дабы выработать «наиболее объективные методы исследования» для «научного восстановления реальной истории». Особенно четко данный аспект проблемы выделен был в докладе Мулуда Касима Найт Белькасема, члена постоянного секретариата ЦК ФНО и главы Высшего совета национального языка, то есть фактически уполномоченного по проведению «арабизации». Ветеран национального подполья до революции и министр по делам религии после независимости, Мулуд Касим говорил по-арабски, щедро оснащая литературную речь целыми пассажами на диалекте, пересыпая ее простонародными выражениями и отдельными французскими фразами (что вообще типично для ара-

боговорящих алжирцев, особенно берберов по происхождению, каковым Мулуд Касим был, судя и по имени, и по внешности — рыжеватый шатен с лицом скорее южноевропейского, нежели восточного, типа). Он взбадривал, смешил, зажигал аудиторию своей ораторской манерой, как бы выстреливая в публику длинные быстрые, как пулеметные очереди, фразы, завершавшиеся, подобно взрыву гранаты, фиксацией гортанного или долгого звука.

Касим особо подчеркивал «роль 1 Ноября (т. е. дня начала революции.— *Р. Л.*) в возвращении Ливии, Египта, Марокко и Тунису — их независимости, а всей Африке — ее свободы». По его словам, все они использовали желание Франции «иметь в Алжире полностью свободные руки» и постарались «вырвать у нее все, что было можно». Франция рассчитывала, по его словам, что, предоставляя «внутреннюю автономию» или «независимость в рамках взаимозависимости», она потом сможет взять эти уступки обратно. Но этого не произошло.

В открывшем деловую часть коллоквиума основном докладе Мухаммеда Туили (директора Национального центра исторических исследований и национальных архивов АНДР) цитировалось высказывание Че Гевары: «Борьба алжирского народа — это борьба за свободу не только алжирцев, но и всех людей на всех континентах, которые страдают от несправедливости и угнетения». Туили подчеркнул, что война 1954—1962 гг. в Алжире нашла глубокий отклик во всех арабских странах, в Азии, особенно в Индии и Китае, в Африке, прежде всего в Гане, Гвинее и Мали, и в Латинской Америке, где он особо выделил Кубу. «Надо, чтобы весь мир ощутил воздействие нашей борьбы», — говорил один из лидеров алжирской революции, героически погибший в 1957 г. Ларби Бен Мхиди. Вместе с тем эта борьба была сильна именно всемирной ее поддержкой. Туили указал на «безоговорочную поддержку СССР» в 1955 г., а также «других стран социалистического содружества — Чехословакии и, конечно, Югославии».

Наиболее запомнился после Туили югославский историк Здравко Печар. Он был корреспондентом газеты «Борба» в Тунисе, в 1958—1959 гг. посетившим базы партизан в Алжире, и был знаком почти со всеми видными деятелями алжирской революции. Неко-

торых из них (в частности, присутствовавшего «товарища Си Насера», то есть Саида Мохаммеда, командовавшего штабом алжирских партизан на востоке страны) он, отрываясь от чтения доклада, прямо в зале благодарил за содействие, оказанное ему как журналисту в свое время. После победы революции Печар одно время занимал пост посла Югославии в Алжире. Автор большого, почти на тысячу страниц, труда «Алжир до независимости», Печар является хорошим знатоком страны. Его отличает «знание революции изнутри», основанное на личных наблюдениях. Вместе с тем он явно преувеличивал, называя ее «одной из великих революций и широких народных движений в мире, принимавших все более социалистический характер». Это в целом совпадало с официальными оценками в самом Алжире, но имело целью прежде всего подчеркнуть несогласие с точкой зрения ученых-марксистов.

Критикуя догматизм коммунистов Алжира и Франции, Печар позволил себе даже заявить, что особенности освободительной борьбы и всего, что с ней связано, «лучше всего поняли не мировое коммунистическое движение и не КПСС, а мы (т. е. Югославия.— *Р. Л.*), Алжир, Вьетнам и Китай». Главная же мысль, повторявшаяся как лейтмотив, содержалась в наиболее концентрированном виде в конце его выступления: «Не принадлежа ни к какому блоку, отказавшись от покровительства той или иной великой державы, алжирская революция принесла большие жертвы... но стала динамичным символом политики неприсоединения, знаменем борьбы мира неприсоединившихся стран за право народов на самоопределение и свободное развитие, за право государств на независимость и суверенитет».

Отголоски этих идей встречались в выступлениях и некоторых алжирских участников коллоквиума. Например, профессор Аммар Бухуш (получивший образование в университетах США) в своем докладе «Особенности алжирской революции в сравнении с великими революциями XX в.» ссылался на известного югославского теоретика Милована Джиласа.

Исследователи-марксисты из стран Запада фактически отсутствовали, за исключением преподавательницы Неаполитанского университета, члена компартии Италии Анны Боццо. Она в основном старалась

доказать, что ИКП, в отличие от ФКП и АКП, с самого начала революции правильно оценила характер событий в Алжире и активно помогала ФНО через Велио Спано, руководителя международной секции, и родом из Туниса члена ЦК ИКП Маурицио Валенци. Роль последнего особенно подчеркивалась Боццо (М. Валенци тогда, в 1984 г., был мэром Неаполя). Это выступление вызвало среди слушателей неоднозначную реакцию. По словам одного из французских делегатов, «Анна Боццо, очевидно, полагала, что без ИКП алжирская революция ничего бы не добилась».

Высказывались на заседаниях и еще более субъективные взгляды. В частности, Анни Рей-Гольдцигер, вышедшая из ФКП еще в 1956 г., все свое выступление посвятила критике позиции ФКП в алжирском вопросе, а также — следования АКП в фарватере политики ФКП, что объяснялось, по ее словам, боязнью АКП «нового подполья в условиях международной разрядки, которой хотела Москва». Другой бывший член ФКП, Рене Галиссо, удивил слушателей самой темой доклада: «Что такое алжирская революция?» Доклад имел интригующий подзаголовок: «Революции третьего мира, не являются ли они опровержением „Капитала“ Карла Маркса?» Часто ссылаясь на арабо-исламский характер культуры Алжира и на переплетение революций социальной и национальной, Галиссо утверждал, что «схема Маркса» в странах Азии и Африки «тоже работает», но с существенными поправками: вместо пролетариата в качестве ведущего класса выступает крестьянство, а на место мелкой буржуазии в «Марксовой схеме» надо-де поставить пролетариат, который, мол, занимает в колониях «промежуточное» положение и не так уж и заинтересован в освободительной революции. Галиссо не скрывал, что его концепция базируется во многом на взглядах известного революционного демократа Франца Фанона, считавшего пролетариат колоний «привилегированным классом».

С сообщениями и докладами всего выступило 46 человек: от Алжира — 19, от Франции — 8, от Англии — 3, от Италии и Сирии — по 2, от остальных 12 стран — по одному докладчику. От Франции выступили Шарль-Робер Ажерон — крупнейший специалист по новой и новейшей истории Алжира, Альбер-Поль Лантэн и Андрэ Мандуз — уроженцы Алжира, в свое

время близкие к прогрессивным кругам, молодой динамичный Бенжамэн Стора (один из самых блестящих историков предреволюционного Алжира). Представленные ими доклады, пожалуй, были наиболее значительны и интересны.

Проследив эволюцию общественного мнения Франции в отношении войны в Алжире, Ажерон опроверг утверждения некоторых его соотечественников о том, что французы якобы «вышли из этой войны, как и вошли в нее, безразличными». Наоборот, по его словам, «абсолютное большинство французов с 1957 г. выступало за мирные переговоры», а 20 марта 1962 г., то есть на другой день после прекращения огня, «82 процента французов выразили свое удовлетворение». Как социалист, Ажерон интересовался позицией рабочего класса Франции и пришел к выводу, что французские рабочие «в основном вели себя вовсе не как классический пролетариат». Не менее интересен был и 30-страничный доклад Сторы о различных поколениях лидеров алжирских националистов, сформировавшихся в эмиграции во Франции в 1926—1954 гг. В отличие от него Лантэн и Мандуз не поразили аудиторию обилием использованных архивов и документов. Они больше импровизировали, опираясь на личные воспоминания об Алжире революционных лет и о своем участии в бурных событиях того периода.

В то же время из США не приехали официально приглашенные и значившиеся в программе известные специалисты по Алжиру. Складывалось впечатление, что американцы заранее знали, какой будет характер коллоквиума, не хотели «подыгрывать» алжирцам и прислали поэтому одного Питера Бехтолда, занимающегося Алжиром «между прочим», просто, чтобы «отметиться» на коллоквиуме. С этой задачей Бехтолд в основном справился. Он говорил о сложностях национальной и социальной ситуации в регионе Магриба и Ближнего Востока, о закономерности происходящих там всюду гражданских войн, о различиях между целями и способами колониальной политики Франции и Англии. Но ни академизм, ни даже лесть в адрес Алжира, которому он приписал «лидирующую роль в третьем мире», его не спасли. Подвергнутый резкой критике за объективное выгораживание «империалистического колониализма», Бехтолд в своем ответе оппонентам заявил: «Я хотел бы вам сказать,

что Америка была первой в мире колонией, которая начала борьбу за свободу и победоносно ее завершила». Однако выступавшая позднее алжирская исследовательница Фэриэль Фатес отметила: «В том-то и противоречие, что США, все время повторяя свою классическую фразу о первой колонии, начавшей антиколониальную борьбу, ныне выступают против тех, кто ведет эту борьбу».

Антиамериканизм алжирских и ряда иностранных участников коллоквиума тем не менее был достаточно умеренным. К тому же он как бы «уравновешивался» явным интересом к позиции США и американского общественного мнения. Об этом говорили Бехтолд, англичане Доналд Круиз и Майкл Бретт, наконец, та же Ф. Фатес, весь свой доклад посвятившая анализу позиции американского журнала «Тайм» в годы войны в Алжире.

При всем стремлении алжирцев сосредоточить внимание коллоквиума только на нужных им (и в нужном им освещении) вопросах идеологические различия между участниками дискуссии нередко принимали формы столкновений. В частности, оранский профессор Яхья Буазиз утверждал, критикуя Печара и вообще марксистский подход к революции, что, мол, в Алжире не было классов, так как колониализм сделал из алжирцев «единый класс угнетенных». Печар ответил: «Вопрос о классах столь ясен, что я даже не буду спорить». Вместе с тем он подчеркнул, что судьбу Алжира решили «подлинные революционеры внутри страны без каких-либо советов извне». Одним из достоинств алжирской революции он счел «отсутствие у нее связей с каким-либо центром в мире».

Профессор Бухари Хамана из Алжирского университета настаивал на принадлежности алжирцев к «единой великой арабской мусульманской нации», имеющей общие интересы. Ему вторил сириец Нур ад-Дин Хатум, подчеркивавший «единство духа» всех арабов. Об «исламских основах» алжирской революции говорили и другие участники коллоквиума.

В то же время не всем присутствовавшим на заседаниях алжирцам дали выступить, в частности, Абдар-Рахиму Талебу Бендиабу, сотруднику Национального музея муджахида, известному своими марксистскими взглядами. На одном из заседаний выступила сестра героя революции Ларби Бен Мхиди. Но так и

не получили слова другие ветераны, в частности те, кто начинал сражаться в отрядах, созданных коммунистами, а потом присоединился к ФНО. Судьба многих из них была тогда трагична, что, кстати, весьма ярко показано в переведенном на русский язык романе Тахара Ваттара «Туз». И если сейчас их положение иное («Подумаешь, не дали медали участника революции», — сказал мне один из них), то оно все же не лишено драматизма.

Споры знатоков

Конечно, тогда, в ноябре 1984 г., я видел не только зал отеля «Эль-Джазаир» и собравшихся в нем. Жизнь текла своим чередом. Многие из участников нашего форума уехали, не дожидаясь конца дискуссии. Мулуд Касим Найт Белькасем, например, выступив на коллоквиуме, выехал в Италию на симпозиум «Европейско-арабский диалог», который и ранее уже созывался в Бонне и Брюсселе. Он был организован фондом Конрада Аденауэра, вообще проявляющим в последние годы большой интерес к странам Магриба. В центральной газете «Эль-Муджахид» рядом с отчетом о работе коллоквиума публиковалось интервью советского кинорежиссера Сергея Бондарчука, который прилетел в Алжир на встречу деятелей кино и премьеру своего фильма о Джоне Риде «Красные колокола». Газеты сообщали также о демонстрировавшихся в Алжире новых фильмах Монголии, о международном семинаре библиотекарей и документалистов, собравшем в Оране около 100 делегатов из Алжира, Франции, Великобритании и ФРГ, о гастролях театральной труппы из Египта и итальянского пианиста Франко Медори, о выступлениях иорданских актеров, о том, что на Кубе начиная с 1959 г. многих новорожденных девочек называли Архелия (Алжир) в знак солидарности с алжирской революцией. Печатались стихи молодого палестинского поэта Аззеддина аль-Манасры и рецензии на них.

В перерывах между заседаниями участников коллоквиума возили в музеи и на осмотр различных достопримечательностей. Особенно гордились алжирцы новым парком Риад аль-Фатх («Сады победы»). Это, собственно говоря, не столько парк, сколько выстроен-

ный специально к 30-летию революции коммерческо-туристический комплекс. Искусно выложенные из камня дорожки ведут от одного изощренно оформленного кафе к другому, от экзотического ресторана к сувенирному ларьку, от специализированного художественного магазина к павильонам с различными экспозициями: образцов шитья и тканей с традиционным рисунком, национальных костюмов разных эпох, племен и регионов, образцов кабилльской бижутерии (особенно из знаменитого и за пределами Алжира района Бени Йенни) и прочих изделий алжирского ремесла — деревянных решеток с геометрическим, типично берберским узором, резьбы по камню и гипсу, произведений чеканщиков и гончаров. Все это очень красиво, но довольно дорого. Поэтому по Риад аль-Фатху можно прогуливаться и многим любоваться, но вряд ли что-нибудь купить. Цены здесь по карману либо «нефтяным» шейхам из аравийских стран, либо богатым бизнесменам Запада.

Интересен Музей революции в алжирской столице. Свою революцию алжирцы считают продолжением предшествовавшей борьбы за независимость. Поэтому в музее выставлены экспонаты (главным образом — картины и фотокопии документов, но есть и подлинники), относящиеся не только к XX, но и ко всему XIX в. Некоторые документы еще нигде не опубликованы и представляют научный интерес. По крайней мере французские знатоки истории Алжира сразу стали выяснять, каким образом можно эти документы получить или скопировать.

Музей революции расположен в основании недавно воздвигнутого Памятника шахиду («павшему бойцу»). Это три прильнувших друг к другу гигантских каменных лепестка, хорошо видных из разных концов города. Монумент высоко взметнулся над районом Аль-Маданийя, расположенным в верхней части алжирской столицы. Именно в этом районе, который тогда назывался Кло Саламбье, состоялось в июле 1954 г. совещание 22 руководителей патриотов-подпольщиков, принявших решение о начале вооруженного восстания. С этого восстания в ночь на 1 ноября того же года и началась алжирская революция. Ее преемственность символизируют застывшие у Памятника шахиду статуи — партизана-муджахида с автоматом и бойца Национальной народной армии совре-

менного Алжира, высоко поднявшего факел, воплощающий неугасимое пламя революции.

У входа в музей двое часовых, замерших в почетном карауле, видимо, так понравились своей выправкой Шарлю-Роберу Ажерону, что он решил пошутить: «А они — не советские?» Я, естественно, отреагировал, абсолютно гарантировав Ажерону, что перед ним — подлинно алжирские, а не советские солдаты. Надо было видеть изумление моего собеседника, тем более что советского алжироведа он видел вообще впервые в жизни и вовсе не думал встретить его на коллоквиуме.

Мы быстро нашли общий язык. В Алжире и за его пределами Ажерона считают алжироведом номер один. Но даже ему, имеющему доступ к архивам практически всех стран Запада, так и не удалось ознакомиться со многими документами французских властей в Алжире за период алжирской революции: «Они хранятся в Экс-ан-Провансе, но пока закрыты». Этот высокий, мощного сложения, веселый бородач успевает следить за почти всей литературой об Алжире, издающейся в разных странах мира, готовить большое исследование о французском колониализме, читать лекции в Париже, работать в архивах Вашингтона, выступать на коллоквиуме в Алжире (кстати, он очень торопился вернуться во Францию на занятия в университет). И как все талантливые люди, Ажерон очень мягко реагирует на любое с ним несогласие: «Я же не святой Августин!»

Его оценки историков Алжира были точны и метки, а знание трудов алжирских исследователей — эмигрантов за пределами Алжира — поразительным. На мое предложение приехать в СССР и ознакомиться с нашей работой, Ажерон ответил: «Я недавно был в СССР как турист. Но, к сожалению, не знал, что у вас Алжиром серьезно занимаются. Поэтому встреч с алжироведами не искал. Да и поездка была в основном развлекательной». Я вспомнил в связи с этим, что и мы, находясь где-либо в турпоездке, меньше всего думаем о том, как бы использовать это пребывание еще и для работы.

В числе достопримечательностей Алжира — Дворец культуры. Он также был выстроен незадолго до 30-й годовщины революции. На террасе его еще лежали большие пакеты с керамической плиткой из го-

рода Кальяри на Сардинии (кстати, искусство керамики там возникло в эпоху владычества арабов из Магриба), из канадского Монреаля и даже из Японии. Строительство было закончено, как у нас говорят, «в основном». Предстояла еще отделка, в том числе облицовка некоторых частей здания мозаичным декором. Но дворец уже поражал роскошным оформлением внутреннего двора, великолепным и разнообразным украшением потолка, мраморными плитами пола. Как и все другие достижения современной алжирской архитектуры, Дворец культуры отдавал щедрую дань традициям андалусского зодчества, самым своим обликом подчеркивая преемственность поколений мастеров национальной культуры, бережно хранящих художественное наследие предков.

При осмотре дворца рядом со мной оказался Жозеф Керлан. Когда-то он служил в порту города Алжир, потом стал монахом и подобно многим католическим служителям выступил против колониальных порядков, последовав примеру местного архиепископа Дюваля, которого колониалисты прозвали «Мухаммед Дюваль» за его проалжирскую позицию. «Монсеньор Дюваль и сейчас еще занимает свой пост,— сказал Керлан,— хотя ему уже семьдесят один год». Керлан в годы революции занимался тем, что прятал от французской полиции подпольщиков ФНО и компартии Алжира. Поэтому он знал почти всех вождей революции, а также таких ее героев, как всемирно известный журналист-коммунист Анри Аллег, вместе с которым впоследствии оказался в одной камере.

Керлан рассказывал о своих встречах с творцами революции (его доклад на коллоквиуме был посвящен Баджи Мухтару, партизанскому вожаку на северо-востоке страны, погибшему в первых революционных боях через три месяца после их начала). От этого глубоко верующего человека с печальным взглядом и тихим голосом, много претерпевшего, исходила спокойная уверенность в том, что справедливость в конце концов восторжествует, если постоянно и ежедневно творить добро и заботиться о людях. Конечно, прав был в свое время министр труда и социального обеспечения Алжира Мухаммед-Саид Мазузи, взявший Керлана к себе на работу, хотя аббат и сохранил французское гражданство. Мазузи, сам 17 лет просидевший во французской тюрьме, прекрас-

но знал, чем может быть полезен Алжиру такой человек, как Керлан, христианин, много добра сделавший алжирским патриотам, исповедующим ислам.

Мне мало что удалось повидать в Алжире в 1984 г., поскольку мы ни разу не выехали тогда за пределы столицы и вообще редко оказывались вне отеля «Эль-Джазаир». Однако познакомиться с интересными людьми и узнать много нового о жизни Алжира удалось вполне. Этим и примечательны для меня воспоминания о ноябре 1984 г. в Алжире.

По алжирскому телевидению каждый вечер тогда демонстрировался французский многосерийный документальный фильм о первой мировой войне, 70-летие с момента начала которой отмечалось в 1984 г. Меня поразило обилие в нем материалов о русской армии, русском правительстве и вообще о России 1914—1917 гг. Не все эти кадры можно было тогда увидеть в наших документальных фильмах. И думалось, что Алжир, небольшая по нашим масштабам страна далеко не всеобщей грамотности, с прочными традициями религиозности, национализма и патриархальной клановости сельских общин, очень выигрывает от интенсивности своих международных экономических, политических и культурных связей, от обилия поступающей из-за рубежа информации. Этому способствуют и открытая продажа французских и прочих зарубежных газет, и прямые телепередачи из Франции, Испании, Италии, и специальные программы для телевидения и радио Алжира, составленные во Франции, США, ФРГ, и разнообразная деятельность культурных центров этих стран.

Практически любой неграмотный алжирец (в городе обычно все же знающий или по крайней мере понимающий французский язык) может узнать по радио последние новости из всех концов мира (а интерес к политике у алжирцев велик еще со времен революции), увидеть по телевидению (если не у себя дома, то в любой кофейне или лавке) корриду в Испании, футбольный матч в Италии, демонстрацию во Франции, какое-либо пышное празднество в Швейцарии или ФРГ. Таким же путем он знакомится с пьесами Мольера или Ануя в исполнении лучших французских актеров, с итальянской оперой и испанской эстрадой. Об организации производства в ФРГ и самоуправлении в Югославии, о последних экономи-

ческих и технологических достижениях Западной Европы и США алжирцы знают не только по газетам и журналам, радио- и телепередачам. В стране постоянно находятся миссии, делегации, отдельные менеджеры, предприниматели, ученые, знакомящие алжирцев с жизнью и достижениями своих стран, а также помогающие их освоить через покупку лицензий, внедрение технических новинок, практику работы смешанных предприятий. Во многом это облегчается более чем 80-летней традицией проживания в Европе (особенно во Франции, Бельгии, Швейцарии, а теперь еще и в ФРГ, Нидерландах, Испании, Италии) алжирских иммигрантов, приезжающих на работу, студентов, стажеров. Они являются главными поставщиками информации об окружающем Алжир мире.

Кстати, и советский культурный центр, успешно работающий в Алжире с 1964 года, много делает для ознакомления простых алжирцев с жизнью народов СССР, организуя лекции, дискуссии с советскими учеными и деятелями культуры, просмотры кинофильмов, выставки, концерты, памятные вечера, встречи по профессиям и интересам с приезжающими в страну советскими людьми. Но, конечно, многое мешает тому, чтобы объем информации об СССР хотя бы приблизился в Алжире к тому уровню, которого давно достигла информированность среднего алжирца о Франции и вообще о Западной Европе. Дальность расстояний, языковой барьер, отсутствие широких контактов, недостаточность изучения Алжира у нас и почти полное отсутствие изучения СССР в Алжире — все это преодолевается с большим трудом и гораздо медленнее, чем хотелось бы. В связи с этим обе стороны нередко пользуются результатами исследований третьей, главным образом Франции (меньше — США или ФРГ). Поэтому и получается, что мы иногда подходим к Алжиру на основе стереотипов, сложившихся об алжирцах на Западе, а алжирцы к нам — также на основе концепций западных советологов. И у нас и у них это следствие не какого-либо умысла, а просто недостатка информации. Тем не менее, пока что этот недостаток (с каждым годом все более относительный, но тем не менее сохраняющийся) иногда является источником некоторых недоразумений, мешая полному взаимопониманию.

В какой-то мере я это ощутил и тогда, осенью

1984 г. Алжирцы не возражали турецкому участнику коллоквиума Эрджуменду Курану, когда он оправдывал запоздалость поддержки Турцией алжирской революции принадлежностью его страны к блоку НАТО, вступить в который ее заставила, по его словам, «советская угроза». Мне пришлось, в сущности, в одиночку с ним спорить, но соблюдая осторожность, ибо в Алжире очень силен комплекс по отношению к «сверхдержавам», помыкающим малыми странами. Поэтому пришлось не только протестовать, но также заверять собравшихся в нашем уважении к турецкому народу, кемалистской революции и особенно к Кемалю Ататюрку, при котором отношения СССР с Турцией были отличными. Все, в том числе Куран, остались довольны.

Алжирцы с интересом слушали мои ответы на вопросы англичанина Алистэра Хорна (автора самой объемистой, но и самой спорной англоязычной монографии «Дикая война за мир: Алжир, 1954—1962 гг.») и уже упоминавшейся Анни Рей-Гольдцигер. «Не потому ли запоздала советская помощь Алжиру,— спрашивали они,— что французские коммунисты хотели сначала совершить пролетарскую революцию во Франции?» Расчет был очень верен: националисты в Алжире давно упрекали алжирских коммунистов в ориентации прежде всего на пролетарскую революцию во Франции. Я ответил, что не уполномочен отвечать за политику ФКП и что помощь СССР Алжиру поступала вовремя. Прогрессивный алжирский историк Талерб Бендиаб потом сказал мне: «Алистэр Хорн не пользуется здесь никаким авторитетом. Его уже как-то высылали за клеветнические высказывания. Да и весь Алжир возмущен его оскорбительной по тону перепиской с нашим известным историком Мустафой Лашрафом, который оспаривал выпады Хорна против алжирцев».

Но так в Алжире думают далеко не все. Самый старший, пожалуй, из алжирских историков Махфуд Кадаш, выходец из бедной семьи алжиро-турецкого происхождения, в юности — бунтарь, потом — участник движения за мир, близкий к коммунистам, ныне стоит на правоконсервативных позициях. И дело не в том, что он защитил диссертацию в Тулузе под руководством Ксавье Яконо, когда-то работавшего в Алжире французского профессора крайне правой ориен-

тации, а в его постоянно выражаемом неприятии всего, что исходит от левых кругов и марксистов. Хотя, вполне возможно, за прошедшие годы Каддаш мог измениться. К тому же он наиболее значительный и серьезный, по весьма авторитетному мнению Шарля-Робера Ажерона, из работающих в Алжире историков. На коллоквиуме Каддаш не выступал, появился в самый последний день и скромно просидел все заседание где-то в углу, даже не подав голоса. Объясняется это, как мне сказали, тем, что Каддаш так и не стал «своим» ни для левых, ни для правых.

На коллоквиуме выступали, как уже отмечалось, не только исследователи, но и непосредственные участники революции. Самым видным из них был Ахмед Махсас, один из лидеров патриотического подполья 1947—1950 гг., узник французской тюрьмы в 1950—1952 гг., после бегства из заключения — политэмигрант в Каире и организатор вооруженной борьбы внутри страны, с 1954 года — член «внешней делегации» ФНО, с 1956-го г. — член Национального совета алжирской революции, после обретения независимости — министр сельского хозяйства и аграрной реформы, после 1965 года — член Революционного совета, затем — вновь политэмигрант. Он был свидетелем подготовки и начала революции, знал всех ее погибших или эмигрировавших лидеров. На него смотрели с почтением, как на выходца из «тех пламенных лет». И он смотрел вокруг себя с чувством спокойного превосходства и, как мне показалось, с грустью. Мыслями он, очевидно, был там, в давно отгремевшей и уже невозвратимой эпохе, когда у него были власть, положение и престиж.

Выступали на заседаниях и другие ветераны революции, в частности руководители подполья ФНО, находившиеся во Франции, Кадер Калаш и Мухаммед Фарес. С первым из них я потом долго беседовал. «Жизнь подпольщика полна опасности, — рассказывал Калаш. — Все время надо было прятаться. Из-за этого я и женился лишь в сорок лет и у меня всего одна дочь, что, как известно, для алжирцев не типично. После революции я очень увлекся спортом, особенно воздушным. Мечтаю создать здесь аэроклуб. Я встречался с космонавтами, приезжавшими в Алжир из СССР, в том числе с Терешковой. А вообще-то в СССР я бывал много раз; впервые — в 1956 году,

поездом в Монголию и Китай через Омск и Иркутск. Я очень люблю СССР».

Я рад был встретиться в дни работы коллоквиума с Андре Мандузом, человеком удивительной судьбы. Один из видных деятелей Комитета сторонников мира 40—50-х гг., близкий к АКП и редактировавший совместно с Каддашем (тогда еще бунтарем!) оппозиционные издания, он был выслан из страны, не раз арестован, но продолжал помогать алжирцам, трижды издал в 1961—1962 гг. интереснейшую для своего времени книгу «Алжирская революция в текстах». Она была несколько раз конфискована полицией во Франции, но получила высокую оценку и у алжирцев и у французов. После обретения страной независимости Мандуз вернулся из Франции в Алжир и стал ректором Алжирского университета. Именно в этом качестве я его и встречал впервые в 1963 г. Наладив работу, он уступил место ректора алжирцу, но сам еще некоторое время оставался профессором университета.

«Свидетель, участник, историк; совпадают или противоречат друг другу эти три роли при подходе к алжирской революции» — так назвал Мандуз свой доклад. Он доказывал и на заседаниях, и в кулуарах в частных беседах, что, хотя перечисленные им роли часто (и напрасно) считаются несовместимыми, на самом деле они вполне дополняют друг друга. «Здесь у нас получился подлинный интернационал,— сказал он мне.— Может быть, в результате возникнет и дух интернационализма?» На мой вопрос, какой интернационализм он имеет в виду, Мандуз ответил шуткой: «Конечно, интеллектуальный, а не пролетарский». Позднее я прочитал в одном из его интервью, что коллоквиум «продемонстрировал желание Алжира, далекого от культа „блестящей изоляции“ и сосредоточенности на самом себе, осмыслить свое геополитическое положение».

Мандуз искренне радовался и своему пребыванию в Алжире, с которым так много было у него связано, и тому, что Алжир многого достиг за годы независимости и проявил «зрелость нации, которая, освободившись от колониализма политически и экономически, сверх того — деколонизовалась в культурном и идеологическом отношении».

Разумеется, коллоквиум был для алжирцев не

только научным, но и политическим форумом. Созвав ученых из 17 стран, они укрепили многие давние и наладили новые связи. Организация самой встречи и планирование подобных же в будущем свидетельствовали и о возросшей зрелости исторической науки в Алжире, и о стремлении ее представителей более громко заявить о себе миру. Вместе с тем это был повод вспомнить и о давних традициях культурных связей. Когда представительница Испании Кармен Карригес сказала об общности культурных традиций испанцев и алжирцев («У нас с вами общее наследие. У нас с вами наше общее богатство — Гранада»), это вызвало одобрение всего зала. А преподавательница Алжирского университета Аниса Баркат, сидевшая рядом со мной, сказала мне потом, что она родом из Тлемсена, ее предки — андалусцы и в их семье до сих пор хранятся ключи от дома в Кордове.

Я не случайно заканчиваю этим разговором алжирскую часть книги. Слова Карригес и Баркат напомнили еще раз, что Алжир — это еще и часть Магриба и, шире, арабо-исламского мира, блестящая цивилизация которого существует уже более тысячи лет. Ее влияние, значительное в Азии и Африке, заметно также и в Европе, даже (через испанцев и португальцев) в Америке. Наследие этой цивилизации, значение которой выходит далеко за пределы Магриба, вместе с тем одна из основ его единства. Но об этом — в следующих главах.

Глава 2

МАРОККАНСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Рабатские встречи

В декабре 1986 года я оказался в Марокко по приглашению университета имени Мухаммеда V в Рабате. Весной того года исполнилось 30 лет независимости страны и 25 лет царствования короля Хасана II. В связи с этими датами столичный университет с помощью западногерманского фонда Конрада Аденауэра организовал целую серию научных форумов с участием помимо марокканских ученых представителей Испании, Португалии, СССР, США, Франции и

ФРГ. Первый из них именовался коллоквиумом «30 лет университетских исследований Марокко».

Встреча с Рабатом — это всегда праздник. Но не шумный и яркий, а, наоборот, спокойный и скромный. Здесь тихо, неброско, гармонично. Даже традиционная для арабского мира белизна домов не ослепляет так, как в столицах Алжира и Туниса.

Французские географы называют Рабат «гнездом» и «узловым пунктом» страны, отмечая вместе с тем его «умудренность», «умеренность», «терпимость». В архитектуре, одежде, обычаях, поведении жителей здесь нет ни свойственного Фесу сверхконсерватизма, ни присущего Касабланке ультрамодерна. Рабат, как говорят марокканцы, все принимает и ничто не отвергает. В нем удачно сочетаются прошлое и настоящее королевства.

Недалеко от высокой коричневато-оранжевой стены Алауитов (ныне правящей династии, начавшей укреплять город в XVIII в.) туристам показывают развалины древнеримской колонии Салы, которая была когда-то самым западным портом Мавретании Тингитанской — одной из трех африканских провинций Рима. Археологи нашли здесь следы еще более раннего финикийского поселения. Всего обнаружено более 300 захоронений финикийцев и римлян. Над развалинами римских укреплений, термов и арок династией Меринидов в XIII—XIV вв. выстроена массивная крепость с мечетью Абу аль-Хасана, самого могучего из Меринидов. Его называют «черным султаном» (его мать была эфиопка). Но в народе так же называют другого султана — Мулая Якуба, давно ставшего легендарным персонажем фольклора, повелителем духов и покровителем продавцов воды. Именно поэтому у руин крепости всегда суетятся представители этой типично марокканской профессии, которых издали можно узнать по характерному звону кружек, колокольчиков на экзотическом одеянии багрового цвета и бубенчиков на широкополой соломенной шляпе. Обычно они рассказывают посетителям про Мулая Якуба, а также про могилу Лаллы Шеллы, дочери Абу аль-Хасана, чьим именем теперь и названа крепость. На самом же деле это могила матери Лаллы Шеллы, которая, по слухам, была христианкой, позднее принявшей ислам.

Не только крепость напоминает о славном прошлом Рабата. В XII в. халиф Абд аль-Мумин из дина-

стии Альмохадов заложил в Рабате касбу. Заселенная вскоре андалусскими эмигрантами из городка Орначо («орначерос»), цитадель стала оплотом анти-султанских выступлений. Чтобы пресечь это, султаны расселили здесь нанятое ими на военную службу племя удайя, в связи с чем цитадель и стала называться «касба удайя». Расположенная в самом высоком месте Рабата, она и сейчас грозно нависает над ним своими мощными стенами и башнями. Но и от прежних хозяев тут осталось кое-что: чудесный андалусский сад с фонтаном, обилие цветов, мавританское кафе с великолепным видом на океан, на устье реки Бу-Регрег и город Сале на другом ее берегу. Об андалусских эмигрантах, почти поголовно ставших корсарами с целью отомстить испанцам, напоминает и возвышающаяся над касбой Пиратская башня.

Можно много рассказывать о старинных памятниках Рабата — о 44-метровой башне Хасана, являющейся эмблемой города, о филигранно выполненном в андалусском стиле мавзолее Мухаммеда V (отца ныне царствующего короля), о выстроенных в разное время и оставшихся от былых крепостей мощных стенах Альмохадов и Андалусцев, о традиционном шелковом рынке «кисарийя» на улице Консулов в медине (старинной части) Рабата. Но рассказ о городе останется неполным, если не сказать о современном Рабате. Это, как кажется на первый взгляд, город контор, бюро, банков, магазинов, отелей, привлекающих внимание вывесками, рекламами, эмблемами, наконец, названиями («Шелла», «Удайя», «Башня Хасана», «Шехерезада»). Но, взглядевшись внимательнее, видишь, что всего этого не так уж много. Вся эта роскошь сосредоточена вокруг центрального проспекта Мухаммеда V. Основная часть марокканской столицы — не бросающиеся в глаза жилые постройки, далеко не всегда привлекающие взор даже в новых кварталах — Океан (на побережье), Агдал (букв. «сады» — самый зеленый район столицы) и Суиси.

Здания преобладают невысокие, в 3—4 этажа. Очевидно, подданные не хотели, чтобы их жилища возвышались над королевским дворцом — золотящимся на солнце оранжевым зданием в два этажа, крытым темно-зеленой черепицей и снабженным различными башенками и пристройками. Дворец выстроен в 1912 г. Поэтому все современные здания, воз-

водившиеся позднее в столице, как бы невольно старались «не заноситься» перед официальным местопребыванием монарха.

Огромная площадь отделяет дворец от возведенной за полтора столетия до него мечети Ахль-Фас (букв. «люди из Феса», о которых речь пойдет далее). Площадь называется Мешвар, то есть «место совета». Когда-то здесь собирались феодалы и шейхи племен, формально избиравшие (на деле лишь утверждавшие) султана страны. От площади получила свое название и королевская резиденция, включающая дворцовый комплекс — пристройки, мечети, здание министерства обороны, помещения для охраняющих дворец чернокожих гвардейцев. Она окружена высокими старинными стенами. Лишь по большим праздникам Мешвар заполняется народом, пришедшим посмотреть на выезд монарха из дворца в мечеть Ахль-Фас для участия в торжественных церемониях и официальных молитвах. Практически если король в Рабате (а у него есть еще несколько резиденций в «имперских городах» — Фесе, Мекнесе, Марракеше и летняя резиденция в Ифране), то он посещает мечеть каждую пятницу.

А теперь, когда читатель как бы познакомился с Рабатом, пора начинать рассказ о том, что же я там видел и слышал во время последней поездки.

Декабрьский Рабат 1986 г. встретил ярким солнцем (в тени было 18 градусов тепла), обычным для него отсутствием столичной суеты и редким обилием западногерманских туристов. Худой марокканец, в длинной, до пят, серой джеллябе у дверей отеля несколько дней подряд утром встречал их перед посадкой в автобус словами «гутен морген» и предлагал бусы местного изготовления. «Русский?» — недоверчиво переспросил он меня и, не поверив, стал задавать вопросы на английском, французском и испанском. Наконец, попросил сказать что-нибудь по-русски и больше с бусами ко мне не подходил.

Отель «Шелла» расположен на улице Ифни, выходящей на один из центральных проспектов столицы, названный в честь Мулая Хасана, султана прошлого века, предка ныне царствующего короля, носящего то же имя. Входить в отель, как и выходить из него, можно в любое время суток. В меню ресторана, как и везде в Магрибе, поражало нас, приехавших из до-

вольно холодной в том году московской зимы, обилие свежих овощей всех сортов, перца, рыбы и маслин, которые Марокко экспортирует с давних времен. Здесь все время рекомендовали пить минеральную воду «Ульмлес» из источника Лалла Хайя (примерно так же, как в Алжире рекомендуют воду «Музайя» или «Сайда»).

Рабатская публика показалась мне, по сравнению с 1982 г., не только более многочисленной, но и лучше одетой, особенно молодежь, преобладавшая на улицах (как и вообще в населении страны). Больше стало женщин, одетых по-европейски, особенно девушек: в брючных костюмах, блузках — серых, коричневых, бежевых и прочих осенних, мрачноватых тонов, а также — в кожаных куртках. Все это нередко удачно сочеталось с блеском золотых и серебряных колец, браслетов, сережек, каких-то диковинных гребней и заколок.

Участники коллоквиума собирались в главном (из трех, не считая отдельных учреждений и институтов) корпусе университета, в самом центре города, вблизи королевской резиденции Мешвар и массивной башни средневековых ворот Баб ар-Руах. Здесь же рядом — министерство народного образования. Аудитории факультета литературы и гуманитарных наук — сравнительно небольшие, человек на 40 — обычно были переполнены. В перерывах между заседаниями можно было ознакомиться с выставкой последних публикаций марокканских ученых о своей стране и вообще об Арабском Западе, то есть Магрибе и арабо-мусульманской Андалусии VIII—XV вв. Преобладали неплохо изданные (нам бы поучиться!) диссертации по истории, филологии, экономгеографии и прочим гуманитарным наукам, в том числе защищенные марокканцами в США, Испании, Англии. Тут же были переводы на арабский язык работ марокканских авторов, печатавшихся за рубежом на различных европейских языках.

От выставки книг складывалось впечатление, что марокканцев в равной мере интересуют колониальная политика французского «проконсула» маршала Лиотэ и творчество Габриэля Гарсиа Маркеса, генеалогическая литература XV—XIX вв. и лирика Виктора Гюго, религиозные сюжеты и социологические опросы. Некоторые труды отдавали лишь традицион-

ной для арабских историков тематике: риторике и авторитету богословов. Среди них были и диссертации, защищенные во Франции, например работа Ахада Себти «Городская аристократия, власть и ученое слово в доколониальном Марокко».

Разумеется, невозможно перечислить все зачитанные на коллоквиуме доклады, тем более что далеко не все они были равноценны. Остановлюсь лишь на некоторых из них. К тому же обсуждение докладов иногда было не менее интересно, чем выступления самих докладчиков, так как присутствовавшие могли задавать им вопросы, оспаривать их выводы, выступать со своими замечаниями. Всего в работе коллоквиума приняло участие свыше 60 человек, в том числе 12 зарубежных ученых. Вместе с тем помимо официальных докладчиков на заседании каждой секции присутствовало обычно не менее 20—40 преподавателей, аспирантов и студентов Рабатского университета. Некоторые из них принимали участие в обсуждении докладов. Как выяснилось несколько позже, среди присутствовавших были также профессора университетов Касабланки, Агадира и Кенитры. Был и представитель культурного центра Испании в Тетуане.

Больше всего иностранных гостей (трое из девяти) оказалось среди лингвистов: Мартин Форштнер из Института арабского языка и культуры при университете Майнца (ФРГ), Иоахим Пляйнес из университетов Вупперталя (ФРГ), Лионель Галан из Практической школы высших исследований (Франция). Галан сожалел, что исследователи берберских языков и литературы за последние 30 лет (французы, другие европейцы, американцы и марокканцы) отходят от бербероведения. Зато Пляйнес сообщил, что в ФРГ готовятся к печати три фундаментальные работы, посвященные исследованию арабского языка в Марокко (речь идет, судя по всему, о разговорном языке, рождающемся буквально на наших глазах из смеси диалектов и литературного языка), грамматике берберского диалекта Высокого Атласа и «анализу социолингвистического профиля Марокко». Я посочувствовал французам: и здесь западные немцы их обошли!

Интересны были доклады об итогах и перспективах подготовки кадров географов в Марокко, об отношениях между человеком и окружающей средой, об отходе марокканских географов от подражания за-

падным исследователям, прежде всего французским, что выражается, по словам профессора Лахсана Джаннана, в «углубленном изучении марокканского пространства в рамках магрибинской школы, направляющей географические исследования в соответствии с национальными целями». Генеральный секретарь Ассоциации марокканских географов Абд аль-Латиф Фадлуллах сделал обзор публикаций журнала «География Марокко» — «основной трибуны марокканских географов и единственного такого рода журнала в стране». Остальные докладчики максимально старались увязать свои темы с практикой, в том числе с государственными планами развития хозяйства ряда областей и районов. Жерар Фэй (из Национального института планирования и урбанизации в Рабате) ввел понятие «социогеографии» и связал материал исследований центральных районов Среднего и Высокого Атласа с планированием местными общинами «мероприятий по их развитию». Исследователь из Агадира Слиман Азики подвел итоги четверти века изучения отношений «город — деревня» в Марокко, причем особо остановился на, по его мнению, «практически не изученном иностранными географами» вопросе городского землевладения. Жан-Франсуа Труэн из университета Тура (Франция) остановился на десятилетних исследованиях по демографии, урбанизации и экономике Марокко в университетах Тура и Пуатье, где к тому времени уже были защищены по этой тематике 27 докторских диссертаций и подготовлены еще 68, преимущественно стажерами-марокканцами. Это лишний раз подчеркивало уже известный факт, что процессы урбанизации арабского мира в преобладающей степени изучаются во Франции на примере Марокко, что лишь подтвердило выводы коллоквиума, имевшего место ранее в Лионе в 1982 г.

Наиболее «марокканской» по своему составу оказалась секция социологии, где из 12 докладчиков был лишь один иностранец — Уильям Зартман из США. В ряде докладов подчеркивалось, что американские специалисты, работающие в Марокко, получают очень большие стипендии за счет правительства США, отдельных министерств и университетов. По мнению Мухаммеда Гессуса (университет Рабата), лучшие диссертации по социологии и политологии защищались теми марокканцами, которые не просто облада-

ли хорошей подготовкой (полученной нередко за рубежом), но и работали совместно с иностранными экспертами в смешанных компаниях или международных организациях.

Особо стоит сказать о внимании марокканцев к англо-американской «антропологии», под которой здесь понимают довольно широкий комплекс дисциплин, включая не столько антропологию как таковую, сколько этнографию, социологию семьи, личности и культуры. Профессор Буасла ат-Тибари из Рабата специально назвал свой доклад «Актуальные тенденции англосаксонской антропологии: пример Марокко». Разбирая англоязычную «социально-антропологическую» литературу, посвященную Марокко и вышедшую в США, Англии, Канаде, он определил наличие в ней разных направлений, прежде всего констатирующих пестроту марокканского общества, быстроту социально-экономических изменений в нем, развития его культуры от «традиции» к «современности». Направление «политической экономии» в США, по мнению ат-Тибари, «еще только формируется». В целом он считал, что, несмотря на «некоторые недостатки анализа», следует признать «научную состоятельность» англосаксонских исследований.

Однако не все марокканцы разделяют подобное мнение. Это выяснилось на последнем заседании секции, где с докладом «Замечания о политических исследованиях Марокко в США» выступил Уильям Зартман. Видный американский магрибист, профессор университета Джона Хопкинса в Вашингтоне, бывший президент Ассоциации ближневосточных исследований США, а ныне директор специальной Программы африканских исследований, он заехал в Марокко по пути, направляясь в Алжир и Тунис, но за два дня успел выступить и с лекцией в университете, и с докладом на коллоквиуме. На его докладе присутствовало около 100 человек. Зартман признал, что с 1970 г. в США нет значительных работ о Марокко. Исключением явились, по его мнению, лишь опубликованная американцами работа Мишеля Сулеймана о студентах Марокко, а также репортаж Э. Теслера о марокканской элите. Однако он сообщил, что американские социологи «много и непрерывно ездят по Африке» и предполагают издать коллективный труд «Экономическое и социальное положение Марокко»

одновременно на английском, арабском и французском языках.

По докладу Зартмана (как и по сделанному вслед за ним докладу рабатского профессора Абдаллаха Саафа, критиковавшего американских и французских авторов за устарелость оценок, за невнимание к социальным механизмам политического развития Марокко, а также за «противопоставление национального движения королевскому двору» и замену серьезного анализа «кучей имен» и «раздуванием значения отдельных личностей»), разгорелась дискуссия. «По моему мнению,— сказал студент третьего цикла обучения (то есть аспирант) Абд аль-Азиз Удди,— господин Зартман умолчал о заинтересованности американского империализма в изучении Марокко, что и объясняет финансирование американских исследований многочисленными фондами, преследующими отнюдь не филантропические цели. То же самое относится и к изучению других стран Магриба, и не только американцами, но и французами. Все вы представляете Марокко как демократическую и либеральную страну. Но мы-то знаем, что социальные исследования у нас монополизированы государством. Любое из них может запретить министр внутренних дел».

Это смелое выступление, как мне сказали, вовсе не было чем-то исключительным в Марокко, особенно с конца 70-х годов, когда в стране начал набирать темпы официально провозглашенный королем «демократический процесс». Было интересно наблюдать, как горячо выступал высокий, худой, черноусый Удди («человек крайне левых убеждений, сидел в тюрьме»,— шепнул мне сидевший рядом студент-марокканец), сверкавший стеклами очков на коренастого седоватого Зартмана, внешне сохранявшего полную невозмутимость. Но это было обманчивое впечатление. Когда началась дискуссия, американец преобразился: невысокий, курносый, с упрямо наклоненной головой и немигающим стальным взглядом, он напоминал бывшего госсекретаря США Александра Хейга, безапелляционно генеральские выступления которого неоднократно показывались по нашему телевидению в начале 80-х годов (я в этой связи вспомнил, что и Зартман семь лет прослужил в Марокко офицером морской разведки США, как это указано на обложке одной из его книг).

Выступление Удди было встречено аплодисментами присутствовавшей на заседании студенческой молодежи. Однако координатор (руководитель) секции М. Гессус призвал «не превращать академическое заседание в политическое собрание и решать научные вопросы спокойно, логично и обоснованно». Признав далее, что действительно были случаи запрета социологических исследований в Рабате и Касабланке и даже «ежедневные недоразумения с полицией и аресты студентов», он тем не менее утверждал: «Если, действуя в рамках закона, заранее удастся добиться разрешения на исследование, то все проходит нормально и без каких-либо конфликтов». Указав на многочисленность задач социологии Марокко (изучение административных и социальных структур, племен, взаимоотношений города и деревни, психологии различных классов, социальных групп и категорий), Гессус подчеркнул «полезность прагматического аспекта англосаксонских исследований», который побуждает марокканских историков, экономистов, социологов и психологов к решению задач, нужных стране. Гессусу возражали другие участники дискуссии (в частности, аль-Вакиды), указывавшие на «идеологические аспекты иностранных исследований». Профессор Абд аль-Али Думу из Касабланки даже обратил внимание на «рост интереса англосаксонских авторов к Марокко, что видно хотя бы по участвовавшим за последние годы публикациям». Абдаллах Сааф, подчеркивая необходимость сравнительного анализа марокканской монархии и ее институтов с «феодалной бюрократией» и монархиями Европы и Китая в XVII—XVIII вв., признал, что и в Рабате и в Касабланке были случаи запрещения публикаций и даже защиты ряда диссертаций по политологии, ибо «политикой трудно заниматься в научном плане». А профессор факультета права Мухаммед Дахан обратил внимание аудитории на то, что «иностраные социальные исследования, особенно американские, иногда направлены на дестабилизацию политического режима в Марокко и утверждение определенных групп». Франсуаза Бушанин (из Института урбанизации Рабата) указала на сомнительность данных, приводимых иностранными социологами, ввиду недостоверности методологии опросов и выборочного анкетирования «человека с улицы», которого можно наст-

роить как угодно самим характером задаваемого вопроса.

Отвечая своим оппонентам, Зартман особенно обрушился на Удди, обвинив его в «невежестве», желании «запретить иностранным ученым изучать Марокко» и в «незнании американского общества». Он сказал: «Печально, что вашему выступлению аплодировали, исходя из мифа о якобы наличии „таинственной руки“ из-за рубежа и „дьявольских секретов“ американской науки. У нас могут быть ошибки и недостатки, главным образом из-за неполной информации, но мы работаем индивидуально, имеем собственное мнение, свободно обсуждаем все вопросы, мыслим критически, отвергая любой догматизм. А вы хотите исключить всякую критику. Но наука должна расширять политические горизонты».

Вместе с тем Зартман возражал и Дахану, сказав, что «если режим может быть свергнут из-за публикации какого-то исследования, значит, он заведомо слаб». Спорил он и с Саафом, утверждавшим, что у национально-освободительного движения и марокканской монархии не было противоречий. Призывая «работать честно, все подвергая сомнению», он сообщил, что в США с его помощью готовятся к публикации около 20 политологических диссертаций о Марокко, а также несколько статей, «написанных в критическом духе, в том числе американцами левых убеждений».

Спор его с Удди продолжался и после окончания заседания. Но если марокканец при этом что-то доказывал, то американец главным образом отделялся насмешливыми репликами и ироническими улыбками. Для Зартмана явилось неожиданностью как присутствие представителя СССР на коллоквиуме, так и мое желание с ним познакомиться. Во всяком случае, визитную карточку он давал (в обмен на мою) с явной неохотой. Как оказалось, он понятия не имел о том, кто в СССР занимается изучением стран Магриба и какие у нас вышли работы на эту тему. Он не знал даже, что у нас его труды рецензировались и изучались. Из всех востоковедов и африканистов СССР он помнил лишь директора Института Африки АН СССР и его заместителя, которых незадолго до этого встречал в США. Мне показалось, что и о наличии в нашей стране Института востоковедения он услышал впервые. Вместе с тем Зартман сообщил,

что собирался приехать в СССР, но «так и не получил обещанного приглашения от африканской секции Академии наук СССР».

Самой многочисленной по составу участников была секция истории; в ней выделялся доклад, сделанный Мухаммедом аль-Мансуром, который считает, что с 1956 года до середины 70-х годов марокканская историография во многом следовала за «колониальной историографией» и только за последнее десятилетие перешла «к изучению истории Марокко изнутри, сосредоточиваясь на ее социальных аспектах». Мухаммед Меззин (из Феса) проанализировал послания факихов (мусульманских законоведов) за 1956—1986 гг. как источники не только по истории общественной мысли, но и по экономической и социальной истории. Это, кстати, был не единственный пример внимания к религиозной тематике.

Несколько неожиданной оказалась тема доклада координатора секции Мухаммеда Кенбиба (из университета Рабата): «Исследования иудео-мусульманских отношений в Марокко». В основном Кенбиб сделал широкий обзор работ западных этнографов, социологов и антропологов, в меньшей мере историков, среди которых он особенно критиковал «активистов сионизма первого часа» и современных израильских авторов, писавших о якобы «окончательном решении» еврейского вопроса в Марокко в XII—XIII вв. при династии Альмохадов. В своем же докладе Кенбиб утверждал, что на самом деле положение еврейской общины в Марокко и в средние века, и в новейшее время было намного лучше, чем в других странах Средиземноморья, ибо местные власти всегда были особенно терпимы к иудейской религии и всегда понимали «необходимость налаживания межобщинных иудео-мусульманских отношений».

Как говорили сами марокканцы, тема доклада Кенбиба была тогда в Марокко особенно актуальна ввиду состоявшихся в том же году переговоров короля Хасана II с премьер-министром Израиля Шимоном Пересом, неофициально встретившимся с монархом в его резиденции в Ифране. Сам факт встречи, закончившейся в общем-то неудачно, вызвал протесты в самых разных арабских странах (ни один представитель которых на коллоквиум не приехал), а также среди исламо-экстремистов и арабских нацио-

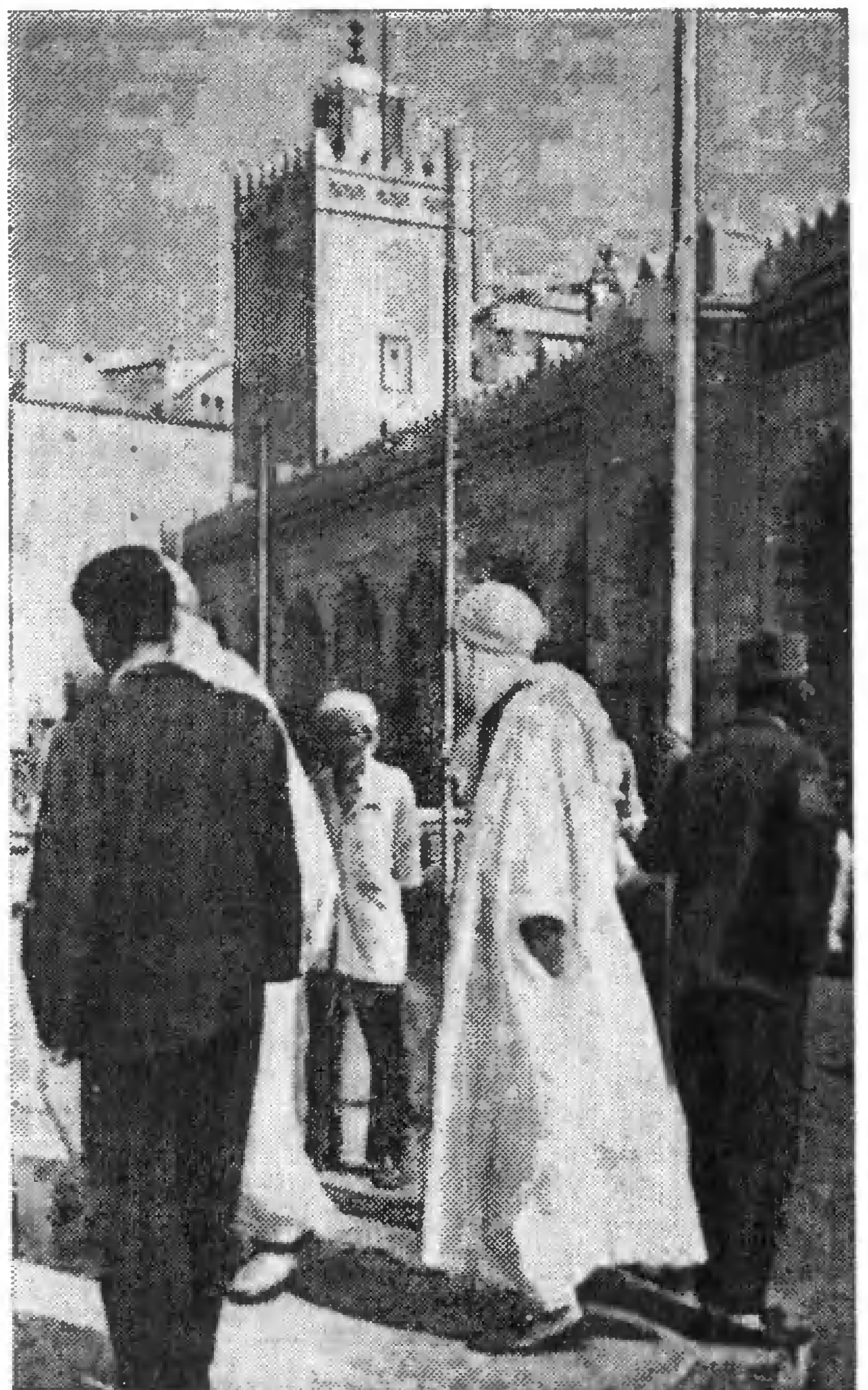
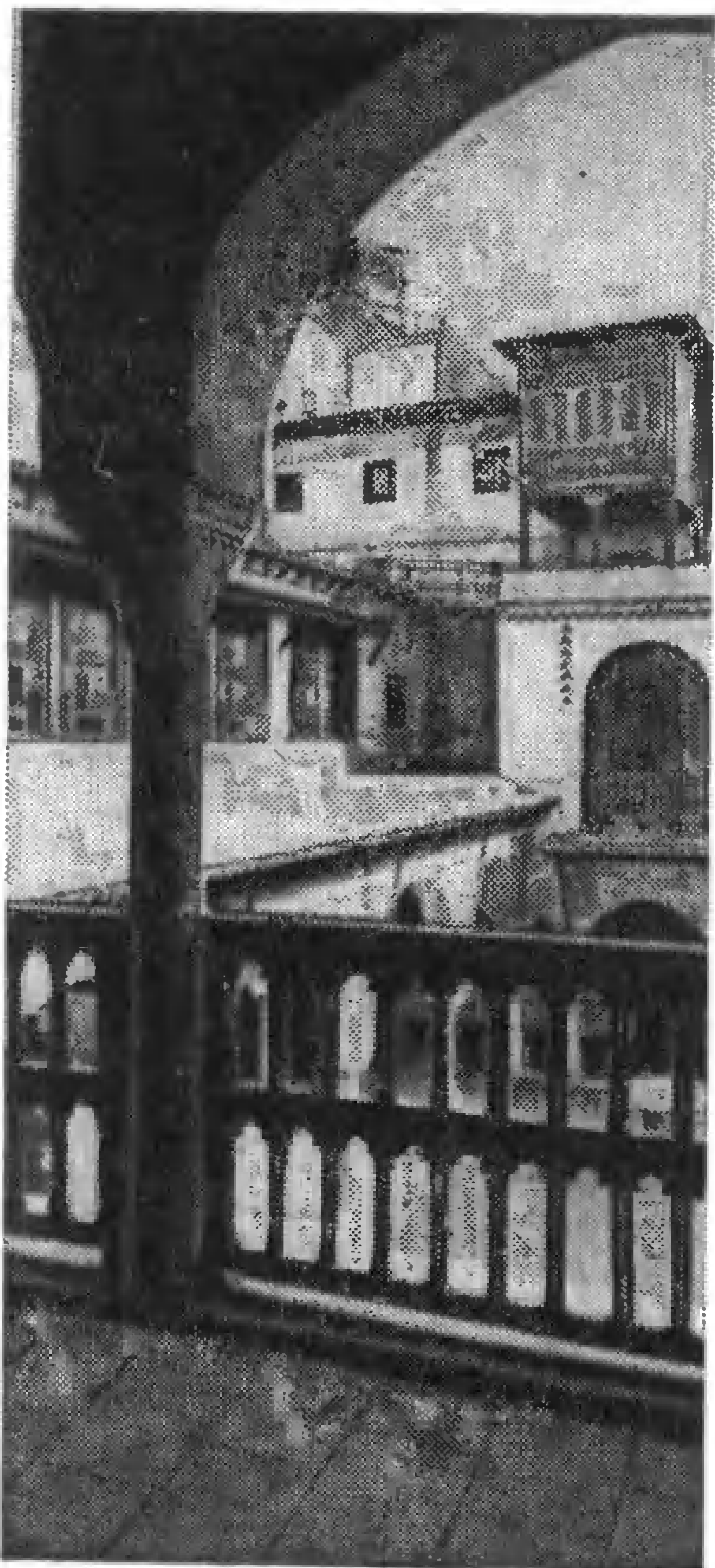

Город Алжир. Слева вокзал.

Город Алжир. Внутренний двор бывшего дворца алжирского дея.

Город Алжир. У Великой мечети.

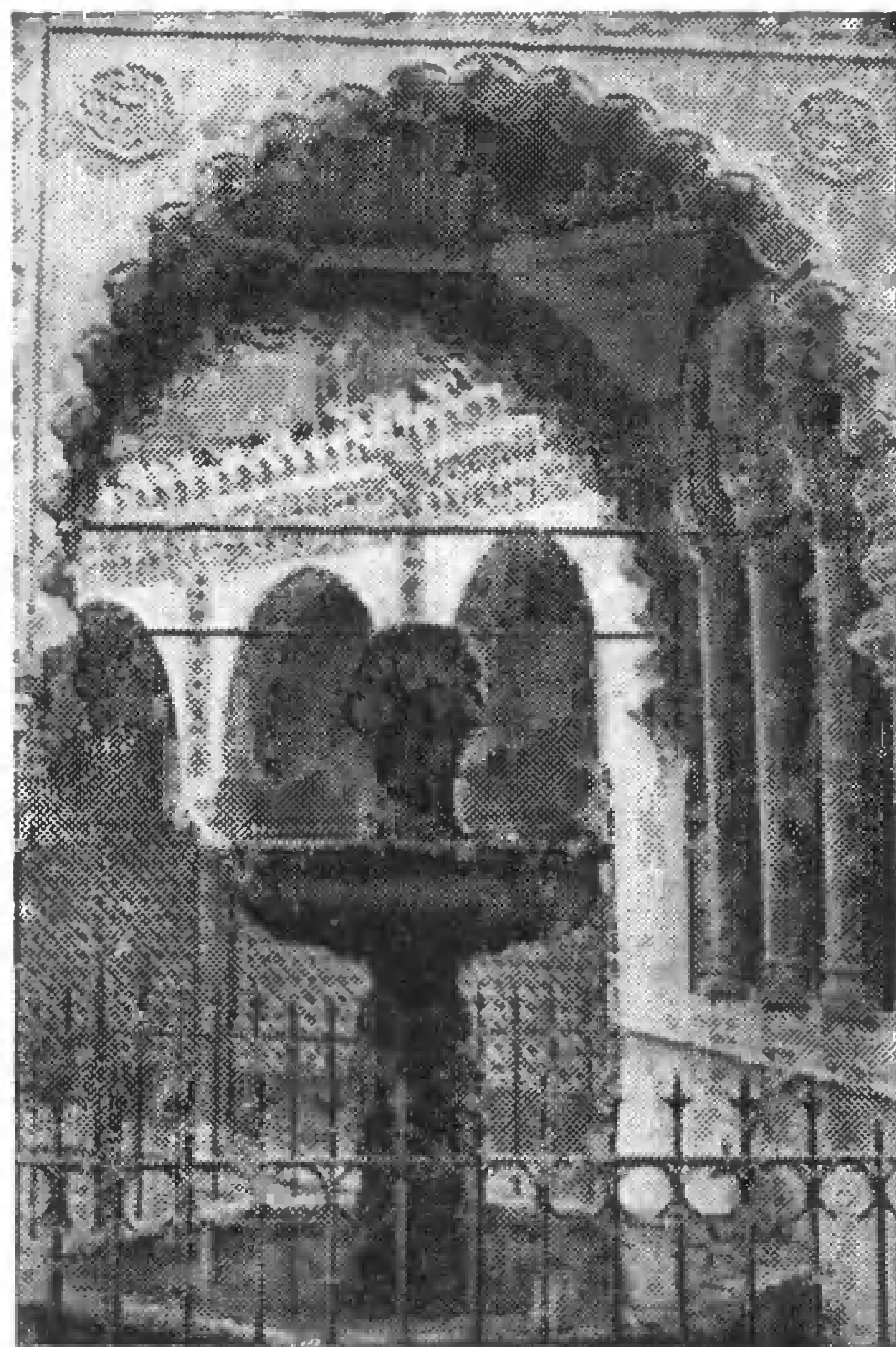

Город Алжир. Улица в Касбе.
Город Алжир. Площадь павших героев.

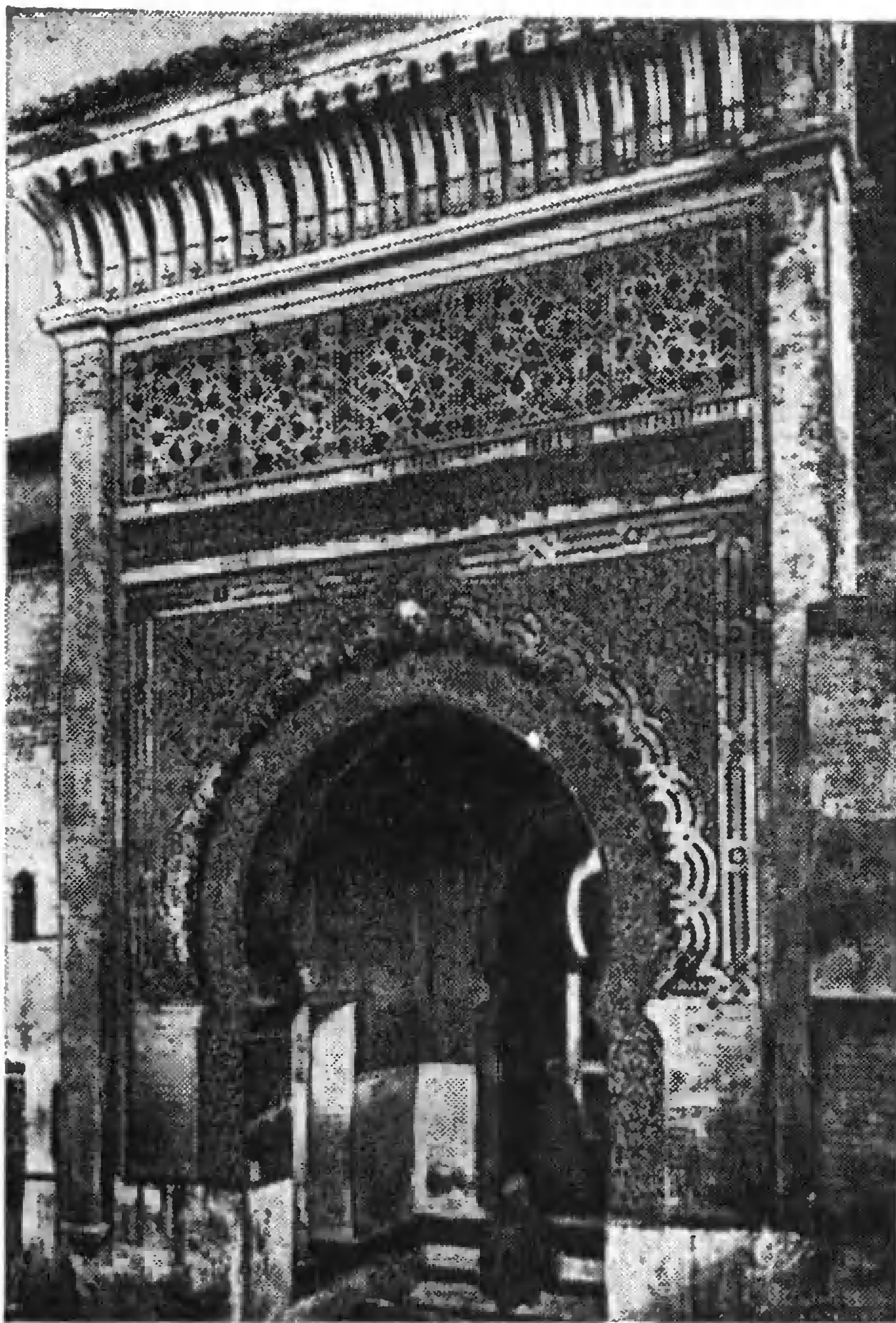

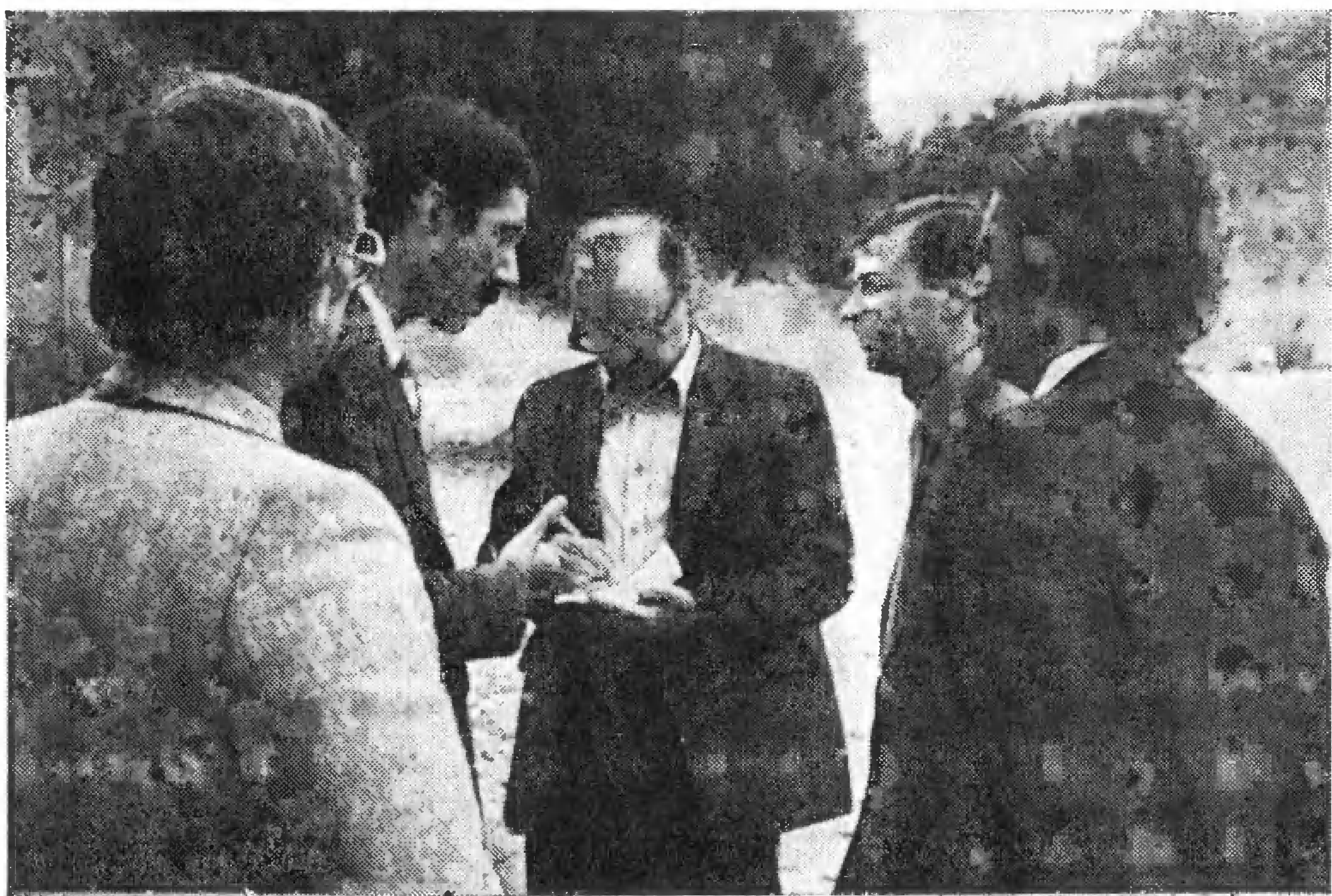
Город Оран. Оперный театр.
Город Оран. Мечеть Сиди Паша.
Город Оран. Набережная.

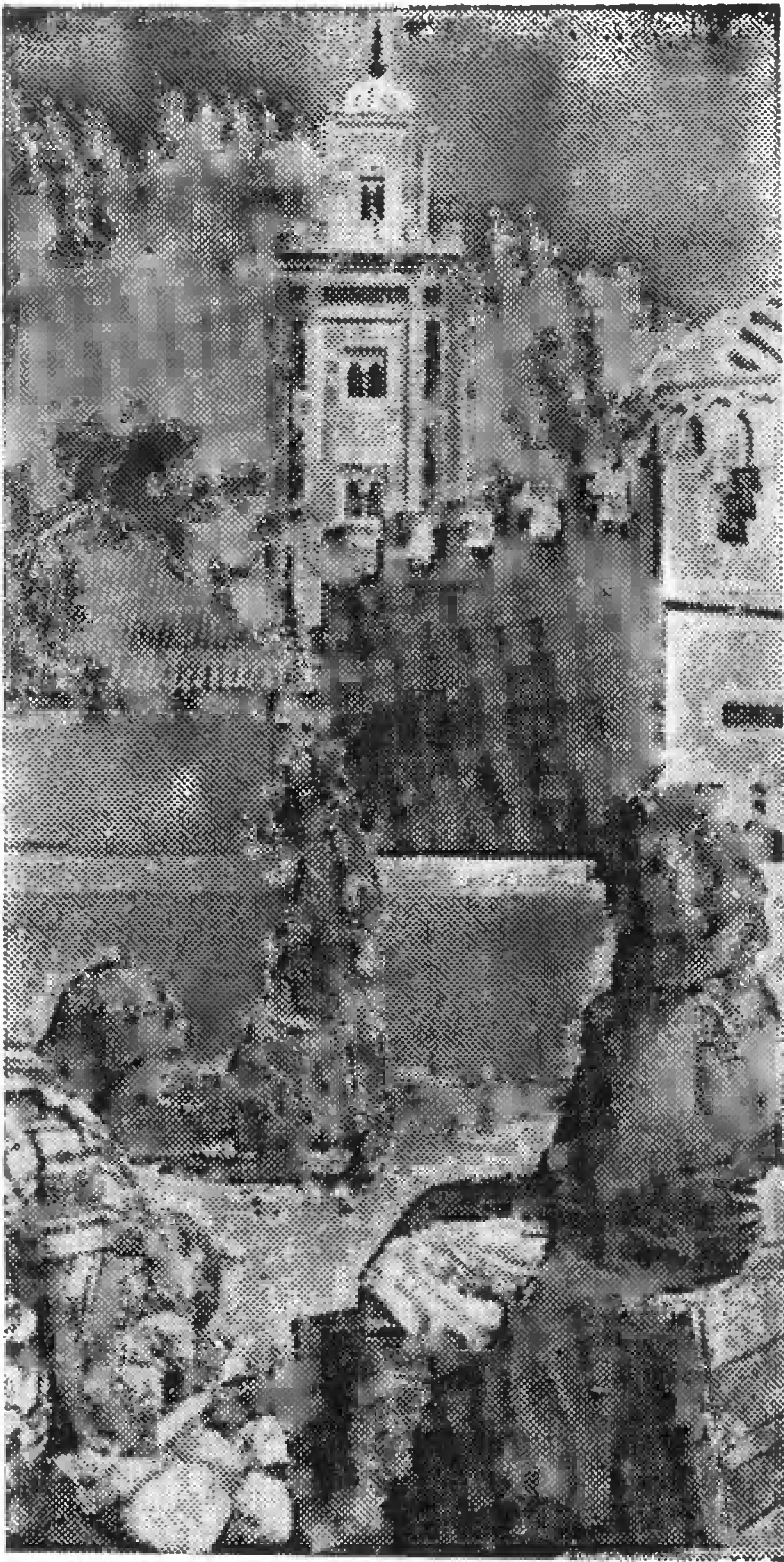

Город Тлемсен. Портал мечети Сиди Бумедьен.
На руинах Мансуры.
Слева — Мухаммед Айн Сбаа, автор.

Кубба Альморавидов в Марракеше.
Сторож медресе Бен Юсеф в Марракеше.
Марокко. Древнеримская арка.

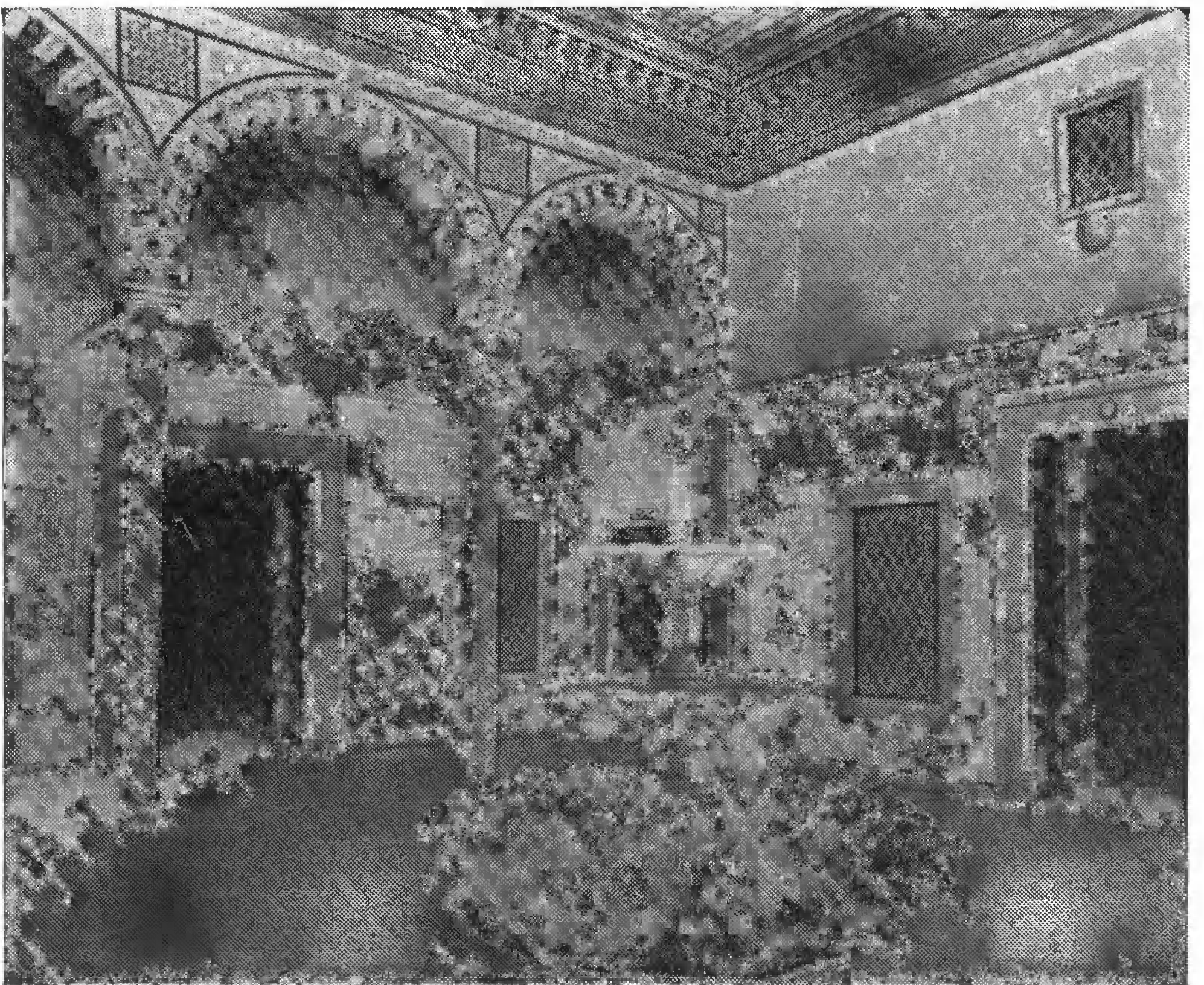
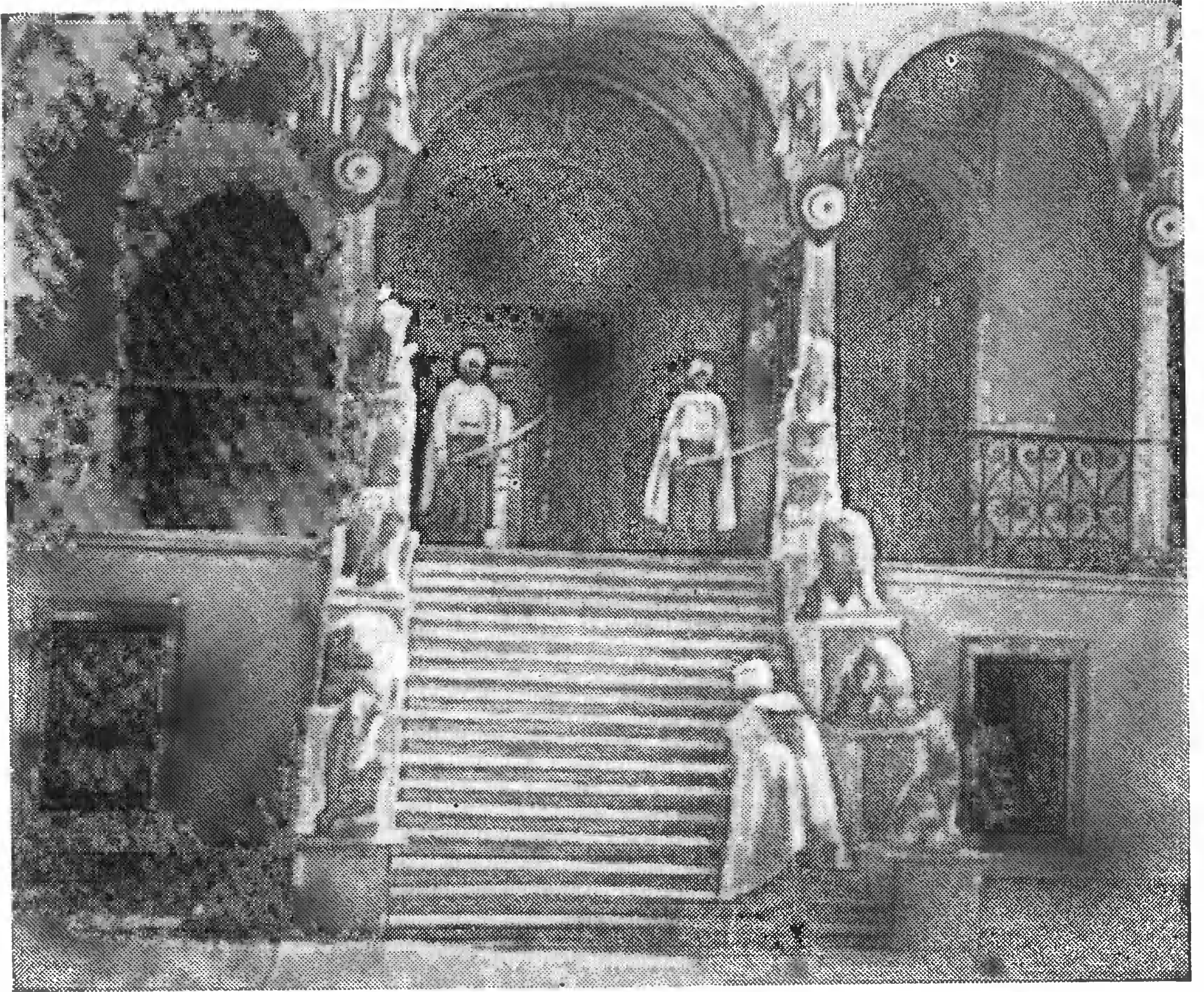

Марокко. Мозаика на развалинах Волюбилиса.

Тунис. Вход во дворец Бардо.
Тунис. Внутренний двор музея Бардо.

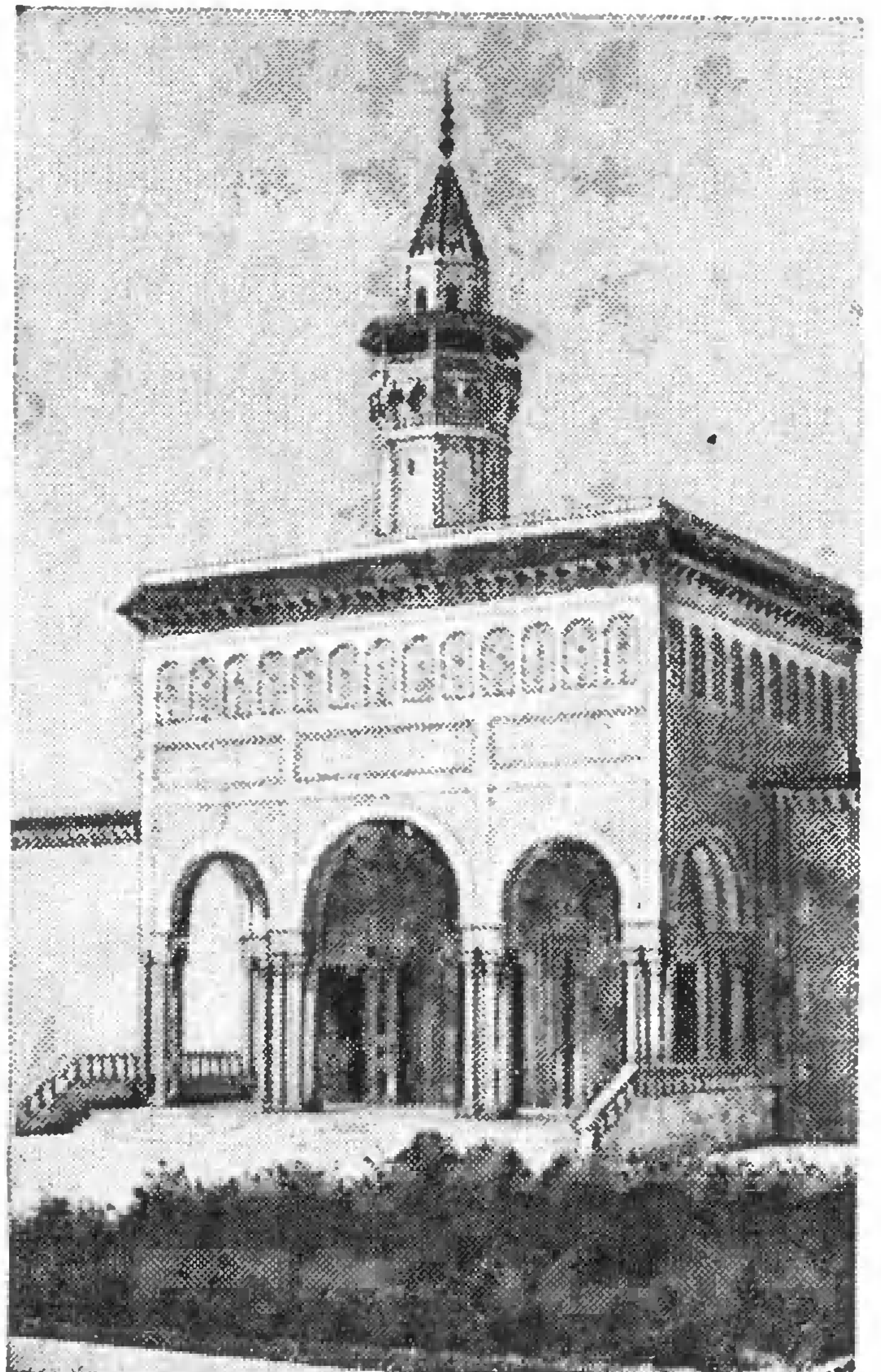
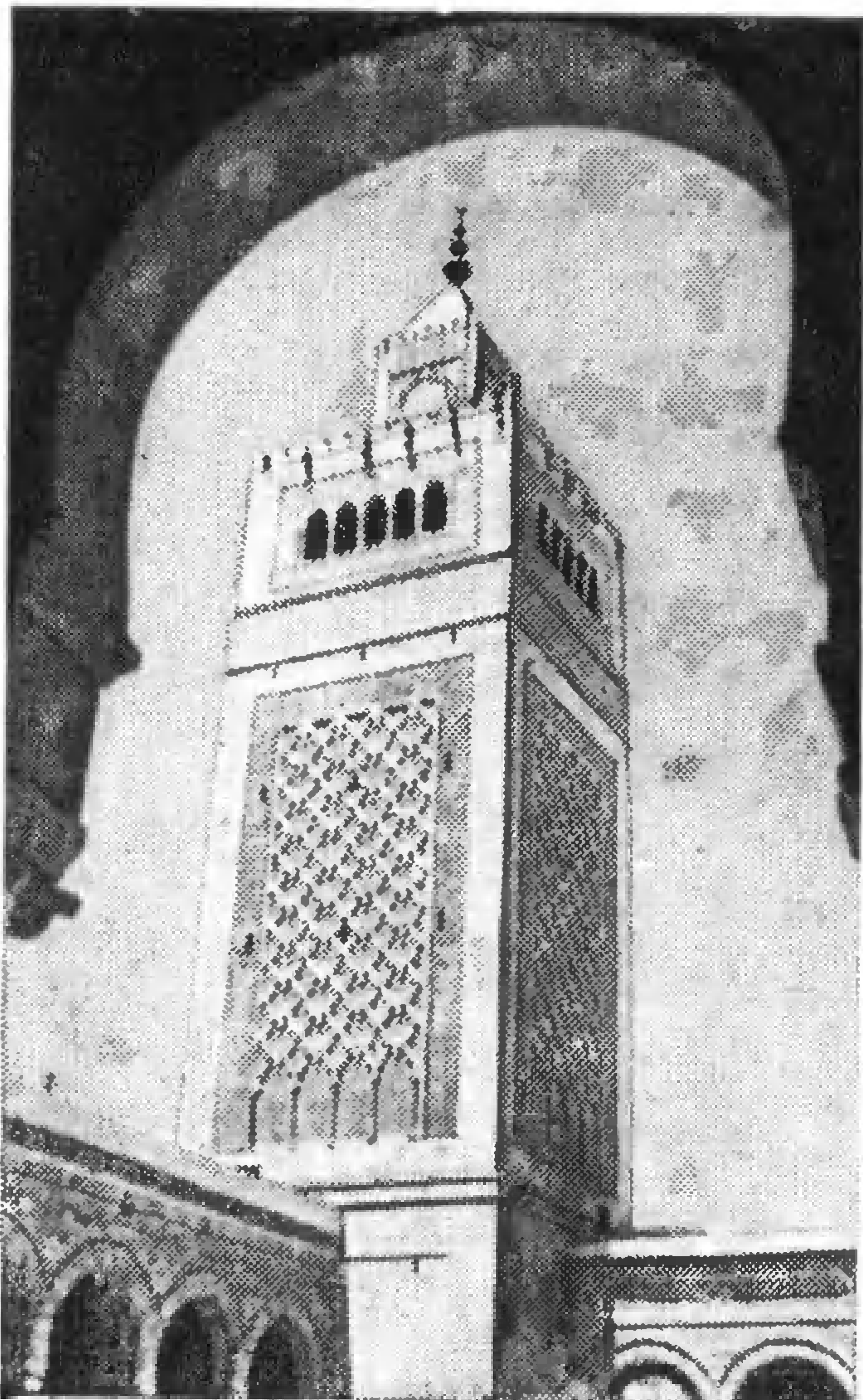

Баб аль-Бахр (Порт де Франс) в городе Тунис.
Тунис. Минарет мечети Зитуна.
Город Монастир. Мечеть Бургибы.

налистов в самом Марокко. Однако правительство Марокко в ответ как бы дало понять, что считает свои действия правильными и, более того, стало демонстрировать особое внимание к евреям Марокко. Стоит напомнить, что и ранее в Марокко евреи пользовались гораздо более либеральным, чем в других арабских странах, режимом, вполне официально могли заниматься политической и экономической деятельностью, быть избранными в муниципалитеты, в руководство политических партий, быть преподавателями университетов и т. п.

Обо всем этом я узнал позже. А тогда, во время доклада Кенбиба, я отметил про себя, что, пожалуй, ни в какой другой арабской стране выступление на такую тему было невозможно.

Доклад профессора Рабатского университета Жермена Аяша³ «Новое направление исторических исследований в Марокко», доказывавший необходимость совмещения современной национальной историографией лучших сторон традиционной и зарубежной историографий, вызвал самый большой приток слушателей: сравнительно небольшую аудиторию заполнило более 100 человек. Но и споров доклад вызвал больше всего. Оппоненты Аяша считали, что не следует переоценивать влияния западных держав на историческое развитие Марокко, а необходимо больше внимания уделять «внутренним факторам и исламу». Аяш отвечал, что от них, конечно, многое зависит, но что западные державы «всегда выступали против самобытности Магриба и против ислама», поэтому история Марокко во многом слагалась в борьбе с ними.

Интересен был доклад профессора университета Лион-2 Даниэля Ривэ (Франция) о вывезенных во Францию колониальных архивах и изучении истории французского протектората в Марокко. Особое внимание он уделил личности французского генерального резидента в Марокко в 1912—1925 гг., маршала Юбера Лиотэ, который, по мнению Ривэ, «экспериментируя, создал в лице режима протектората прототип полицейско-бюрократического государства, в будущем появившегося и в Европе». Много фактов Ривэ

---

³ Старейший марокканский историк прогрессивных взглядов, известный в Советском Союзе по переводам ряда своих статей и книги «Очерки марокканской истории» (М., 1982).

взял из частных архивов и семейной переписки Лиотэ.

Хорошо был встречен доклад «Советские историки и социологи о Марокко». Марокканцы были очень удивлены, узнав, что у нас их страной занимались еще в прошлом веке, что советских исследователей Марокко насчитывается около 50 человек, что известный военный и политический деятель Советского государства Михаил Фрунзе опубликовал уже в 1925 г. книгу о Марокко. Удивление марокканцев (а это почти все были профессиональные ученые, преподаватели, аспиранты, студенты), да и зарубежных гостей, в общем-то понятно: долгое время у нашей научной общественности не было или почти не было контактов с марокканскими коллегами, а когда такие контакты наконец появились, то мы их поддерживали преимущественно с учеными-марксистами или близкими к ним. Например, Аяш приезжал в СССР дважды или трижды. Поэтому для него все сказанное в докладе не было новостью. Но для остальных... Ведь в библиотеке Рабатского университета не было даже изданной в СССР на арабском языке «Новейшей истории арабских стран». Интересно, куда был направлен тираж этой книги, в которой есть раздел и о Марокко?

При обсуждении доклада все выступавшие (А. Себти, А. Д. Фаринья, Ж. Аяш и еще двое присутствовавших, по-моему, из числа молодых аспирантов) его одобрили, а в перерыве подходили ко мне и спрашивали, где можно достать библиографию упомянутых в докладе советских работ, переведены ли они на арабский или французский языки и как можно с ними ознакомиться. Но что я мог ответить? Мы, конечно, во многом проигрываем из-за недоступности марокканцам наших работ на русском языке. В лучшем случае их читают единицы. А все, что издается по-французски или даже по-английски, легко доходит до заинтересованного читателя в Марокко.

Но этот читатель к нам и нашей культуре (тем более к нашим публикациям по Марокко) проявляет очень большой интерес, причем не только в столице. В дни работы коллоквиума я встретил в советском культурном центре Мухаммеда Уадрхири, председателя ассоциации «Культурное возрождение» в городе Мекнесе. Меня познакомили с ним работавшие тогда

в центре Петр Михайлович Пак и Николай Николаевич Дьяков, историки и арабисты по образованию, прилагавшие огромные усилия, дабы максимально информировать марокканцев о жизни в СССР и наладить контакты между марокканской интеллигенцией и советскими востоковедами, приезжавшими в Марокко. Уадрхири, добродушный человек почти русско-го вида (так, кстати, нередко выглядят берберы Северного Марокко), сказал: «Мы, марокканцы, по-дружески, с открытой душой относимся к советским людям. Мекнес всегда рад вас встретить. Вы найдете у нас самый радушный прием». Это были не просто любезные фразы. Мой собеседник, по свидетельству работников нашего культурного центра, действительно был организатором ряда мероприятий, способствовавших укреплению советско-марокканской дружбы (лекций, просмотров кинофильмов, встреч по интересам). Это было особенно важно, ибо в те самые декабрьские дни 1986 г. Мекнес стал побратимом Алматы и ожидал прибытия официальной делегации из столицы Казахстана.

Чтобы читателю ясен был объем связей между нашей страной и Марокко, приведу данные, которые услышал от посла Королевства Марокко в СССР Рафика Хаддауи на марокканском вечере в московском Доме дружбы в марте 1990 г. По его словам, в СССР обучаются примерно 1200 марокканских студентов, а свыше полутора тысяч, уже завершивших образование в советских вузах, работают на родине. Около 400 марокканцев обзавелись в Советском Союзе семьями, что способствовало их еще более тесным, в том числе родственным, связям с нашей страной.

Мне лично приходилось встречать не только в столице королевства, но и в Танжере и Мекнесе марокканцев с советскими дипломами. Обычно они отлично говорят по-русски, что, в частности, облегчается периодическими поездками в СССР с целью повышения квалификации. Вообще, на мой слух, русская речь в Марокко звучит наиболее чисто во всем арабском мире.

Возвращаясь к коллоквиуму, стоит вспомнить, что многие из его участников прямо указывали, что особенно тесны у них научные связи с Францией и США, но совершенно не развиты с нами. Мухаммед Кабли, один из ведущих марокканских медиевистов, прямо

сказал: «Главная причина этого — языковой барьер, а также дальность расстояний и отсутствие традиций. Но все это надо преодолевать. Контакты надо организовывать, поддерживать, даже провоцировать» Примерно то же говорили и остальные.

О жажде более близкого ознакомления с достижениями советской науки, прежде всего арабистики и африканистики, свидетельствовал «круглый стол», организованный на факультете гуманитарных наук Рабатского университета уже после завершения коллоквиума. В нем участвовало 15 человек, в основном преподаватели университета, но также представители и других научных центров столицы Марокко. Тема «круглого стола» была та же: «Советские историки и социологи о Марокко». Но разговор вышел за рамки данной темы. Приведу наиболее характерные вопросы: «Советские исследования древнейшей истории достаточно многочисленны, но почему они не затрагивают или почти не касаются стран Магриба? Как вы изучаете историю искусств? Как организовано изучение истории арабов вообще и Магриба в частности? Как у вас теперь относятся к азиатскому способу производства? Как вы устанавливаете взаимоотношения между политической, социальной и культурной историей? Какое место в вашей науке занимает востоковедение? Как вы интерпретируете историю доколониального общества в Марокко и вообще каковы ваши подходы к тем или иным проблемам Марокко?»

Задавший последний вопрос Абд аль-Ахад Себти интересовался также методологическими подходами советских историков к анализу средневековья и вообще к периодизации истории. Жермен Аяш, более знакомый с нашими работами, спрашивал о различиях в направлении исследований Института востоковедения и Института Африки Академии наук СССР, а также какими источниками мы пользуемся при изучении новейшей истории Марокко. Бен Аббуд, ныне наиболее видный в Марокко исследователь истории арабо-мусульманской Андалусии, много работавший в Англии и Испании, задавал вопросы о сравнительном вкладе русского и западного востоковедения в изучение арабского мира, а также о возможностях серьезных занятий в СССР историей и культурой андалусских арабов. На весь этот шквал вопросов я отвечал как мог с помощью Н. Н. Дьякова, присутствовавшего на

встрече и благодаря своему опыту работы в Ленинградском университете сумевшего более полно удовлетворить любопытство марокканцев, интересовавшихся организацией высшего образования в СССР, трудами наших филологов по арабской текстологии, а также по диалектам арабов Средней Азии, которыми в свое время тщательно занимался известный грузинский лингвист академик Церетели (надо помнить при этом, что между университетами Рабата и Тбилиси установлены прямые связи еще в 70-х годах).

Географы, историки, социологи

Заключительное заседание коллоквиума состоялось в актовом зале университета, носящем имя великого арабского географа аль-Идриси. Зал, по объему несколько меньший, чем Комаудитория в старом здании МГУ на Моховой, круто вздымался от сцены вверх широким амфитеатром. Производили впечатление искусная резьба на потолке мавританского стиля и огромный портрет короля Хасана II. Руководители секций зачитали принятые решения и подвели итоги работы. После этого заседание было перенесено в ресторан, где примерно два-три часа чисто восточного кейфа, заполненного неспешно-тягучими беседами под заунывные мелодии андалусского оркестра в сплошном облаке табачного дыма, предшествовали обильному угощению. Во время этой встречи, как и в перерывах между заседаниями, мне удалось познакомиться со многими марокканскими и иностранными участниками коллоквиума.

Я также побывал в Институте научных исследований при Рабатском университете, который возглавляет бывший дипломат (он был когда-то послом в Ливии) и маститый историк Абд аль-Хади Тази. Институт расположен в университетском городке Суиси-2, рядом с Высшим институтом журналистики и Национальной школой информатики, примерно в полчаса езды от главного здания университета через зеленый район Агдал, по проспектам Ибн Батуты, Объединенных Наций, Франции и Ма аль-Айнайн. Здание института — двухэтажное, белое, малопримечательное — смахивало скорее на поликлинику. Но здесь работают видные ученые, известные и за пределами Марок-

ко. В частности, на двери одного из кабинетов я увидел табличку с именем Абд аль-Кебира Хатиби, крупнейшего марокканского социолога, чьи работы часто печатаются во Франции, США и других странах. Именно его имя прежде всего назвал Абд аль-Хади Тази в начале рассказа о работе института.

Сам Тази, рыжеватый пожилой человек невысокого роста с зелеными глазами, весело поблескивавшими под крутым лбом, чем-то отдаленно напоминал тогдашнего тунисского президента Бургибу. Он много раз бывал в СССР, восхищен Москвой, высоко ценит хранилища арабских рукописей в Ленинграде и Ташкенте, воздает должное мечетям, медресе и вообще памятникам мусульманской архитектуры Самарканда и Бухары. «Нам с вами нужно установить прямые контакты,— говорит он,— вести научный обмен. Мы можем предоставить вам любые наши публикации по истории, социологии, антропологии, лингвистике. К сожалению, мы не получаем никакой информации о советских публикациях, посвященных Марокко и вообще арабским странам. Я бы очень хотел, в частности, познакомиться с последними изданными у вас каталогами арабских, персидских и тюркских рукописей, имеющихся в хранилищах СССР».

Тази рассказывал о работе Института, о его наиболее выдающихся сотрудниках, особенно о Мхаммаде Бен Аббуде, который защитил в Эдинбургском университете диссертацию. Она в 1983 г. была опубликована на арабском языке в Тетуане под названием «Политическая и социальная история Севильи в эпоху удельных княжеств». Узнав, что я интересуюсь историей арабо-мавританской Андалусии и ее связями с Магрибом, Тази сказал: «Вам надо определить, что именно вас интересует. Ведь литература по Андалусии необъятна. Бен Аббуд написал о периоде „удельных королей“ XI в., я — о более позднем времени правления в Андалусии магрибинской династии Альмохадов. Некоторые авторы писали о ранних этапах прихода арабов на Иберийский полуостров, даже подробно описывали арабские племена, там расселившиеся».

Разговор, естественно, зашел о советских исследователях андалусских сюжетов; большинство из них живут в Ленинграде. Тази стал вспоминать свои впечатления от Ленинграда: «Это чудесный город. У вас

прекрасная страна. Прекрасен Эрмитаж, где я нашел дары марокканских султанов русским царям. А вы знаете, что директор Эрмитажа — член нашей Королевской академии? Я очень рад, что своим скромным вкладом в изучение истории русско-марокканских связей могу помочь делу сближения наших народов».

Пока мы разговаривали, референт профессора прямо тут же, в его кабинете, сделал ксерокопии двух статей Тази о русско-марокканских отношениях. Они были опубликованы в 1967 и 1975 гг. в издаваемом его институтом журнале «Аль-Бахс аль-ильмий» («Научное исследование») и посвящены развитию официальных контактов между Россией и Марокко, начиная с переписки между султаном Сиди Мухаммедом Бен Абдаллахом и Екатериной II в 1783 г. и кончая обменом дипломатическими миссиями в 1899 г. Вручив мне оба текста вместе с каталогом всех статей журнала за 1964—1984 гг., Тази сказал: «Я считаю, что контакты между учеными разных стран особенно важны, так как они могут исправить ошибки политиков».

Я получил от него также интересную 40-страничную брошюру «Биографии правителей Марокко, чье правление совпадало с началом каждого века хиджры». Такое внимание к мусульманскому летосчислению и соответствующему восприятию истории свидетельствует о силе традиций ислама в стране и их влиянии не только на духовный мир, но и на подход к научным исследованиям.

Мой собеседник подарил мне вдобавок рекламный проспект своего десятитомника по истории марокканской дипломатии. Это всего полтора листа плотной глянцевой бумаги, на котором великолепной игрой различных оттенков желтого, красного, синего, зеленого и черного цветов переданы рекламные изображения всех десяти томов, краткая аннотация всего сочинения на арабском, английском и французском языках, изображения печатей различных правителей Марокко, а также отрывки из их посланий английской королеве, папе римскому, президенту США и королю Франции. Уместилась здесь даже взятая из книги иллюстрация, запечатлевшая сцену приема аббасидским халифом в Багдаде в 1097 г. посольства Юсуфа ибн Ташфина, основателя династии Альморавидов и к тому времени повелителя Магриба и Анда-

лусии. Невольно подумалось, что всякий, взявший в руки этот прекрасный проспект, либо обязательно приобретет сочинение Тази, либо хорошо запомнит его и будет рассказывать о нем другим. При этом трудно не загрустить (или не впасть в раздражение), вспомнив о состоянии рекламы научной литературы у нас.

Во время беседы Тази вовсе не ограничивался профессиональными темами историков, постоянно стараясь создать максимально непринужденную обстановку,— без конца шутил, иногда весьма крепко. В частности, когда разговор зашел о русских морозах, Тази как бы мимоходом бросил: «Ну, у вас от этого отличное средство, как это говорится — водка, лодка и молодка?» Последние слова он довольно четко произнес по-русски (марокканцы вообще лингвистически очень одаренный народ, и звуки чужой речи схватывают буквально с лёта). Не довольствуясь произведенным эффектом, он даже попросил меня написать ему эти слова по-русски и по-французски. «Жаль, что вы приехали один,— сказал он.— Я бы пригласил вас домой с супругой. Ну, ничего не поделаешь. Передайте мадам мои самые наилучшие пожелания». И совсем уж развеселившись, добавил: «А может быть, не только мадам?»

Я привел эту часть разговора лишь для того, чтобы показать неправильность наших некоторых представлений о мусульманах Магриба, которые вовсе не чураются разговоров на семейные темы, не считают зазорным фривольно сострить и вполне способны оценить шутку, которая, казалось бы, должна быть совсем не в их духе. Определенную роль тут играют полученное большинством магрибинской интеллигенции французское образование и усвоенные вместе с ним обычаи и манеры среднего француза. Но главное все же в другом. Тази принадлежит к специфической социальной элите марокканского общества — «фаси». Буквально это слово означает «фесец, уроженец города Фес». Известно, что после завершения реконкисты в Испании андалусские мавры десятками тысяч переселялись в страны Магриба. Город Фес, тогда столица Марокко, был наиболее заселен выходцами из Гранады, славившимися своим мастерством в торговле, ремеслах, богословии и воинском деле. Составив своеобразный патрициат Феса, они в дальнейшем

заняли ведущее положение во всех главных городах страны, породнились в большинстве случаев с феодальной аристократией и составили как бы огромный клан, вернее, социальную группу, из которой вплоть до наших дней в первую очередь рекрутируется верхушка нации. Фаси — это «соль земли» в Марокко. Поэтому и держатся они достаточно уверенно, могут позволять себе отступления от правил, считая себя избранной частью марокканских арабов, что в общем-то всеми молчаливо признается.

Я убедился в этом окончательно после беседы со своим давним знакомым Мухаммедом Газзалем, филологом, специалистом по информатике и русскому языку, который он изучал в СССР. «Для серьезного изучения проблемы андалусцев в Марокко,— сказал Газзаль,— надо связаться с их семьями в Рабате (здесь их называют „рбати“), Фесе и Тетуане. Среди них есть андалусцы, то есть бежавшие от Реконкисты арабы, и есть мориски, которых здесь называют „испанцы“. Они были изгнаны позже и сохранили фамилии типа Диаш, Барис и тому подобные. Их семьи хранят предания и традиции, иногда реликвии, знают друг друга и вообще „андалусские дома“ (то есть кланы). Встречаются среди них и потомки андалусских евреев, принявших ислам, но не забывших о своем происхождении». В числе последних Газзаль назвал целый ряд уже знакомых нам фамилий типа Бен Джаллун, Бен Шакрун и других, занимавших довольно заметное положение в политической и научной жизни страны.

Фаси не всегда склонны рассказывать о себе. Например, во время приема в честь участников коллоквиума я разговорился с социологом Мухаммедом Шакруном, который не отрицал, что его семья принадлежит к фаси из Тетуана. Но говорить он предпочитал о годах учебы в Париже, где ему, по его словам, все время внушали, что он похож на русского. На мой взгляд, он больше походил на уроженца Западной Грузии, где тоже встречаются такие рыжекудрые бородачи. Когда я обратил внимание Шакруна на совершенно европейский тип внешности одного из руководителей Рабатского университета, появившегося на приеме (он был похож на известного французского актера Жана Марэ, но с прической ежиком под Керенского), мой собеседник не увидел в этом ничего

особенного, удивленно взглянул на меня и сказал: «Так ведь он — фаси!»

Вообще судить по внешнему виду о происхождении человека, особенно в Марокко, не всегда просто. Сравнивая на том же приеме, например, Мустафу Айяда (преподавателя географии в Рабатском университете) с испанцем Моралесом-Лескано (из Национального университета заочного образования в Мадриде), было трудно определить, кто из них больше похож на араба — высокий, с бронзово-каштановой бородой и правильными чертами лица, совершенно «невосточный» Айяд или невысокий, черноглазый и чернобородый Моралес-Лескано, обращавший на себя внимание орлиным профилем и седеющими кудрями. И дело тут не только в том, что фаси и испанцы фактически почти родственники. Дело еще и в географической близости Марокко к Иберийскому полуострову, от которого страна отделена всего 14 километрами Гибралтарского пролива. Примерно 900 лет (с 711 по 1617 г.) присутствия выходцев из Магриба и вообще из арабских стран на полуострове, а также более 400 лет (в XV—XVIII вв.) господства испанцев и португальцев на марокканском побережье дали свои результаты.

Марокканцы и иберийцы и сейчас чувствуют себя достаточно тесно связанными. Марокканцы, например, говорили мне, что наличие в XV—XVI вв. множества пленных португальцев в Марокко и магрибинских рабов и заложников в Португалии, впоследствии вернувшихся на родину, определило некоторое влияние португальского языка на разговорный язык марокканских арабов, в частности наличие в нем частицы «диаль», обозначающей принадлежность. Меня уверяли, что «диаль» образовано из португальского предлога «ди» и арабского артикля «аль» (кстати, присутствующего почти во всех португальских заимствованиях из арабского языка). Испанский язык здесь так же принят в общении, как и французский. Интерес ко всему испанскому даже более значителен. Я обратил внимание, что Моралес-Лескано кроме доклада о современной испанской историографии Марокко выступил также с лекцией перед студентами Рабата на тему: «Испания в Северной Африке: испанский протекторат в Марокко (1912—1956)». При чем объявления об этой лекции везде были вывеше-

ны на испанском языке. Короче, многое соединяет марокканцев и испанцев, даже воспоминания о колониальном прошлом. Но и более отдаленное прошлое их сближает. Поэтому оно столь интенсивно изучается по обе стороны Гибралтара.

Об этом у меня был разговор с Антониу Диашем Фариньей, веселым и остроумным профессором Нового университета в Лиссабоне, который занимается историей Марокко в средние века. «К сожалению,— сказал Фаринья,— арабским периодом в истории Португалии у нас занимаются всего десять-двенадцать человек. А ведь у нас с арабами особые связи. Португалия, в отличие от Испании, вся была арабской пятьсот лет. И у нас сохранилось от того времени немало памятников, особенно на юге, в Алгарви — области, освобожденной от арабов самой последней». Фаринья говорил о португальских арабистах Давиде Лопише и Боргише Куэлью, о географе Орланду Рибейру и историке Жози Маттузу, об идущих с 1979 г. раскопках в Виламуре, Мертуле и Силвисе, о сходстве керамики, рисунков тканей, интерьеров зданий, к примеру, в португальской Мертуле и марокканском Сале. Но еще более охотно он рассказывал о «революции гвоздик» в Португалии в апреле 1974 г., давал характеристики ее лидерам, большинство из которых он знал лично.

Вообще особенностью европейских участников коллоквиума было желание в свободное от работы время ни в коем случае не говорить о работе. Даниэль Ривэ говорил со мной о футболе, о творчестве Чингиза Айтматова, о забастовке железнодорожников во Франции, которая может помешать ему вовремя успеть к занятиям в Лионском университете, о том, что его сын изучает русский язык и может написать мне письмо по-русски. Другой француз, Лионель Галан, предпочитал говорить о наших общих знакомых — известном французском востоковеде Максиме Родинсоне, советских лингвистах Ю. Завадовском и А. Милитареве, о природе Марокко, погоде на побережье Атлантики и т. п. Представитель фонда Конрада Аденауэра (фамилию которого я, к сожалению, не запомнил), участвовавший в наших беседах, обо всем высказывался довольно критически: о своих соотечественниках в Марокко — «не самых лучших немцах», о том, что новые конструкции самолетов не всегда

удобны, а горный туризм в Марокко связан с перегрузками для сердца. Он говорил, что ему одинаково не нравятся ни 30-градусная жара в Абу-Даби, ни 10-градусный мороз в ФРГ, а вот климат в Марокко, пожалуй, самый подходящий. Впрочем, Мартин Форштнер из Майнца с удовольствием говорил о проблемах лингвистики, о своих знакомых советских арабистах, с которыми он поддерживает контакт, обменивается литературой, ведет переписку.

В разговорах с марокканскими коллегами профессиональная тематика занимала гораздо больше места. Абд аль-Ахад Себти подарил мне оттиск изданной во Франции его статьи о городских святых и харизме в марокканской историографии, расспрашивал о том, какие именно вопросы средневековой истории арабов и на каких источниках мы изучаем. Сам он защищал диссертацию в университете Париж-7 под руководством известной французской исследовательницы Магриба Люсетт Валанси. В Париже издал свою большую монографию «Власть, общество и религия в Магрибе XV—XX вв.» и Мухаммед Кабли. «Сюда она еще не поступила,— сказал он мне.— Впрочем, у нас связи с Парижем даже лучше, чем, например, с Касабланкой». При этом и Себти и Кабли вовсе не придерживаются какой-то профранцузской позиции. Более того, я сам слышал, как они призывали к обобщению в решениях коллоквиума «полемике против колониализма, которая ведется уже 25—30 лет». О своей работе преимущественно в архивах Марокко рассказывал и Мхаммад Бен Аббуд, бывавший также в Испании, Италии, Тунисе. С Жерменом Аяшем беседа шла преимущественно о «школе Аяша», которую очень многие критиковали, утверждая, что «школа Аяша — это только сам Аяш». Однако я сам читал в статье, подаренной мне Себти, хвалу в адрес «школы Аяша; ее главными чертами является реабилитация национальных источников и преимущественный интерес к XIX в.». Вместе с тем Себти считает, что работы этой школы «небрежно относятся к городской среде и бедны проблематикой».

Конечно, марокканцев интересовало и многое другое. Из разговоров с ними можно было кое-что разузнать и о неизвестных нам сторонах их жизни. Я, например, еще в первый день приезда в Марокко познакомился с преподавателем социологии Рабатского

университета Али Мхамди. Доброжелательный, добродушный Мхамди очень помог мне в ознакомлении с работой университета и в установлении личных контактов с некоторыми его профессорами. Сам он занимался изучением экономических и социальных структур населения юга Марокко и готовил диссертацию на эту тему. Поскольку в перерывах или в поездках по городу мы нередко оказывались рядом, говорить с ним мне приходилось чаще, чем с другими.

Одной из тем наших разговоров был жилищный вопрос. Мхамди с семьей снимал 4-комнатную квартиру за 1200 дирхамов, что составляло 20 процентов его заработка (дирхам по официальному курсу был равен примерно 11 копейкам, а точнее, в те дни — 8 дирхамов равнялись 1 доллару). Его мечтой было выстроить собственный дом из «традиционного местного материала», в основном камня. «Такие дома,— говорит Мхамди,— стоят со времен средневековья. И многие теперь хотят выстроить себе что-нибудь подобное, так как купить квартиру в Рабате совершенно немыслимо: она стоит от двух до ста миллионов дирхамов в зависимости от места расположения, района, его категории и т. п.»

После завершения коллоквиума мы поехали по стране в комфортабельном автобусе, специально приспособленном для дальних путешествий. Для развлечения пассажиров на экране прямо над головой водителя (его сиденье расположено несколько ниже, чем в наших автобусах) с наступлением темноты демонстрировались видеофильмы преимущественно американского производства («Человек, который слишком много знал», «Человек с Востока» и т. п.), изобиловавшие отлично снятыми кадрами Парижа, Лондона, Нью-Йорка, городов Марокко и Алжира, а также сценами бесконечных драк, убийств, раздеваний, переодеваний и незамысловатых комедийных ситуаций. В одном из фильмов рассказывалось о сверхразведчике, сверхгерое и вообще сверхчеловеке Джеймсе Бонде, который где-то в районе Чукотки нырял под лед, прячась от советского вертолета, который он потом сбивал чуть ли не из браунинга, одной лыжей убивал сразу двух пограничников и кидался в сугроб, который оказывался замаскированной подводной лодкой, мгновенно погружавшейся. Проникнув внутрь, Бонд отдыхал от своих подвигов на роскошном мягком ди-

ване в обществе по-голливудски ослепительной красоты.

Марокканцы, давно привыкшие ко всей этой «масс-культуре» из-за океана, посмеивались. Но все же я заметил, что внимание ко мне проявлялось особое. Во время остановок меня расспрашивали о жизни в Советском Союзе, о народах СССР, задавали традиционный, по-моему, для любого иностранца вопрос о том, чем отличаются казахи от казаков (тогда, в декабре 1986 г. как раз происходили известные события в Казахстане). Немало было, как всегда в арабских странах, вопросов о положении мусульман и не только мусульман в СССР, ибо в эти дни французское и испанское радио много передач отводило диссидентам в Советском Союзе. Интересовались всем, вплоть до того, по какому поводу у нас принято шутить.

Марокканцы весьма серьезно относятся к проблеме колониализма. Один из них сказал, что наша страна, как и всякая великая держава, также не прочь колонизовать Африку. Тогда я ему процитировал слова нашей известной песни: «Не нужен мне берег турецкий и Африка мне не нужна». Как ни странно, это подействовало лучше любого другого аргумента.

Иногда меня спрашивали по ходу беседы, скажем, о средневековых арабских географах или великом историке Ибн Халдуна, об отношении русских к арабам вообще, почему мы любим одни арабские страны, а другими якобы пренебрегаем, не осталось ли у нас вражды к исламу со времен Золотой Орды и т. п. По характеру вопросов чувствовалось, что мои спутники чего-то не знают или не понимают, но о многом осведомлены. Однако, получая информацию главным образом из французских газет, они не всегда могут сделать правильные выводы.

Во время поездки нашими добровольными гидами стали географы Абд аль-Латиф Фадлуллах и Мустафа Айяд. Благодаря им картины, мелькавшие за окном автобуса, оживали, начинали как бы рассказывать о жизни страны не хуже иных книжек. И мы уже совсем другими глазами смотрели на новые рабочие кварталы, на выстроенный китайцами спорткомплекс «Мулай Абдаллах», на бывшие земли «гиш», когда-то отданные прикочевавшим сюда бедуинам за

воинскую службу, а ныне превратившиеся в государственные или частные владения. Среди них мелькнули предприятия, принадлежащие Сентисси — богатой семье фаси в Рабате и Касабланке. «За последние тридцать лет,— говорил Фадлуллах,— здесь изменился не только пейзаж, но и жизнь людей. Коллективные пастбища сменились частными фермами, специализирующимися на молочно-мясном хозяйстве, разведении кур, выращивании овощей. Буржуазия рбати (так называют столичных фаси.— *Р. Л.*) стала скупать эти земли и вводить орошаемое земледелие еще в начале европейской колонизации. И вообще бюрократия, буржуазия и военные давно уже скупают лучшие земли вокруг крупных городов».

При подъезде к Касабланке (от Рабата до нее всего километров 90) теперь почти не видно бидонвилей, которые так ужасали раньше. В большинстве случаев они разрушены, а на их месте стоят дешевые новые дома. «Люди переселились в них или в расположенную севернее Мухаммедию, где также идет большое строительство,— продолжал Фадлуллах.— Но вы видите, что еще кое-где остались хибары. Сейчас в Касабланке два с половиной миллиона человек. Она растет быстро, причем не столько экономически, сколько демографически. Энергично разрушают бидонвили только последние три года».

Мы не заезжали в центр города, а проехали лишь по его окраине, из всех достопримечательностей видели только темные кубы зданий Шерифского управления фосфатов — подлинной государственной монополии — и часть довольно мало примечательных корпусов местного университета имени Хасана II. На самом краю города бросились в глаза новые кварталы, огороженные белой стеной с круглыми башнями у входа.

Далее наш путь лежал на юг. Вплотную к дороге подступили тучные обрабатываемые поля, парники под бананы, новенькие фермы, стада коров, пасущихся на лугах. «Обратите внимание,— сказал Мустафа Айяд,— к югу от Касабланки плотность населения возрастает. Здесь на каждой ферме — не менее шести-восьми человек. Многие ведут хозяйство по португальскому образцу — те же орудия, культуры, форма жилищ. Я считаю, что это следствие продолжающегося влияния Португалии со времен ее господства

в этих краях». Слушавший его Фаринья кивал головой в знак согласия. Айяд продолжил: «Слева — железная дорога из Касабланки в Жофр Ласфар, порт по вывозу фосфатов. Тут всюду чернозем, как и во всей этой области вплоть до порта Сафи. А пахут преимущественно на ослах, так как требуется здесь мелкая вспашка. Слой почвы, как заметно даже отсюда, очень тонок. Даже камни видны».

Так мы ехали вдоль спокойного океана, не спеша брызгавшего на берег пеной небольшой волны. Разговор то и дело заходил о различиях между городом и деревней, о все большем расслоении горожан и их отчужденности от сельских жителей. Пообедав в ресторане недалеко от Жофр Ласфара, мы свернули от океана влево, в глубь страны.

Три дня в Марракеше

Почти 200-километровая полоса сплошного чернозема тянется от атлантического побережья Марокко, вернее, от города Сиди Беннур (центра исторической области Дуккала), к южной столице этой страны — городу Марракешу, который средневековые хроники называли «западным Багдадом». Однообразие равнины лишь изредка нарушается оливковыми рощами, зарослями кактусов, да редкими селениями, возле которых бродят серо-коричневые, под цвет местных почв, стада овец. Иногда можно увидеть редкое теперь явление — верблюда на пашне вместо лошади или быка. И снова степь, ровная, сливающаяся с наступающими сумерками. Вдруг словно окунаешься в густые заросли ароматной зелени, с трудом различая за гордо взметнувшимися высокими пальмами и плотной листвой апельсиновых деревьев стены многоэтажных домов, отелей, ресторанов, рекламы банков, иностранных и местных компаний. Это — Марракеш. Он как бы неожиданно возник среди предшествовавшей ему равнины и в то же время логично продолжает ее, гармонично сочетается с ней и своими плавными очертаниями, и обилием растительности, и теплыми красновато-коричневыми тонами, преобладающими в окраске городских зданий.

Мы бродим по вечернему городу, вдыхая его запахи и прислушиваясь к шороху листвы, чувствуя се-

бя, как в саду. «Я люблю Марракеш,— говорит мой спутник, Абд ар-Рахим Латауи, хранитель библиотеки факультета литературы и гуманитарных наук Рабатского университета.— Сам я родился на побережье, в Сафи. Но тут у меня живут родственники, которых я регулярно навещаю. После рабатской суеты здесь отдыхаешь душой и телом: другой воздух, другой ритм жизни». Латауи учился в СССР и хорошо говорит по-русски. Он интересуется вопросами филологии и защитил в Ленинграде дипломную работу «Структурные типы и модели образования имен в современном русском языке». Сейчас он готовит диссертацию о русско-арабских и арабско-русских словарях, печатает в различных журналах и изданиях Рабатского университета статьи о русских суффиксах, о работах советских арабистов. В опубликованной в 1980 г. статье «Арабские исследования в СССР» он воздал должное академику И. Ю. Крачковскому, назвав его «творцом новой школы советского востоковедения», и дал подробную библиографию (в сочетании с биографическими данными) трудов многих наших арабистов-филологов, таких, как В. Г. Ахвледиани, Х. К. Баранов, В. М. Белкин, А. Г. Белова, В. И. Беляев, В. М. Борисов, Г. М. Габучан, А. А. Долинина, Г. Ш. Шарбатов, Б. Я. Шидфар. Впоследствии (в 1989 г.) Латауи перевел и издал на арабском языке некоторые труды Крачковского.

Зная, что Латауи из берберской семьи, я спрашиваю его, верно ли, что Марракеш по-прежнему, как и в средние века, остается центром берберской культуры и берберских племен. «Это очень сложный вопрос,— отвечает он.— Когда меня иностранец спрашивает, араб я или бербер, я прежде всего думаю, зачем это ему нужно. Речь не идет, разумеется, о советских людях. Но вы знаете, сколько спекуляций вокруг так называемого берберского вопроса имело место в годы протектората? И французы, и испанцы, и еще кое-кто все время старались отделить, обособить арабов от берберов, противопоставить их друг другу. А чем занимаются у нас многие давно тут работающие американские социологи, политологи и социантропологи? Тоже выискивают берберскую специфику, но не только с целью исследования ее. Конечно, есть еще у нас кое-где в горах отдельные

племена, где старики и женщины, никогда не бывавшие в городах или даже просто на равнине, арабского не знают и говорят только на своем диалекте. Но таких мало, и они как бы целиком в прошлом. И в этих племенах мужчины, уходившие на заработки или регулярно бывающие в городах и селах в базарные дни, говорят по-арабски, как и мы, городские жители. Мы все марокканцы, мусульмане и говорим по-арабски. А уж кто от кого происходит — это другой вопрос. Мой род, например, в свое время переехал в Сафи из Тафилальта, где, как известно, арабы и берберы уже более тысячи лет живут бок о бок. Мой дед говорил по-берберски, отец знал оба языка, а я говорю только по-арабски. Понимаю говор берберов Сафи и могу отличить один диалект от другого, но не говорю на них».

Я слушал его и вспоминал, как однажды прочел во французской книге о Марокко, что жители Тафилальта, претерпевшие на протяжении веков немало превратностей политической судьбы и еще больше страдавшие от немилостей природы, руководствуются старинной арабской поговоркой: «Ветер в лицо делает человека мудрым». И там же подтверждалась полная невозможность установить, кто же был истинным предком нынешних жителей Тафилальта, на многострадальной земле которого веками смешивались потомки местных крестьян и пришлых бедуинов, римских колонистов и берберов племени микнаса, воинственных горцев и плененных ими черных африканцев, арабских аристократов и беглецов из других стран ислама.

Я говорил об этой проблеме с Али Мхамди, с Абд аль-Латифом Фадлуллахом, генеральным секретарем Ассоциации марокканских географов, с другими преподавателями Рабатского университета. Из всех этих разговоров сложилось впечатление, что мои собеседники, признавая наличие берберских диалектов (кстати, сильно отличающихся друг от друга), фольклора и другой этнической специфики, особенно в районах расселения еще сохранившихся племен, все же склонны подчеркивать скорее исторический, нежели национальный, характер различий между арабами и берберами. «Мы, — говорили они, — марокканцы, а не берберы или арабы. Разве можно сейчас установить, кто из испанцев происходит от иберов, кто — от готов, а

кто — от арабов? Или кем является современный француз — потомок галла, римлянина или франка? Все это принадлежит истории».

Пожалуй, именно здесь, в столице марокканского юга больше всего чувствуется синтез разных этносов, породивших марокканскую нацию. Не случайно по имени Марракеша за рубежом стали называть всю страну («Маррокуш» по-португальски, «Марруэкос» по-испански, «Марок» по-французски, «Марокко» по-итальянски и по-русски). Сами марокканцы свою родину именуют «Магриб», реже — «Дальний Магриб» (Аль-Магриб аль-Акса). Но Марракеш, выстроенный в XI веке у подножия Высокого Атласа берберами, пришедшими вместе с династией Альморавидов, стал столицей государства в момент наивысшего взлета его могущества при Альморавидах и Альмохадах, а позднее при Саадидах. Именно из этого города исходили повеления всему Северу Африки вплоть до Египта и Сахары, а также Андалусии и Балеарским островам в XI—XIII вв., именно на него нападали захватившие побережье португальцы в XV—XVII вв., именно здесь царствовал знаменитый Ахмед аль-Мансур, разгромивший португальцев в «битве трех королей» у Ксар аль-Кебира в 1578 г.

Население города менялось в ходе истории. К первоначально осевшим здесь берберам постепенно присоединялись мавры из Андалусии, поскольку правителям нужны были искусные каменщики, архитекторы, садоводы, музыканты, поэты. Прибывали также чернокожие рабы из Африки и военнопленные-европейцы: часть их них, приняв ислам, поселилась здесь навсегда. След свой оставили здесь и европейцы-наемники, добровольно шедшие на службу к щедро оплачивавшим их услуги султанам. А с XII в. на окружающие город равнины постепенно переселялись арабы-бедуины из Центрального и Восточного Магриба, получавшие земли от султанов и составлявшие их армию («гиш» — от классического арабского «джейш»).

Все эти разные группы жителей давно перемешались. Поэтому, прогуливаясь, например, по суку (рынку) Марракеша, можно встретить все описанные западными этнографами антропологические типы — невысоких, коренастых, широколицых шатенов («типичных берберов»), высоких, худощавых, смуглых брю-

нетов («типичных арабов»), ярко выраженных африканцев (их здесь зовут «гнауа»), а также все варианты метисов и мулатов, не говоря уже о вполне «европейских» с первого взгляда лицах, принадлежащих коренным марокканцам.

Марракеш — это, конечно, не только рынок и далеко не рынок прежде всего. Но без рынка нет Марракеша, старая часть которого — медина — представляет собой хитроумное переплетение торговых рядов, улочек и закоулков, крытых базаров «кисарийя» и извилистых тупиков, плотно застроенных лавками, мастерскими, ателье, магазинчиками и прочими заведениями такого рода. Над этим хаотическим морем традиционного ремесла и мелкой коммерции изредка возвышается минарет старинной мечети, украшенный искусным орнаментом портал медресе или же нависающий над нижним этажом выступ в виде закрытого балкона или подпираемой колоннами галереи. Там, где нет торговли, тянутся угнетающе одинаковые сероватые глухие стены без окон.

О наличии здесь жилых домов можно догадываться лишь по дверям, кое-где прорубленным в стенах, но плотно закрытым. В большинстве своем здесь живут торговцы и ремесленники медины, постаравшиеся как бы компенсировать безликость стен и мрачность узких улиц разнообразием в оформлении и украшении входов в свои жилища. Поэтому каждая дверь своеобразна, говорит о вкусах и пристрастиях хозяина. Есть двери железные, черной, голубой или зеленой окраски, есть деревянные, преимущественно коричневые, красные или же потерявшие первоначальный цвет. Большинство украшено орнаментом в виде различных сочетаний крупных фигурных (обычно в виде звездочек) шляпок гвоздей. Почти каждый вход снабжен дверным молотком в форме медной ручки, кольца или подковы. Некоторые двери фактически уже не двери, а большие кованые (или с ажурной резьбой по дереву) ворота с массивным кубовидным порталом или под изящной аркой. Здесь, судя по всему, обитают зажиточные купцы или хозяева мастерских, но не самые богатые; те в основном живут в роскошных квартирах в новом районе Гелиз.

Бродить по медине — увлекательнейшее занятие. Улицы тут так и называются — Сук аль-Кбир (Великий рынок), Сук аль-Аттарин (Рынок парфюме-

ров). Примерно таковы же наименования кварталов: Сук аль-Хаддадин (Рынок кузнецов), Сук аш-Шарратин (Рынок кожевенников). Создается впечатление, что меина и сук в Марракеше едины, но это не так. Меина — это часть города, еще живущая в прошлом и во многом по законам прошлого. Но в меине далеко не каждый торгует, даже если он и имеет лавку на одной из бесчисленных улиц, именуемых рынками. Когда идешь по такой улице, то это особенно бросается в глаза. Лавка может иметь броскую вывеску, скажем, «Подарки берберов» или «Портной из аль-Азхара» (хотя и неясно, какое отношение портной имеет к мусульманскому университету Каира). Но в ней не столько торгуют (разумеется, есть и такие), сколько трудятся: вертят гончарный круг, подбивают подметки и каблуки, разделывают баранью шкуру, выполняют затейливую резьбу по дереву или гипсу, выковывают ажурную решетку, выбивают тонкую насечку на медном блюде.

А как работают столяры и краснодеревщики! В занятом их мастерскими проулке не найдешь ни одного человека, праздно глазающего на посетителей. Все работают, кто рубанком, кто небольшим топориком, кто пилой. Запах свежих опилок и напряженно склонившиеся спины — вот что остается в памяти после посещения их небольшого квартала в меине.

Не буду перечислять всех, кого видел в меине Марракеша в их обычный трудовой день. И хотя принято считать, что лишь современное производство вредно для здоровья человека, вряд ли красильщик, вдыхающий тяжелые испарения приготовляемых им же красок, живет лучше рабочего-химика, а ткач, слепнувший в полутемной мастерской, более счастлив, нежели его коллега на современном предприятии.

Но есть здесь, конечно, и своя элита. Это — ювелиры, производители разных сувениров для туристов, роскошных бабушей (туфель без задников), парчовых платьев и кафтанов. Есть и представители почти умственного труда. Здесь, в частности, обычное зрелище представляют собой усатый портной в тюрбане, пользующийся старой швейной машиной «Зингер», хмурый писарь в феске, стучащий на пишущей машинке, пожилой гравер в очках без оправы, неспешно и умело выводящий на серебре изящный геометрический или растительный узор.

Однако медина старается на каждом шагу удивить чем-то необычным. На одном из перекрестков «кисарийи» Латауи, который взял на себя обязанности моего добровольного гида по медине, вдруг останавливается и бросается пожимать руку высокому седому человеку явно европейской внешности, но в сугубо марокканском костюме — полосатой кашабе (кафтане) и островерхой белой шапочке. Они долго разговаривают на местном диалекте, как старые друзья. Потом Латауи рассказывает мне: «Это — голландец Флинт, который живет в Марракеше более 30 лет. Приехал сюда в свое время как преподаватель английского языка, и так ему здесь понравилось, что без Марракеша он уже не может жить. Вышел на пенсию и занялся мелкой торговлей. Но главная его страсть — марокканские ремесла. Он большой их знаток и ценитель, а также исследователь. Опубликовал ряд статей о ремеслах Марокко, в том числе у себя на родине. Но в Голландию даже не ездит, хотя здесь он одинок и не обзавелся семьей. Любовь к Марракешу заполняет всю его жизнь».

Услышав такую редкую в наши дни историю, уже по-другому читаешь во французском путеводителе по Марокко, что марокканские города имеют свой характер и что если, к примеру, Фес интересен своими секретами и таинственностью, то Марракеш «соблазняет с первого взгляда», представляясь «безумным, поэтичным», «женственным, цветастым», полным «слухов, песен, криков, напевных молебствий и долгих споров». Не знаю, как насчет женственности, но что касается песен, криков, споров и вообще всякого шума, то их в медине Марракеша более чем достаточно. Только за два часа пребывания в медине мы трижды были свидетелями различных инцидентов: то полицейский задержал вора, то разнимал дерущихся из-за платка женщин, то целая толпа, прочно заблокировав узкую улочку, ожесточенно спорила по неизвестному поводу, доходя чуть ли не до драки, при этом кто-то плакал, кто-то призывал аллаха в свидетели, кто-то рвал на себе одежду.

Покидая торговые кварталы медины, мы вышли на расположенную в центре старого города знаменитую площадь Джамаа аль-Фна (Собрание усопших), где в былые времена выставляли головы казненных. Ныне она служит главным образом целям привлече-

ния иностранных туристов и поэтому каждый вечер становится как бы сценой своеобразного карнавала актеров, акробатов, борцов, циркачей, дрессировщиков, сказочников, жонглеров. Но мы попали сюда при свете солнца и убедились, что Джамаа аль-Фна, оказывается, и днем ухитряется жить почти ночной жизнью. Конечно, сейчас здесь туристы (главным образом немцы) не толпятся, не заполняют открытые веранды ближайших кафе, а бродят небольшими группами или поодиночке. Но пожилые гадалки, сидящие прямо на земле, так же как и вечером, почти по-цыгански протягивают вам колоду карт, предлагая угадать вашу дальнейшую жизнь. Сказочники и рассказчики также собирают вокруг себя молодежь и просто любопытных. Толпа слушает старинные предания и легенды с тем же почтительным вниманием, как и много веков назад, когда бродячий поэт или сказитель в одном лице воплощал все то, чем являются для нас сегодня театр, кино, радио, телевидение и пресса. Многие торговцы и приказчики, которым надоело часами зря торчать у себя в лавке, выходят на Джамаа аль-Фна поглазеть на силачей и плясунов, разминающихся для вечернего представления, на фокусников, охотно демонстрирующих свое искусство в любое время суток. Речитативы слепых повествователей, аккомпанирующих себе на ребабе (своего рода скрипке), выкрики внезапно пустившихся в пляс танцоров, комментарии туристов, доносящиеся из соседних торговых рядов препирательства, перекрывающий все звуки гортанный призыв муэдзина — все сливается в пестрый гул, своего рода шумовой фон, постоянно присущий Джамаа аль-Фна.

Проходя по площади, надо быть настороже — уметь вовремя увернуться от настойчиво предлагающего свои услуги врачевателя, продавца воды, предсказателя жизни с ученым попугаем или бойкого продавца экзотических браслетов, быстро отойти от сомнительной личности, что-то показывающей из-под полы, избежать столкновения с буравящей толпу группой темнокожих «гнауа» в черных шапочках с белой вышивкой и белых гандурах (длинных рубахах), ритмично колотящих в дарбуки (небольшие барабаны). Говорят, что музыканты-гнауа даже составляют здесь особый духовный орден («тарика» — то есть «путь») со своим уставом, обычаями, прави-

лами поведения, самобытными навыками постижения с детства основ прекрасного ремесла музыкального исполнительства, танца и пения.

Надо также постараться не наступить на коврик с отсыпающимися кобрами и аккуратно обойти небрежно развалившегося рядом их укротителя. К тому же желательно сделать вид, что вас совсем не интересует целый выводок расположившихся неподалеку маленьких обезьян, хозяин которых буквально пронизывает вас испытующим взором, пытаюсь определить, хотите ли вы сфотографироваться в обнимку с ним и с его питомцами на руках, как это делают здесь многие туристы. Да и около шпагоглотателя или пожирателя огня не стоит задерживаться, ибо то, что марокканцам показывается просто так, искусства ради, иностранцем должно быть оплачено, и сполна.

Об этом нам напомнила и поездка в Урику. Это высокогорная долина, «край вечной весны», как его тут называют. Здесь сплошь красивые виды на снежные вершины, горные обрывы, скалы, заросшие местами кустарником, обилие садов и цветов в довольно старых деревушках из глинобитных или каменных хижин, казалось, стоящих веками. Но тут же и роскошные гостиницы, рестораны для туристов с туго набитыми кошельками, великолепные смотровые площадки и стоянки автомобилей. Прогулка здесь — удовольствие, которое, впрочем, нарушается настойчивыми приставаниями бесчисленных мелких торговцев, пытающихся сбыть иностранцам всякого рода самодельную бижутерию по баснословным ценам. Это — местные берберы, кстати, давно уже арабизировавшиеся под влиянием арабоязычного в своем большинстве населения Марракеша, расположенного всего в нескольких десятках километров.

Мы идем не спеша в гору в сопровождении целой толпы торговцев, на этот раз, однако, не слишком нам докучающих. Осматривая некоторые дома, здесь выглядящие как загородные виллы, Фаринья спрашивает меня, есть ли такие дома у нас, какова цена на землю в СССР и нет ли в связи с этим земельных спекуляций. Меня опережает Фадлуллах; он знает и положение у нас с землей и собственностью, и ситуацию с кооперативами, и даже слово «дача». «Здесь уже давно, — говорит он, — доходный центр туризма. Но чуть ближе к городу — сплошь участки, принад-

лежащие жителям Марракеша. Они разводят оливки, овощи, даже цитрусовые. Когда-то здесь были земли „гиш“, потом часть из них захватили французские колонисты. Однако многие жители города их опередили, еще ранее скупив земли у прежних хозяев».

Надышавшись озоном высокогорья, мы спустились обратно. Некоторые жалеют, что так ничего не купили. Однако марокканские друзья утешают иностранцев: «Это — не подлинно народное. Это — для туристов».

Если Марракеша нет без рынка, то тем более его нет без экзотики. К концу второго дня пребывания в городе мы присутствовали на своеобразном празднестве в ресторане «Ше Али» («У Али»). Сначала мы миновали красно-кирпичные стены, стилизованные под старые стены марракешской медины, но украшенные зубчатыми башенками с целью придания им сходства с сахарскими ксурами (крепостями) на крайнем юге Марокко. У входа нас приветствовали музыканты, танцоры и всадники на скакунах и верблюдах, время от времени палившие из ружей. Затем мы оказались внутри этих стен на огромной площади под открытым небом. Середина площади была занята большим песчаным манежем, расположенным метра на полтора ниже уровня почвы. А по всему периметру манежа стояли огромные шатры, внутри каждого из которых на диванах и подушках могли расположиться до полусотни человек.

Когда шатры заполнились группами туристов, официанты в темно-зеленых куртках с серебряным шитьем, в коротких штанах и белых чулках, с белыми повязками на голове стали разносить кушанья. «Их костюм,— объясняет мне сидевший рядом Латауи,— считается теперь вариантом национального марокканского. Но в свое время он был заимствован, очевидно в семнадцатом веке, у алжирских турок, как и некоторые наши кушанья, особенно сласти». Однако вскоре среди обслуживающего персонала появились люди и в европейской одежде, и в джеллябах (длинных кафтанах с капюшоном). Джелляба считается основой подлинно национального марокканского костюма, особенно в сочетании с феской или тюрбаном, а также с бабушами.

В соответствии с тонко продуманной арабо-андалусской традицией удовольствие, получаемое от пи-

щи, должно сопровождаться приятными ощущениями цвета, запаха и слуха. Поэтому в лучших арабских, особенно магрибинских, отелях и ресторанах обычно очень заботятся о своеобразии оформления интерьера, униформе официантов, наличии цветов и пышной зелени, журчании фонтанов и о музыке, о которой стоит сказать поподробнее.

Хотя само слово «музыка» греческого происхождения («искусство муз»), арабы его возводят к имени пророка Мусы, то есть Моисея (чтимого ими как одного из предшественников пророка Мухаммеда), ударом жезла заставившего биться в пустыне множество фонтанов; каждый из них звучал на свой лад. Сколько тогда возникло фонтанов, столько, мол, и ладов было создано, а само слово «музыка» (по-арабски «мусика») в переводе с арабского будто бы означает «Моисей, напои!» («Муса, ски»). Эта красивая легенда не вяжется с количеством ладов: по легенде фонтанов было 12, а ладов в арабской музыке насчитывалось, по сведениям музыковедов прошлого века, от 100 до 200; наиболее употребительными из них были 30—40. Классическими канонами в магрибинской музыке считаются 24 нубы, то есть составленные в определенной ладовой последовательности вокально-инструментальные композиции. Их правила были разработаны в IX веке андалусским певцом и композитором Абу-ль-Хасаном Бен Нафи (Зириабом). В Магрибе ныне приняты три стиля их исполнения: *малуф* — в Тунисе (продолжает традиции андалусской Севильи), *сана* — в Алжире (традиции Кордовы), *гирнати* — в Марокко (традиции Гранады). Причем из 24 классических нуб в Марокко сохранились 11, в Алжире — 15, а в Тунисе — 13.

Знаменитый проповедник эпохи Альмохадов Ибн Тумарт в XII веке ломал музыкальные инструменты и изгонял музыкантов, ибо сунна (предания о жизни пророка) отвергает музыку как наследие времен джахилийи (язычества). Однако постепенно музыка стала неотделима от жизни мусульман. В частности, азан (призыв к молитве) и чтение аятов (стихов) Корана исполняются профессиональными певцами, в Марокко и Тунисе — в ладу *майя*, в других странах Северной Африки — в ладу *байяти*.

Но бытует в Марокко и светская музыка. Основные ее жанры — *ала*, *сама*, *гриха* — представляют со-

бой синтез арабо-андалусской и местной музыкальной традиций.

В арабской музыке Марокко существуют и другие жанры. При этом андалусская традиция не умирает. В частности, от Марокко до Ливии известна практика сочинения песен и романсов на давно исчезнувшем арабо-андалусском диалекте (андалуси). В Касабланке, Рабате, Фесе и Тетуане имеются пять оркестров андалусской музыки. Кроме того, есть также ассоциация ее любителей и школа обучения исполнителей. Наряду с ними есть в стране и шесть консерваторий, которые в программы обучения включают как европейскую, так и национальную музыку.

Существенную часть музыки Марокко составляет берберская музыка. Здесь она предстает как бы в «чистом» виде, так как в соседнем Алжире в значительной мере потеснена или засорена турецкими, восточноарабскими или западноевропейскими влияниями. Музыка берберов Марокко также не чужда арабских и африканских воздействий. Тем не менее она имеет свои отличия: взаимосвязь игры на инструментах собственной традиции, танца и поэзии, широкое распространение жанра песни-танца, а также пастушьей песни без инструментального сопровождения. Все они весьма разнообразны. Мы в этом убедились, проведя достаточно долгий, прохладный и впечатляющий вечер под вместительными шатрами «У Али».

Главное в программе «У Али» — это не столько угощение, сколько развлечение. Попеременно в каждом из шатров появляется тот или иной ансамбль музыкантов, певцов и танцоров. Перед нами как бы демонстрируются обычаи, фольклор и самобытное искусство разных племен Южного Марокко. Первыми изумили нас своими высокими прыжками и резкими выкриками в сопровождении ударов в бубен воинственные берберы в белых гандурах (длинных рубахах) и тюрбанах, повязанные красными шарфами и с кривыми кинжалами на боку. «Это — танец племени гувара из области Тарудант близ Агадира», — объясняет Латауи. Вспоминаю, что Тарудант называют «жемчужиной долины Суса». Западногерманский географ Хорст Меншинг писал в этой связи в 1953 г.: «В Марокко нет другой столь же изолированной области, как Сус. Хотя его берберские племена, составляющие многочисленную группу шлехов, впитали в себя араб-

ские, а также... негроидные элементы, они все же представляют замкнутую группу племен, у которых преобладает берберское начало». С тех пор прошло, правда, более 30 лет, и ныне почти всех шлехов, распространившихся по стране, называют, особенно в городах, «суси». Мне приходилось встречаться с ними — бизнесменами, официантами, шоферами. Они славятся предприимчивостью, сплоченностью и особой чуткостью ко всему новому, современному. Но, взглянув на танец племени гувара, думаешь о том, что те, кого именуют суси, далеко не однородны. Они могут быть и горожанами (предпринимателями, интеллигентами, рабочими современных предприятий), но могут быть и крестьянами, многое сохранившими от традиционного быта и образа жизни. Как и всюду в Марокко, социальное начало выдвигается на первый план, вытесняя все прочие, что не мешает, однако, сохранению в сфере культуры региональной и племенной специфики.

После продемонстрированного танцовщицей со сдвинутым на бедра поясом варианта танца живота, именуемого здесь «восточным танцем» и исполняемого под мелодию, очень напоминающую лезгинку, в шатер вошли «гнауа» в круглых шапочках из красной парчи, заполнив все громом барабанов и медных инструментов, звуками кастаньет. Высокие прыжки, неопределимо быстрый ритм, стремительно вращающиеся длинные кисточки на шапках и почти акробатические номера наиболее юных танцовщиков вызвали восторг публики. После них вышел хор женщин, преимущественно немолодых, в цветастых одеждах и со множеством бус и монист, а главное — самого разного цвета кожи, от белого до полностью черного. Пели они то по-берберски, то по-арабски. «Они — из Уарзазата, места, где издавна было много харратинцев, то есть чернокожих африканцев, занимавшихся земледелием. Они там всегда жили среди арабов и берберов и всегда знали их языки». Так объяснили мне феномен разнообразия внешности и двуязычия певиц.

Последними в тот вечер выступили берберы из района Хенифры в горах Среднего Атласа. Они также пели на двух языках, ибо почти все берберы Среднего Атласа двуязычны. Изумительно играли и пели хором мужчины в белых гандурах. Еще прекраснее танцевали женщины в красных платьях и с распу-

щенными волосами, которыми они то мелко трясли, то касались ими земли, то вращали длинными густыми прядями и косами с вплетенными в них бусами. Когда танец кончился, крики одобрения на арабском, итальянском и португальском языках — «Шукран! Грацие! Обригаду!» — раздались из разных углов шатра. Мы слышали, как в других шатрах точно так же благодарили артистов по-французски, по-немецки и по-английски.

Завершилось празднество представлением на манеже. Сначала над возвышающимися над ними крепостными башнями проплыл в уже наступившей темноте сказочный ковер-самолет с персонажами «Тысячи и одной ночи». Затем мы наблюдали старинную конноспортивную игру «фантазия»: одетые бедуинами всадники стремительной лавой неслись по песку, вздымая облако пыли и издавая гортанные крики, одновременно давали залп из ружей и замирали на месте, стараясь сохранить равнение в строю. «Фантазия», которую мне довелось видеть в самых разных странах Магриба в различное время, является своего рода традицией фольклорных и других массовых представлений. Говорят, что она как бы отображает самые первые бои с колонизаторами, когда магрибинские всадники налетали на противника молниеносно, стремясь устрашить, психологически подавить его, и стреляли только в упор, так как пуль и пороха (ввозимых тогда из-за границы) у них было мало и приходилось использовать их крайне бережно. Однако к этому, разумеется, не сводится все значение этой традиции. Как и любой конноспортивный праздник, «фантазия» — повод для демонстрации бедуинских костюмов, оружия, джигитовки и вообще умения ездить верхом.

Красочное зрелище закончено. Все садятся в автобусы и разъезжаются. Интересно, во что обходится такое ежевечернее представление? Из разговора моих марокканских спутников узнаю, что каждый такой спектакль дает хозяевам «У Али» до 20 тысяч дирхамов дохода. Для сравнения напомним, что 8 марокканских дирхамов тогда были равны американскому доллару, месячная заработная плата квалифицированного рабочего еще недавно не превышала тысячи дирхамов, а инженера — 4—5 тысяч дирхамов. Но контрасты, особенно социальные, в Марокко — обычное

дело. Когда мы проезжаем мимо самого роскошного в Марракеше отеля «Мамуния», мне говорят: «Только переночевать здесь стоит две тысячи дирхамов».

Заключительный день нашего пребывания в Марракеше был отдан истории этого замечательного города. Особенно интересным оказалось знакомство с его старинными памятниками и достопримечательностями, поскольку нам в этом деле помогал местный житель, да еще квалифицированный историк, да еще влюбленный в Марракеш. Таким добрым гением стал для нас Хамид Трики, преподаватель местного университета, директор управления среднего образования Марракеша и большой знаток средневековых рукописей, часто выступающий на страницах главного журнала марокканских историков и страноведов «Эсперис-Тамуда». При первом же взгляде на него мне сразу же вспомнилось описание внешности основавшего Марракеш в XI в. альморавидского халифа Юсуфа ибн Ташфина, сохранившееся в арабских источниках: «Смуглый, среднего роста, худощавый, с небольшой бородой, приятным голосом... орлиным носом». Все это полностью подходит к описанию Трики. Только вот глаза у него голубые, а не черные, как у основателя его родного города. Но здесь такие глаза у многих. Может быть, наш гид — прямой потомок первых берберских властителей города? Не решаюсь спросить у него об этом, так как этот быстрый в движениях, веселый и насмешливый человек вышучивает все и всех. Я помню, как он это делал накануне, сидя вместе с нами в шатре «У Али» и рассказывая о чтении недавно обнаруженного им дневника какого-то музыканта прошлого века.

Сначала Трики повел нас в Ксур на юго-западе медины, где главная улица так и называется — Ксур («крепости», в данном случае «Замки»). «Здесь в XIII—XV вв. была,— начал рассказ Трики,— резиденция наместников династии Меринидов. Мериниды перенесли столицу из Марракеша в Фес. Но в XVI в. здесь обосновалось религиозное братство Джазулийя, которое помогало новой династии — Саадийским шерифам — бороться против пытавшихся восстановить свою власть представителей старой династии Ваттасидов. Шейх братства Згвани поселился в Марракеше, став правителем и святым покровителем города. Будучи религиозным мистиком, он тем не менее мно-

го сделал для города в социальном отношении: строил дома, сажал деревья, восстанавливал стены, фонтаны. Его и сейчас воспевают в народной поэзии».

Мы смотрим на древние стены резиденции Згвани, который, судя по имени, имел отношение к городу Загван в Тунисе, на его большой мавзолей, до сих пор привлекающий многих верующих (братство Джазулийя в Марокко продолжает действовать, как и многие другие братства марабутов), и на поднимающиеся рядом глухие стены домов. «Здесь впоследствии жила местная знать,— продолжает Трики,— включая пашу аль-Глави». Вспоминаю, что крупнейший феодал марокканского юга Тхами аль-Глави, паша Марракеша и каид (вождь) племени айт глава, был как бы символом коллаборационизма в Марокко, сотрудничая с колонизаторами в течение всего времени протектората Франции (1911—1955) над страной.

Идем за Трики по уже знакомым улицам медины, едва успевая увертываться в узких проходах и переулках от мопедов, мотоциклов и велосипедов беспечных юнцов, прорезающих толпу пешеходов, не снижая скорости. Почтовые киоски и фотоателье с немецкими надписями, шум моторов, звуки джаза из транзисторов и зазывные крики торговцев напоминают, что мы хоть и идем по средневековым камням, но все же в наши дни, в конце XX в. По дороге кто-нибудь из нас иногда останавливается полюбоваться ажурным навесом какого-нибудь маленького магазинчика с гордым названием (вроде «дворец Ксур»), резными фигурными шахматами или светильниками на прилавке седобородого торговца, искусно вытканым ковром или великолепной росписью деревянного блюда. При этом едва успеваем слушать пояснения нашего стремительного гида: «Здесь был в старину рынок рабов... А здесь когда-то находился квартал оружейников, причем славились в нем особенно евреи, делавшие ножи... Здесь выделывают ремни, а здесь выковывают решетки для окон».

Приходим на площадь Сиди Бен Юсеф, недалеко от которой расположены мечеть и медресе Бен Юсеф. Мечеть основали еще халифы из династии Альмохадов в XII в., но с тех пор она не раз разрушалась и перестраивалась. Через длинный проулок с многолопастной аркадой входим во внутренний двор медресе. Вид великолепный! В украшении внутренних двори-

ков мечетей, дворцов и просто частных домов магрибинские архитекторы, заимствуя лучшие традиции арабов Андалусии, достигли совершенства. Даже трудно определить, что тут лучше: мраморная облицовка стен, ажурная резьба по черному кедру, каменные барельефы с цитатами из Корана, выполненными самой замысловатой вязью, сталактитовая лепка из гипса, игра белого, черного, розового, серого и золотистого цветов. «Здесь многое реставрировано, включая надписи», — говорит Трики. Поднимаемся по лестнице и осматриваем небольшие комнаты для студентов. На дверях комнат — окошки с резными деревянными решетками. Над дверьми — барельефы из узорчатого камня, причем ни один не повторяется.

Впечатление от архитектуры и внутренней отделки медресе запоминается. «Оно, как считают, было заложено меринидским султаном Абу аль-Хасаном в XIV в. Но на самом деле его выстроил двумя веками позже султан Мулай Абдаллах аль-Галиб из Саадийской династии, — сообщает нам наш гид. — А теперь мы отправимся к самому древнему памятнику в Марракеше, единственному уцелевшему здесь с XI в., со времен Юсуфа ибн Ташфина». И он легко сбегает по лестнице, увлекая нас за собой.

Совсем недалеко от площади Сиди Бен Юсеф ведутся археологические раскопки. Мы спускаемся в зону раскопок, на несколько метров вниз по деревянной лестнице. Смотрим снизу на вздымающийся над нами гигантский павильон бело-оранжевого камня с двухъярусным куполом и многолопастными аркадами различной формы. «Это кубба (купол) Альморавидов, в которой вполне выдержан так называемый испано-мавританский стиль, — считает Трики, — выработанный под влиянием искусства не только кордовских, но еще и сирийских Омейядов. Здесь нет сталактитов, как у поздних андалусцев, но резьба по камню искусная. Однако мы в Марракеше считаем, что это не чисто андалусская архитектура, а смесь ее с влиянием традиций Сахары, откуда и пришли Альморавиды. Возможно, что куббу, служившую залом для омовений при мечети, строил все же не Юсуф ибн Ташфин, а его сын Али».

Поднявшись из зоны раскопок, мы снова, с иного ракурса, оцениваем какое-то неуловимое изящество этого двухъярусного купола, украшающих его аркад

и геометрически четких зубцов внешнего фриза. Любопытно все же, что кубба Альморавидов устояла, несмотря на почти тысячу лет непрерывных войн, осад, набегов, пожаров и разорений. Так и стоит она молчаливым свидетелем истории города, символом его памяти о себе.

Снова проделав немалый путь по закоулкам медины, останавливаемся у ворот с табличкой «Библиотека Бен Юсеф». Как обычно в Марракеше, через длинный вход с аркадой попадаем во внутренний двор и буквально замираем от изумления. Роскошь двора неопишима: мраморные колонны какого-то эклектического, смешанного андалусско-древнегреческого стиля прячутся в зелени и золотистых плодах апельсинового сада, резьба по кедру многочисленных дверей усложнена и асимметрична, украшения стен варьируют самые разные типы мозаик, орнаментов, декоративных надписей (или псевдонадписей) самой изощренной вязью, всех мыслимых сочетаний цветов. Как и во всех дворцах Марракеша, здесь доминирует андалусский стиль, но какой-то утяжеленный, «загрязненный» эклектикой и, пожалуй, недостаточным вкусом. «Это — бывший дворец аль-Глави, — объявляет, весело щурясь, Трики. — Теперь он превращен в библиотеку, а также используется как выставочный зал. Из довольно богатой библиотеки самого паши основная часть фондов передана в Рабат. Но и у нас кое-что сохранилось». С этими словами он приглашает нас в книгохранилище.

Как выясняется, оставшийся фонд книг и манускриптов не только сохранился, но и пополнился за последние 30 лет. Нам показывают, в частности, рукопись Корана времен последнего альмохадского халифа Муртады (XIII в.), выполненную андалусским писцом на бумаге «шатиба», делавшейся в городе Хатива (область Валенсия) на специальной фабрике. Мы смотрим на четкие, словно напечатанные, темные буквы, мастерски выведенные искусным каллиграфом на розовом фоне «шатибы», уже изрядно обветшавшей по краям. «А вы знаете, — говорит Трики, — что сын халифа Муртады, уже не имевший власти отца, поселился в горах Высокого Атласа и зарабатывал на жизнь каллиграфией?». Нам показали и другие древние рукописи, в частности, одну, религиозного содержания, составленную в Малаге в 1203 г., а

также посвященную математике и написанную в Севилье тоже в начале XIII в. Севильская рукопись была особенно ветха. «Здесь есть и другие рукописи, столь же ценные,— сказал нам Трики.— Они все взяты на учет ЮНЕСКО и подлежат особому хранению. Таков, например, хранящийся у нас куфический текст IV в. хиджры».

Рукописи произвели впечатление не только на иностранцев, но и на марокканцев. «Я был в Марракеше, наверное, раз сто,— говорил мне участвовавший в экскурсии профессор географии Рабатского университета Мустафа Айяд.— И подобно зарубежным туристам, ходил на сук Джамаа аль-Фна, осматривал дворцы и прочие достопримечательности. Но то, что мы увидели сегодня, настоящее открытие». Еще более недвусмысленно высказался профессор Лионского университета Даниэль Ривэ: «Таких рукописей нигде нет, даже во Франции в Лувре или в Британском музее Лондона. Марокканцы в Марракеше обладают подлинным культурным богатством. Этим рукописям нет цены».

Уезжая из Марракеша, я вспоминал эти слова. Думалось, что они относятся не только к показанным нам рукописям, но ко всему увиденному и услышанному в этом неповторимом, почти сказочном городе.

Эль-Джадида и Сале

Рассказ о поездке в Марокко хотелось бы закончить изложением впечатлений от двух старинных городов этой страны, в которых раньше мне бывать не довелось или почти не довелось (нельзя же считать визитом объезд части города за 15—20 минут). Оба эти города как бы принадлежат другой эпохе — эпохе фактически многовековой войны между Марокко и наседавшими на него с севера иберийскими католическими королевствами. Причем если первый город — памятник долгого колониального господства Португалии, то второй — символ сопротивления попыткам вывести реконкисту за пределы Иберийского полуострова, более того — оплот мщения за реконкисту.

...Эль-Джадида намного дальше от Касабланки, чем Рабат. Расстояние между ними примерно 100 километров. Где-то на полпути дорога отступает от

океана, а справа, вдали, у самого берега, видны белые башенки, минареты мечетей и плосковерхие дома, окруженные толстыми стенами из красно-коричневого камня. Это — Аземмур. «Это был важный оплот португальского наступления на Марокко,— говорит Антониу Диаш Фаринья.— Оно началось после захвата королем Жуаном в 1415 г. Сеуты, где возникла первая из португальских пограничных крепостей — „фронтейраш“ — в Марокко. Затем были взяты в 1471 г. Арсила и Танжер (последним Португалия владела почти 200 лет), а еще через четыре года — Аземмур. Но здесь португальцы пробыли сравнительно недолго и вынуждены были его оставить уже в 1542 г. Еще раньше, в 1468 г., была захвачена Анфа, которую португальцы окончательно разрушили в 1515 г., но потом заложили здесь в 1575 г. крепость и назвали ее Каза Бранка. Испанцами впоследствии она была переименована в Касабланку. Но это случилось позже, после ухода из нее португальцев в 1757 г.»

Оглядываясь на остающийся позади Аземмур, невольно думаешь: как быстро летит время! Этот город всего 71 год был португальским, его давно населяют марокканцы, сам он называется по-берберски (земмур — одно из крупнейших берберских племен в стране), но история живет в его камнях, крепостных стенах, в дошедших до наших дней свидетельствах очевидцев. Это памятник одновременно настойчивости марокканцев в освободительной борьбе и их интенсивных контактов с иберийскими пришельцами, с которыми они не только воевали, но и торговали, обменивались опытом, навыками, наемниками, кое-что друг у друга заимствуя и многому учась. А сейчас мы едем в порт Эль-Джадиду — самый крупный и наиболее долго существовавший из «фронтейраш».

Сам порт, с глубоко вдающимся в океан молем, виден издалека. Подъезжая к нему, мы как бы погружаемся в специфическую атмосферу колониальных времен средневековья. Тем более что эти времена вовсе еще не миновали; по французскому радио в это время передают сообщения о стычках марокканцев с испанской полицией в «городах-колониях», то есть в Сеуте и Мелилье, которые Марокко считает своими, хотя они до сих пор принадлежат Испании.

По просьбе марокканцев Фаринья берет микрофон и с увлечением рассказывает всем сидящим в автобу-

се: «Это был небольшой берберский порт Мазаган, который португальцы захватили в 1514 г. при наиболее слабом государе из династии Ваттасидов Мухаммеде II. Этот султан мальчиком и подростком находился в качестве заложника при дворе португальских королей, за что марокканцы и прозвали его аль-Буртукали — „португалец“. В его царствование продолжались начавшиеся еще раньше смуты и страна фактически распалась на самостоятельные княжества, управляемые вождями берберских племен, различными мелкими эмирами и главами братств марабутов. Все это и позволило португальцам без особых трудностей овладеть не только Мазаганом, но также Агадиром (который они называли Санта Круш де Агер), Сафи, Могадором и фактически всем атлантическим побережьем Марокко. В 1515 г. они даже временно оккупировали Марракеш. Непрерывная война настолько разорила этот ранее цветущий край, что, по свидетельству Льва Африканского, неурожай и голод стали постоянным явлением. При короле доне Мануэле бывали случаи, когда некоторые жители области Дуккала близ Марракеша сами соглашались ехать в Португалию в качестве рабов только ради того, чтобы избежать голодной смерти».

Слушая Фаринью, мы въезжаем в Эль-Джадиду. Ныне это центр одноименной провинции и рыболовецкий порт, известный также своими промышленными предприятиями по обработке дерева, производству консервов, текстильных товаров, переработке сельскохозяйственного сырья. «Здесь еще в 1980 г. было около 100 тысяч жителей,— говорит Фадлуллах.— Сейчас их, конечно, намного больше, так как наплыв в города бывших крестьян продолжается. Кстати, это создает некоторую отчужденность коренных горожан и от новых соседей, и вообще от жителей деревень. А у вас как?» Последний вопрос обращен ко мне, и хочешь не хочешь, а отвечать надо. Я говорю, что у нас, конечно, вообще-то бывают отдельные случаи, но обобщать их не стоит. Фадлуллах посмеивается: «У вас — как везде. Это ведь глобальный процесс, который невозможно затормозить». На мои слабые попытки возразить он отвечает уже вполне серьезно: «На земле много чего делается неразумного. Но разве человек в состоянии этому помешать?»

Медленно едем по городу мимо выстроенного в

мавританском стиле муниципалитета с портретом короля на фасаде, мимо пальм вдоль прямой и длинной улицы Арабской лиги, вдоль ресторанов, магазинов, богатых вилл и новых домов в 3—4 этажа. Мелькают помещение правящей партии Конституционный союз, за ним — реклама французской автофирмы «Рено», здание местного театра. На главной площади — вывески Торгового банка Марокко и американской бензоколонки «Мобил ойл». Всюду рекламы японской фирмы «Тосиба», а также международных компаний «Томсон» и «Филипс». Марокканцы предпочитают продукцию последней (телевизоры, холодильники, газовые плиты и прочее электронное и электротехническое оборудование). Они говорят, что «„Филипс“ надежнее». Но, очевидно, не всем здесь приходится выбирать между «Филипсом», «Томсоном» и прочими интергигантами в производстве бытовой техники. В частности, прямо по фасаду новенькой двухэтажки весьма привлекательного вида развешано белье для сушки. Расположенная поблизости белая кубба (мавзолей) марабута позволяет сделать вывод, что проживает здесь народ в основном простой, глубоко верующий и вряд ли имеющий лишние деньги.

Проезжая по улицам Мулая Абд аль-Хафида, Бандунга, Мучеников и т. д., делаем ряд коротких остановок. Выехав с площади Хансали, мы не спеша передвигаемся вдоль стен старой португальской крепости. Они — исключительно мощные, многометровой толщины, серовато-песочного цвета, отливающие желтизной на солнце, а у самой воды приобретают коричневатый оттенок.

Все это время Фаринья не перестает рассказывать: «Вообще-то история города началась за два тысячелетия до прихода сюда португальцев. В V в. до н. э. это место называлось Русибис и несколько раз было упомянуто в рассказе знаменитого карфагенского мореплавателя Ганнона. Финикийские моряки, основавшие этот порт, использовали его для путешествий в южные моря и вокруг Африки. В дальнейшем, после падения Карфагена, о Русибисе ничего не было слышно вплоть до прихода португальцев. А они здесь находились дольше, чем в других местах Марокко, с 1514 до 1769 г., всего — 255 лет! Они создали крепость, которую вы видите и которая до сих пор практически сохранилась, так как не была разрушена:

португальцы ушли отсюда мирно, по договоренности. Но пока они здесь находились, крепость была неприступна. Еще до их ухода местные жители называли крепость Мазагана „эль-бриджа эль-джадида“, т. е. „новая башня“ или „новый форт“. Поэтому, когда марокканцы вернули город, они так и стали его называть, но сокращенно: Эль-Джадида. При французском протекторате город снова стал именоваться Мазаган, но с провозглашением независимости Марокко обрел прежнее название».

Мы слушаем Фаринью, греясь под ласковыми даже в декабре лучами солнца. В Эль-Джадиде великолепный, двухкилометровой длины пляж и здесь всегда, если верить путеводителям, «умеренная температура». Ныне город является одним из центров иностранного туризма в Марокко. «А что еще, кроме крепости и порта, осталось здесь после португальцев?» — спрашиваю я Фаринью. Он оживляется: «Есть еще знаменитое водохранилище под землей. Оно было создано во время одной из осад крепости марокканцами. Португальские инженеры на месте бывшего оружейного склада соорудили глубокий квадратный склеп, со стороной, равной 33 метрам». Мы осмотрели этот огромный бассейн, и ныне наполненный водой, напоминающий гигантский зал огромного храма, своды которого поддерживаются массивными колоннами. Солнечный свет, проникающий откуда-то сверху, освещает глубокую неподвижную толщу воды зеленоватого цвета, где великолепно отражаются колонны и потолок склепа. «Говорят, что этот склеп слишком хорош, чтобы не хранить никакой тайны», — улыбается Фаринья.

Приобщившись к эпохе португальской колонизации, я с не меньшим интересом, чем Эль-Джадиду, осматривал город Сале — один из немногих оплотов сопротивления португальцам, сумевший не попасть под власть Лиссабона и тем самым сохранить для страны выход к морю. «Рабат и Сале, — писали в 1973 г. французские авторы Анри Гуго и Колетт Гувьон, — то сообщники, то соперники на берегах Бу-Регрега, отныне слившись воедино, являются запечатленной в камне памятью Марокко». Как и многие другие старинные гавани атлантического побережья, устье Бу-Регрега было освоено еще финикийцами. Моряки Тира и Карфагена высаживались здесь, о

чем повествуют все рассказы об античных путешественниках. Затем здесь расположилась древнеримская колония Сала (так же римляне называли и реку Бу-Регрег), о которой выше уже шла речь. После ухода римлян колония была примерно на тысячу лет захвачена берберами племени бергвата, которые после прихода арабов оказали им, пожалуй, самое упорное сопротивление. Оно длилось вплоть до XI в., когда Альморавиды воздвигли на левом берегу укрепленный монастырь (как сказали бы христиане), или лагерь воинствующих марабутов (рибат). В XII в. альмохадский халиф Абд аль-Мумин назвал его Рибат аль-Фатх («лагерь победы»), используя как крепость для борьбы с непокорными берберами. В конце концов он их победил и подчинил. Но даже он предпочитал более старый и, очевидно, казавшийся более надежным Сале на правом берегу Бу-Регрега. Именно в Сале Абд аль-Мумин принимал покорившихся ему эмиров Андалусии. Только его знаменитый внук Якуб аль-Мансур, воин и архитектор, философ и правитель, сделал Рибат своей столицей. Но после его смерти Рибат снова потерял свое значение. А Сале его сохранял. Как пишут А. Гуго и К. Гувьон, «в XII в. это был город, в котором возвели мечеть», а в XIV в. здесь были выстроены медресе, рынки, «хорошо защищенный порт, принимавший генуэзские, венецианские, английские и фламандские корабли».

Практически Сале и Рибат слились в один город. Они совместно контролировали устье Бу-Регрега, в одинаковой мере почитали возведенные в Шелле гробницы султанов из династии Меринидов. Впоследствии здесь же стали хоронить марабутов, особенно прославившихся своей святостью. Сале стал преимущественно городом купцов и моряков, поскольку он оставался одним из немногих атлантических портов, свободных от португальцев. Но в еще большей степени он стал городом марабутов, возглавивших борьбу против захватчиков.

В начале XVII в. Сале наводнили мориски, изгнанные из Испании,— андалусские мавры, ранее насильно обращенные в христианство и с тех пор подвергавшиеся постоянным преследованиям. Их было несколько тысяч, «богатых, беззастенчивых, драчливых», как отмечают источники (очевидно, только такие и могли выжить в ходе эвакуации морем, во

время которой их грабили, обманывали, убивали как христиане, так и мусульмане). Вначале верхушка Сале изгнала их на другой берег, в Рабат, который они быстро подчинили и назвали его «Новый Сале» (Сля аль-Джадид). Оба города фактически образовали двуединую «пиратскую республику» Бу-Регрег, главным занятием которой было корсарство и нападения прежде всего на побережье Испании и Португалии, а также других европейских государств. Согласно старинным хроникам, только в 1620—1630 гг. они захватили более тысячи христианских кораблей, а как-то за один день превратили в рабов 200 жителей Плимута, в то время как около 3000 европейских пленников уже томилось в подвалах и тюрьмах Сале. Купцы Сале наживались на работорговле, на получении выкупов за пленников и на распродаже захваченных товаров. Ежегодно они сами выбирали себе правителя, который вынужден был считаться с диваном (выборным советом). Подчинившись формально султану к концу XVII в., а фактически лишь к началу XVIII в. (при знаменитом Мулае Исмаиле), они продолжали заниматься пиратством, в отместку христианам за утрату родной Андалусии. Лишь обмеление Бу-Регрега, отделившего главные ворота Сале — выстроенные в 1260 г. Баб Мриса — от океана песчаными наносами (ныне кое-где уже зазеленевшими и превратившимися чуть ли не в пастбища), прекратило к началу XIX в. воинственную активность корсаров Сале. В XX в. город окончательно становится продолжением Рабата, ставшего одной из резиденций монарха, а затем официальной столицей. Но остались песни о корсарах и кораблях, полных золота: они напоминают уроженцам Сале об их лихих предках, о былой славе города.

Если смотреть на Сале с левого, рабатского берега реки Бу-Регрег, широкой, мутной, частично заболоченной или пересеченной отмелями, то он похож на Аземмур: башни и минареты над красновато-коричневатой крепостной стеной, традиционная белизна домов. Теперь немного о Сале. Прошли времена, когда Робинзон Крузо, герой романа Даниэля Дефо, больше всего боялся попасть в руки корсаров Сале. Ныне Сале прежде всего торгует. Негоцианты, коммерсанты, купцы, посредники, оптовики, различные торговцы, мелкие предприниматели, занятые скупкой и сбы-

том розничных изделий ремесла — таков на первый взгляд разномасштабный и разновозрастный пестрый люд Сале, не утративший еще до конца средневековой живописности одежды и сдержанного достоинства несколько устаревшей манеры обращения. Узкие улочки полны магазинчиков, кафе, закусовых, мастерских по ремонту и различным услугам.

Однако далеко не все здесь торгуют. Многие, например, молятся, причем не только в Великой мечети, выстроенной в XI в. и перестроенной в XII вблизи от медресе, возведенного меринидским султаном Абу аль-Хасаном в XIV в., но и у себя в лавке, мастерской, ателье или дома. Другие — работают. Здесь множество ковроделов, гончаров, столяров, плотников, каменщиков, граверов. Имеются и различные предприятия, в основном пищевой промышленности, а также по ремонту бытовой техники.

Треугольная площадь Сук аль-Кебир («большого рынка») в центре Сале частично представляет собой крытый базар. Торговые ряды по-прежнему производят впечатление уголка мусульманского средневековья: с навесов живописно свисают ткани, платья, гроздь соломенных шляп и плетеных корзин, кожаных сумок и прочего ходкого «ширпотреба». В уголках извилистых переулков иногда тихо шумит бойкая барахолка. И хотя народу тут явно меньше, чем в Рабате (официально в начале 80-х годов в столице было около 600, а в Сале — около 300 тысяч жителей), все же чувствуется, что старинные кварталы города, к которым с юга и востока примыкают новые районы в стиле модерн, мало приспособлены для такого количества людей. Еще меньше они годятся для непрерывно снующих автомобилей, мопедов и прочих видов транспорта, еле-еле разъезжающихся в узких проулках Сале.

Современная жизнь города отмечена памятью о его прошлом. Ежегодно в Сале проводится праздник святого покровителя лодочников города Сале Сиди Абдаллаха Бен Хассуна, мавзолей которого расположен недалеко от Великой мечети. Мавзолей другого марабута — Сиди Бен Амира — окружен большим кладбищем моряков. И хотя Сале давно уже не порт (зато недавно стал железнодорожной станцией на линии Касабланка—Мекнес), его жители изо всех сил стараются, чтобы хоть что-то осталось у них от бы-

лых профессий дедов и прадедов. Несмотря на наличие моста Мулая Хасана между Рабатом и Сале, Бу-Регрег, особенно в хорошую погоду, пересекают многоместные лодки под белыми тентами. Они перевозят обычно туристов — любителей острых ощущений, ибо плавать ныне по Бу-Регрегу не очень-то просто.

И, конечно, Сале, как и Рабат,— это один из экзотических городов Марокко, наиболее привлекающих туристов. Иностранцу тут есть что показать: и Великую мечеть, и ворота Баб Мриса, и остатки завий (марабутских обитателей) XIV века, но особенно медресе Абу аль-Хасана. Virtuозность декоративной резьбы, украшающей портал и интерьер этого здания, возведенного шесть с половиной веков назад, превосходит самую смелую фантазию. Здесь не просто замысловатый и сложный орнамент, игра красок и филигранность исполнения. Здесь — удивительное и неожиданное сочетание разных типов узоров, барельефов, вариантов надписей арабской вязью. Медресе Абу аль-Хасана — не самый выдающийся памятник арабо-мавританской архитектуры в Марокко. Но это великолепное произведение средневекового искусства Магриба имеет непреходящее значение: оно свидетельствует о том, что творческий потенциал марокканского народа не ослабевал даже в самые напряженные годы военной борьбы.

Глава 3

ИФРИКИЙЯ СЕГОДНЯ

Почему Тунис назван здесь Ифрикийей, станет ясно из дальнейшего. Если бросить ретроспективный взгляд во «тьму веков» Магриба, то мы увидим, что этот уголок земного шара всегда был для Европы как бы символом Африки. Так было во времена Карфагена, противостоявшего Риму, и так было в римскую эпоху, когда то, что ныне составляет Тунис, именовалось провинцией Африка. Впоследствии это представление о восточном Магрибе заимствовали и приемники римлян, в том числе и арабы. Да и в наши дни особое положение этой страны в Магрибе и вообще в арабском мире, ее более высокая, чем во многих других странах Африки, политическая культура

и относительная социальная стабильность заставляют с особым вниманием вглядываться в прошлое Туниса — Ифрикийи, в котором можно найти ответы на многие вопросы, задаваемые сегодня.

Благоухающая невеста Магриба

В ноябре—декабре 1987 г. я оказался в Тунисе в качестве лектора Союза советских обществ дружбы. Было весьма любопытно взглянуть, как изменилась страна за четверть века (первый раз мне удалось побывать здесь в январе 1962 г.). Тем более что незадолго до моего приезда в Тунисе свершилось, казалось, невозможное: в ночь на 7 ноября был отстранен от власти 84-летний Хабиб Бургиба, правивший почти 32 года и носивший титул «Верховного борца», а с 1975 г. — пожизненного президента Туниса (ранее он четырежды переизбирался на пост главы государства).

С первых же минут пребывания на тунисской земле друзья, знакомые и впервые встретившиеся собеседники, соотечественники и местные жители обрушили на меня поток информации: «Теперь у тунисцев 7 ноября — тоже праздник. Они так и говорят, что будто бы специально приурочили его к годовщине русской революции и решили начать свою перестройку, покончив с прежним застоем. Новому президенту Зин аль-Абидин Бен Али 51 год. Он — бывший генерал армии, учился в военных заведениях Франции и США, но еще раньше получил специальность инженера по электронной технике. Перед переворотом он около месяца был премьер-министром, а до этого занимал пост министра внутренних дел. Когда все это произошло, Бургиба сказал, что он якобы знал, что Бен Али это сделает».

Рассказывали о встречах нового руководства с лидерами оппозиционных политических партий, об употреблении термина «тунисская весна» (позднее события 7 ноября 1987 г. стали называть также «революцией жасминов»). Вместе с тем подчеркивалась и определенная преемственность, в частности, выразившаяся в осуждении исламских фундаменталистов, приговоры которым были смягчены, но не отменены.

Говорили тогда и о Декларации 7 ноября, с кото-

рой выступил новый президент, высказавшийся против пожизненного срока пребывания на посту главы государства и против «автоматического наследования» этого поста, за «многопартийность» и «плюрализм». Одним из первых актов Зин аль-Абидина Бен Али были специальные меры в пользу молодежи, «страдающей от насилий, преступности, кризиса доверия, сомнений в прежних идеалах, замедления экономического развития и безработицы». Естественно, всеми эти меры одобрялись, ибо молодежь в Тунисе — большинство взрослого населения. От ее позиции многое зависит, в том числе успех нового руководства и выдвинутого им курса. Повторяли слова одного из тунисских политических деятелей о том, что Бен Али хочет, чтобы Тунис не только переживал бы события, но и сам бы их создавал.

Тунисцы особое внимание обращали на то, что дипломатия их страны «будет отныне более активной и открытой и в рамках Магриба, и в арабском, и в африканском мире», в качестве примера приводя уже состоявшиеся визиты к Бен Али личного представителя короля Марокко и министра информации Мавритании, а также поездку в Алжир нового премьер-министра Туниса Хеди Баккуша. Обо всем этом сообщалось радостно, но как-то сдержанно, по-деловому. Я еще в Москве заметил при встрече с тунисской делегацией, прибывшей на празднование Недели Туниса, что тунисцы очень гордятся разумностью, продуманностью того, что произошло. «Ведь Бургиба уже не мог управлять. Он все забывал», — говорила возглавлявшая делегацию Джавид Акрут. Примерно то же услышал я и в Тунисе с некоторыми добавлениями, касавшимися ближайшего окружения престарелого экс-президента.

Главным же считали быстроту и четкость прошедшей без эксцессов «спокойной революции».

Я смотрел на город, начинавшийся прямо у аэропорта (а в 1962 г. до него надо было ехать километров двенадцать), на обилие плосковерхих двух-трехэтажных домов белой и светло-коричневой окраски, на пыльные улицы предместья, несколько напоминавшего по виду Хусейн-Дей, пригород алжирской столицы. Конечно, в чем-то города Магриба похожи, что обусловлено естественными причинами — сходством природы, климата, строительного материала, художе-

ственных вкусов, а также влиянием приемов и наследия французских архитекторов, разработавших специально для Магриба псевдомавританский «колониальный» стиль. Но сходство не только в этом. Оно — в тонком чутье ландшафта, которое демонстрировали на североафриканской земле зодчие разных веков, наций и религий, в умении использовать изумительное сочетание белой облицовки домов с бирюзой почти всегда чистого неба, синевой морской воды и зеленью садов, парков и живых изгородей.

Город Тунис как древний финикийский, а потом римский поселок Тунет был известен задолго до нашей эры. Но его подъем начался лишь после разрушения арабами на рубеже VII—VIII вв. соседнего Карфагена. Постепенно старый Тунет превратился в цветущий город, раскинувшийся амфитеатром по западному берегу Тунисского озера. Наиболее старинная из известных здесь построек — мечеть Зитуна («Олива»), выстроенная в 732 г. и впоследствии ставшая базой одного из первых созданных арабами в Магрибе мусульманских университетов. В дальнейшем обилие дворцов, мечетей, медресе, мавзолеев сделали Тунис одним из наиболее красивых городов всего Арабского Запада, особенно начиная с XII в., когда он стал столицей обширной империи Хафсидов, привлечших в город множество мавров из Андалусии. Во многом благодаря усилиям этих искусных ремесленников, строителей, торговцев, садоводов и мореходов город прославился по всему Средиземноморью и получил из-за белизны своих домов, напоминающей свадебное покрывало, пахучей и густой зелени садов и парков звучное название — «благоухающая невеста Магриба».

С тех пор прошло много веков. Город неоднократно брали штурмом бедуины, испанцы, турки, алжирцы. Многие из того, что его украшало, погибло безвозвратно. Современные европейские кварталы, возведенные в период французского протектората, несколько затмили былой блеск арабо-мавританской архитектуры, к тому времени тем более изрядно потускневшей. И все же и сейчас Тунис сохраняет свое особое лицо, свою неповторимость. Он практически сомкнулся со своими предместьями, прежде всего с расположенным на противоположном берегу Тунисского озера аванпортом Хальк аль-Уэд (бывшая Ла

Гулетта), соединенным с портом собственно столицы судоходным каналом, прорытым в конце прошлого века, и параллельно ему идущей 10-километровой дамбой, по которой проложены железная дорога и широкая автострада. Западные кварталы Хальк аль-Уэда, как и некоторые другие пригороды тунисской столицы, выходят на Тунисское озеро, а восточные — к Тунисскому заливу, глубоко вдающейся в африканский материк части Средиземного моря. Тунисское озеро теперь частично осушено, и на его еще не покрывшемся по-настоящему травой бывшем дне уже пасутся кое-где коровы.

Пригороды тунисской столицы придают ей неповторимое очарование. И в каждом из них есть что-то свое, дополняющее облик и столицы и страны в целом. О Карфагене с его руинами, как и о прочем античном наследии Туниса, далее пойдет особый разговор. Но и другие пригороды заслуживают внимания. Это, в частности, типично курортная Ла Марса, с ее роскошными пляжами, богатыми виллами и знаменитым кафе Сафсаф, во внутреннем дворике которого верблюды с зашоренными глазами все ходит и ходит вокруг украшенного мозаикой древнего колодца, демонстрируя старинный метод доставки воды. Когда-то в древности здесь располагалось селение Мегара, постепенно ставшее зеленым предместьем Карфагена. Арабы называли это место Марсат ар-Рум («гавань христиан»), откуда и пошло нынешнее название. Это была одна из загородных резиденций тунисских беев, где в 1883 г. состоялось подписание конвенции, юридически закреплявшей протекторат Франции над Тунисом. Здесь же — дворец, в котором находился Бургиба в ночь на 7 ноября 1987 г., когда узнал о своем смещении. Теперь в Ла Марсе многие виллы принадлежат иностранным посольствам, а многочисленных вывесок и реклам больше всего на французском языке, меньше — на итальянском и немецком, еще меньше — на английском. Как нам сказали, здесь же расположились многие представители арабских стран, поскольку после египетско-израильского договора 1979 г. Лига арабских государств со всеми своими службами переместилась в Тунис (в марте 1990 г. Совет лиги решил вернуться в Каир). В связи с переездом в Тунис штаба Организации освобождения Палестины после 1982 г. Ла Марса стала также, по сло-

вам тунисцев, «почти палестинским городом», где расположились, как острят некоторые западные журналисты, «виллы беженцев»- Очевидно, и то и другое в немалой степени преувеличено. В частности, спецслужбы Израиля, осведомленные о местонахождении палестинцев в Тунисе, организовывали налеты с моря и с воздуха совсем на другие пригороды Туниса.

Сиди-Бу-Саид является, пожалуй, наиболее известным за пределами страны селением в окрестностях столицы. Расположенная между Карфагеном и Ла Марсой на гигантской скале 140-метровой высоты, деревня названа в честь андалусского марабута Сиди Абу Саида аль-Баджи (1156—1230), мистика, мореплавателя и основателя религиозного братства, которое прославилось организацией музыкально-театрализованных мистерий с участием мужского и женского хоров. Безукоризненно белые стены домов, вымощенные булыжником мостовые, лестницы и пандусы, различных оттенков синевы двери, окна и решетки на них, изощренные орнаменты ворот, порталов и надвходных арок, искусные арабески, украшающие навесы, колонны и резные деревянные балконы, выкованные из железа узоры, встречающиеся то тут, то там, дают полное представление об изысканном вкусе и высоком искусстве андалусских мастеров. Обращает на себя внимание разнообразие форм решеток и наличников, сочетаний бело-синих фасадов с зеленью пальм и бугенвилей, реже — с черным и красным цветом деревянных ставней или пестротой коричнево-бежевых ковров.

В Сиди-Бу-Саиде со времен основателя селения (прах его покоится тут же, в белокупольном мавзолее) еженедельно происходят собрания верующих, собираются поклонники суфийского мистицизма. Все это привлекает сюда кинематографистов, писателей, поэтов, художников и скульпторов. Лучшей смотровой площадкой здесь является терраса мавританского кафе с великолепным видом на Тунисский залив и президентский дворец в Карфагене. Выхода непосредственно к морю Сиди-Бу-Саид не имеет: он отделен от него крутым лесистым обрывом. Лишь в одном месте можно спуститься к купальням по не очень удобной и весьма длинной лестнице. Предполагается в будущем доставлять туристов в Сиди-Бу-Саид морем. Но это потребует, очевидно, большого строитель-

ства. Пока что пассажирский порт здесь небольшой и заполнен главным образом частными яхтами, мотоботами и моторными лодками.

Откровенно говоря, и Ла Марсу, и Сиди-Бу-Саид, и еще более далекое от столицы предместье Гаммарт, известное своим пляжем, а также французским кладбищем, я осматривал очень бегло. Свидание с «благоухающей невестой Магриба» на этот раз было насыщено прежде всего деловыми беседами. Одной из первых была встреча с Рашидом Дрисом, генеральным секретарем Ассоциации международных исследований (АМИ).

Основанная в ноябре 1980 г. при министерстве иностранных дел (ее помещение и сейчас находится в одном из зданий МИД Туниса на улице Ирана, рядом с улицами Ирака, Ливии и Сирии), АМИ в 1986 г. получила статус неправительственной организации при департаменте информации ООН. Высокий, седящий, очень деловой Рашид Дрис говорил быстро и четко: «Наша ассоциация занимается организацией семинаров, конгрессов и конференций. За истекшие семь лет произошло примерно по пять таких встреч ежегодно. В ассоциацию входят специалисты по международному праву — ученые, дипломаты, преподаватели и журналисты. Они участвуют в работе различных международных форумов как в Тунисе, так и за его пределами. Ассоциация считает своим долгом поощрять и публиковать исследования, посвященные международным отношениям. Мы уже опубликовали пять больших работ — „Арабский Магриб, опыт и попытки создания“ (1984 г.), „Океаническое предприятие“ (1984 г. — арабское издание, 1985-й — французское), „Пути сотрудничества на морях“ (1986 г. — французское и арабское издания). Объем этих работ самый различный — от 85 страниц в первой до 448 страниц в последней. Кроме того, мы издаем с 1981 г. ежеквартальный журнал „Международные исследования“. АМИ также выполняет заказы различных ведомств и организаций, участвует в выставках, в частности в ежегодной книжной ярмарке в Тунисе. Уже более года при АМИ функционирует специализированная библиотека, позволяющая исследователям пользоваться необходимыми документами. Мы получаем постоянную поддержку со стороны правительства. Подписка на наш журнал растет, в том числе

за рубежом. АМИ пользуется уважением со стороны ООН, ЮНЕСКО, Лиги арабских государств, ФАО и ряда других международных организаций».

Рашид Дрис подарил мне 23-й номер журнала «Международные исследования» за 1987 г. Он содержал одновременно тексты на арабском и французском языках, причем в основном не идентичные. Но некоторые статьи давались параллельно на двух языках, в частности — помещенные в этом номере обе статьи Дриса «Настанет ли конец войне Ирака с Ираном» (напоминаю, статья писалась в июне 1987 г.) и «Африка и палестинская проблема». Среди авторов — ученые из Туниса, Алжира, Франции, Испании, США, Бразилии, Индии, Индонезии, Швейцарии и даже СССР. Больше всего статей самого Дриса — директора журнала. Посвящены они разным вопросам — оценке деятельности ООН и Организации африканского единства, палестинской проблеме, Делийской декларации шести неприсоединившихся стран, межарабским отношениям, средиземноморскому сотрудничеству, симпозиуму по проблемам Мирового океана, критике апартеида, вопросу о правах человека.

Диапазон интересов Дриса, как видим, весьма широк. Он, кстати, проявил большой интерес к тому, что делается учеными СССР в области изучения средиземноморских проблем, в том числе экономики, политики, культуры, морского права, мира и безопасности в регионе Средиземноморья, и выразил готовность публиковать статьи советских авторов по данной тематике в своем журнале.

На следующий день мы приняли участие в организованном АМИ семинаре «Палестинская проблема и международная законность». Семинар проходил на 21-м этаже нового отеля «Африка», поражавшего своей умопомрачительной роскошью и расположенного на центральном проспекте Хабиба Бургибы (тогда еще не началась кампания переименований, имевшая целью ликвидировать глубоко укоренившийся культ личности свергнутого властителя). Когда мы вошли, выступал носатый старик с седой бородкой и в очках, что-то рассказывавший о борьбе Ирака с англичанами и сионистами. Это был Фадыль Джамали, бывший министром иностранных дел Ирака более 30 лет назад, до иракской революции 1958 г., в период «черно-

го режима» Нури Саида. Я вспомнил, как еще студентом и даже школьником старших классов встречал фамилию Джамали в сообщениях наших газет. И вот теперь я видел живого Джамали, но уже престарелого, с дрожащим голосом и нечетким произношением, давно уже не играющего у себя в стране политической роли и пытающегося теперь, уже в роли историка, взглянуть на те далекие годы глазами ученого. На мой взгляд, это ему не совсем удавалось. Бывший министр, как и многие вынужденные удалиться от дел люди практической складки, никак не мог взглянуть на события 40-летней давности с позиций беспристрастного аналитика. Он просто пересказывал ход событий и не в силах был ответить на вопрос, вынесенный в заголовок его доклада: «Как же это все произошло?» Речь шла о причинах и обстоятельствах возникновения арабо-израильского конфликта.

На семинаре присутствовали как ученые (в том числе арабы, работавшие за рубежом, например профессор Вашингтонского университета Абд аль-Азиз Саид), так и дипломаты. После доклада нашего востоковеда В. И. Киселева, изложившего советскую точку зрения на палестинскую проблему, в дискуссию активно включились профессор Тунисского университета Али Мансур, заместитель генерального секретаря Лиги арабских государств Мухаммед аль-Фарра и один из руководителей ООП Халид аль-Хасан, производивший наиболее внушительное впечатление. Огромного роста и атлетического сложения, с длинными зачесанными назад черными волосами и большими карими глазами, «Абу Саид» (таков боевой псевдоним Халида аль-Хасана) сохранил, несмотря на солидный возраст, металл в голосе, грозный вид и сверлящий собеседника, трудно выносимый пронзительный взгляд. В отличие от других дискутантов, касавшихся второстепенных вопросов, «Абу Саид» стремился обсудить коренные проблемы: о советской политике на Ближнем Востоке, о евреях как этнической общности, о правах арабов Палестины. Из вопросов и выступлений в ходе дискуссии как тунисцев, так и палестинцев выяснилось, при всех различиях высказанных ими точек зрения, следующее: они считают, что СССР после 1947 г. перестал бороться за раздел Палестины в соответствии с решением ООН, что «признание права Израиля на существование являет-

ся американо-сионистской позицией» (на что В. И. Киселев возразил, что надо исходить из «гуманного и реалистического, мирного и невоенного решения», которое диктуется самой обстановкой на Ближнем Востоке, выход из которой невозможен на путях конфронтации). Один из тунисцев в то же время сказал, что гарантии существования будущей независимой Палестины со стороны СССР недостаточно и что палестинцам надо договариваться с США.

Откровенно говоря, мне интереснее всего было узнать точку зрения «Абу Саида», который выступил несколько раз. В частности, он говорил: «Как быть с принципом непризнания захвата земель силой, если СССР стоит за границы 1967 г., то есть на деле признает израильские захваты после 1948 г.? Вы говорите, что вопрос о компенсации палестинцев и возвращении их на родину никогда с повестки дня не снимался. Но для нас неприемлемо предлагаемое Израилем и Западом возвращение в индивидуальном порядке. СССР полагает, что военное равновесие с Америкой будет означать и равновесие в отношениях Израиля с арабами».

После окончания дискуссии мы беседовали с «Абу Саидом», как говорится, в кулуарах. Он высказал целый ряд любопытных суждений, которые интересны как точка зрения наиболее умеренного, даже консервативного крыла Палестинского движения сопротивления. По его мнению, евреи представляют собой не народ («шааб»), а общность или общину (по-арабски «умма»). В то же время в США они постепенно образуют нацию, а вот в Израиле пока что живут разрозненными общинами. «В Израиле,— сказал он,— нет единого языка, фольклора и общей культуры. Даже в армии нет единого языка. Советские евреи там подвергаются дискриминации. Там нет единой нации». К нашему удивлению, на вопрос о том, кем же являются арабы, наш собеседник ответил, что они также скорее общность, чем нация, но что есть разные арабские народы, например, в Египте, Тунисе, Палестине.

Справедливости ради надо признать, что интерес к ближневосточной тематике в Тунисе проявляют не только палестинцы. Тунисцы всегда были достаточно политически активны, в том числе на международной арене. И они, конечно, всегда близко к сердцу принимали, как и все арабы, трагедию арабской Палести-

ны. Но с начала 80-х годов, когда Тунис стал и резиденцией Лиги арабских государств, и местопребыванием руководства ООП, чаяния и стремления арабов Ближнего Востока, в первую очередь палестинских, стали особенно близки тунисцам. Естественно, они сквозь призму ближневосточной проблематики стали воспринимать и другие проблемы и события в мире, чего раньше (например, в 1962 г.) не было. Я убедился в этом во время лекции в Советском культурном центре на улице Либертэ 30 ноября 1987 г.

Лекция была посвящена 70-й годовщине Великой Октябрьской революции и ее влиянию на арабские страны. В ней говорилось прежде всего о том, чем явилась революция для нашей страны и какие именно условия она создала для развития освободительных идей и движений в арабском мире, в том числе в Магрибе. Но аудиторию, довольно разнообразную и в возрастном, и в профессиональном отношении (среди примерно 70 слушателей преобладали студенты и преподаватели, было несколько служащих и торговцев), интересовало другое. Для иллюстрации того, что происходило в зале после лекции, я позволю себе процитировать наиболее типичные вопросы и свои краткие ответы на них. Итак:

1) Почему СССР признал Израиль? Ведь евреи — не нация.— В соответствии с принятой в ноябре 1917 г. Декларацией прав народов России мы выступаем за равноправие всех народов, наций, этнических и религиозных общин.

2) Почему Анвар Садат писал в своих мемуарах, что СССР не дал ему оружия, которое он просил, вследствие чего война 1973 г. была арабами проиграна?— Война 1973 г. не была проиграна. Политически арабы ее выиграли. Но затем не сумели этим воспользоваться ввиду отсутствия единства и «челночной дипломатии» США.

3) Каково положение мусульман в СССР? Правда ли, что их угнетают, как пишет западная пресса? Какова связь их положения с войной в Афганистане? — Связи никакой нет. Мусульмане пользуются, как и прочие религиозные группы, всеми правами, избирают свои органы самоуправления, и никто их не угнетает.

4) Могут ли мусульмане СССР участвовать в качестве добровольцев в вооруженной борьбе арабов

против сионизма?— Нет. Это дало бы повод Западу обвинить нас во вмешательстве во внутренние дела арабов.

5) Почему СССР не развивает туризма и не посылает туристов в арабские страны?— Мы посылаем туристов в арабские страны, но мало. Наша страна дважды разорялась мировыми войнами, и у нас до сих пор много экономических трудностей.

6) Каковым видится вам будущее советско-арабских отношений?— Мы помогали, помогаем и будем помогать арабам в строительстве независимой жизни.

7) Как у вас осуществляется перестройка в исторической науке? Меняются ли оценки политических деятелей, которых, как вы сами признаете, до начала перестройки оценивали неправильно?— Перестройка осуществляется, но медленнее, чем мы рассчитывали. Об этом идут дискуссии. Оценки меняются, и весьма кардинально.

Конечно, тунисцев волнуют и другие проблемы, помимо ближневосточных (включая афганскую, интерес к которой мне показался все же не столь отчетливо выраженным, как в Марокко и Алжире). И они, в частности, помимо традиционного интереса к Франции и Европейскому сообществу, с которым связаны целым рядом соглашений, а также к вопросам единства всего Магриба (тяга к нему за последнее время усилилась), испытывают неподдельный интерес к СССР, особенно в связи с проблемами перестройки политического режима, экономики и общественной психологии, во многом сходными с теми, что имеются у нас.

В тунисских газетах тогда сообщалось, что госсекретарь Туниса по международному сотрудничеству Ахмед Бен Арфа находился в СССР на 2-й сессии смешанной советско-тунисской комиссии по экономическому, техническому, научному и торговому сотрудничеству. Довольно широко освещалась достигнутая на сессии договоренность об участии советских предприятий в строительстве гидротехнического комплекса и трех плотин в Тунисе, о создании рабочей группы по изучению возможности участия советских специалистов в добыче фосфатов на севере Туниса. Позже я прочитал о том, что Тунис предложил создать смешанную советско-тунисскую компанию морского транспорта с целью улучшения торгового обмена,

объем которого значительно возрос в последние годы. Был поставлен вопрос о налаживании в Тунисе сборки советских автомобилей «Нива». Было также подписано соглашение о сотрудничестве в области экономического планирования.

Все сказанное отражает как бы официальную сторону советско-тунисских отношений в конце 1987 г. Но и на неофициальном уровне отношение тунисцев к СССР было достаточно дружественным и искренним.

Сук и медина

Из окна отеля «Дипломат», как будто целиком вырубленного из темного и красного мрамора, на улице Хеди Шакера, видны плоские крыши, желтые стены и выпуклые зеленые решетки, закрывающие окна соседних трех-четырёхэтажных домов. Небо не тунисски сероватое, но солнышко светит и даже греет, что позволяет и в декабре ходить без пальто, правда — под постоянной угрозой попасть под внезапно начинающийся и столь же внезапно прекращающийся дождь. Однако на перилах многих балконов развешаны ковры, явно с целью просушки.

Вооружившись планом города, иду по улицам. Удивительно, но кажется, что абсолютное большинство названий здесь дано по странам и городам. Здесь есть улицы Абу Даби, Австрии, Александрии, Алжира, Аргентины, Афин, Басры, Бельгии, Бенгази, Бейрута, Бизерты, Бразилии, Булони, Каира, Камеруна, Канады, Карфагена, Кельна и т. д. Всего подобных названий в городе — свыше ста, в том числе улицы Москвы и России. Улицы Кении и Анголы пересекают улицу Иерусалима, а улицу Палестины (одну из самых длинных) — улицы Ирака, Мавритании, Либерии, Кувейта, Ливии, Египта, Индии. С площади Палестины выходишь на улицу Мадагаскара. Но не забывают здесь и великих поэтов, писателей, ученых, политиков. Поэтому есть улицы Абу Аттахи и Имруль-Кайса, Ибн Хазма и Ибн Рушда, Ибн Зейдуна и Ибн Халдуна, Бальзака, Бодлера, Лавуазье и Ламартина. Улица Ленина в квартале Баб Бхар проходит параллельно улицам Ганди и Гарибальди, пересекаясь с проспектом Жана Жореса и улицей Кемалья Ататюрка.

Старые крепостные стены отделяют старинный город — медину — от современных кварталов, но сохранились они лишь частично. Зато неплохо, словно законсервировавшись, дожили до наших дней массивные городские ворота — Баб эль-Хадра (Зеленые ворота), Баб Бхар (Морские ворота) или, как их называют европейцы, Порт де Франс («Ворота Франции», иногда именуемые тунисцами по-арабски «Баб Фаранса»), Баб Саадун. Если идти по улице Хеди Шакера к центру, мимо множества лавок, ателье, глухих, без окон, стен невысоких домов неведомого предназначения, то в конце концов упираешься в Баб эль-Хадра. Это две мощные каменные арки, расположенные под углом друг к другу, с небольшим кубом то ли мавзолея, то ли павильона меж ними. Обе арки — с зубчатым верхом и полустертыми следами былой мозаики. Правая — пониже и попроще. Левая — повыше, с уступами по фасаду и четырехгранной башенкой с конусообразным верхом.

Одно из самых больших удовольствий в Тунисе — попасть в старый город и не спеша походить по местному суку — базару. Собственно, их здесь, как и вообще в арабских городах, много, и они специализированы. Улицы так и называются: Сук аль-Леффа («рынок тканей»), продолжающаяся в Сук ас-Сакаджин («сапожный рынок») и примыкающая к Сук аль-Аттарин («рынку парфюмеров»), Сук аль-Бей («бейский рынок»), Сук ан-Нухас («рынок медников»). Есть также Сук аш-Шавашийя («рынок шеший», т. е. традиционных круглых шапочек), Сук ас-Сараджин («рынок седельников, шорников») и др. Говорят, что вся эта структура сформировалась еще в XIII в., при династии Хафсидов, и с тех пор функционирует без особых изменений.

Справедливости ради надо оговориться, что медина тунисской столицы вовсе не представляет собой сплошной сук. В ней есть и жилые районы. Например, во время одной из своих самых долгих прогулок по медине я прошел почти всю длинную улицу Баб аль-Хадра, но встретил по дороге лишь небольшой базарчик сугубо квартального масштаба и одну-две лавочки. Но это — исключение, которое лишь подтверждает правило.

Торговые ряды тунисского сука красочны, пестры, живописны, разнообразны товарами, формами их

предложения и рекламы, одеждой и манерой поведения хозяев. Одни вскакивают и суеются, почуяв потенциального покупателя. Другие (их — большинство) продолжают степенно восседать за прилавком или на стуле у входа в «ханут» (это слово означает и лавку, и магазин, и бюро или своеобразный кабинет торговца, товары которого сбываются рядом или вообще в другом месте). Но стоит вам проявить интерес к товару и от беглого осмотра перейти к вопросам, прицениванию, выяснению происхождения товара, картина тут же меняется. Притворную сонливость или деланное безразличие с хозяина как рукой снимает. Он начинает показывать, рассказывать, убеждать и с упоением торговаться, будучи убежден, что этот процесс покупателю доставляет не меньше удовольствия, чем ему. Но все это вовсе не значит, что, совершив покупку, вы перестаете представлять для торговца какой-либо интерес. Он готов продолжить беседу, может даже предложить вам зеленого чаю с мятой, если в лавке нет других посетителей, а сам хозяин ничем не занят. А уж если вы пришли к нему с кем-либо из его друзей, то он сочтет своим долгом во всем удовлетворить ваше любопытство, ничего при этом не навязывая.

Мы заходим в магазин Мухаммеда Бен Айяда Бен Горбала в сопровождении его знакомых. Владелец демонстрирует нам в нескольких помещениях свои «традиционные товары» (так они именуется на вывеске и на визитной карточке хозяина магазина) — ковры, бурнусы, старинное оружие. Заметив наш интерес ко всему этому, предлагает посетить расположенный недалеко отсюда музей. По дороге проходим мимо мечети Зитуны, чей 44-метровый квадратный в поперечнике минарет возвышается над городом. Его изображения размножены здесь на многих открытках, иллюстрациях книг и журналов. Мечеть, к сожалению, закрыта. Мы вынуждены идти дальше, ограничившись ее осмотром извне. Построенная в 864 г. зодчим Нусайром, Зитуна с тех пор многократно обновлялась и реставрировалась. Особенно известен ее минарет, во многом напоминающий и по форме, и по расцветке, и по декоративным аркам на зубчатых гранях знаменитые андалусские минареты Рабата, Марракеша и Севильи. Кстати, последним архитектором, перестраивавшим Зитуну и украшавшим ее ми-

нарет, был осевший в Тунисе андалусец Сулейман ан-Нигро.

Бен Горбаль приводит нас в другой магазин, к своему другу, а может быть, и родственнику, Мустафе Бен Горбалу. «Нас здесь половина с такой фамилией. Мы все выходцы с острова Джербы», — говорит Мухаммед Бен Горбаль. Мустафа же, оказывается, пять лет учился в Праге и говорит по-чешски, знает отдельные слова по-русски (здесь это редкость, в отличие от Марокко, где мало какой торговец, особенно мелкий, не знает по-русски двух-трех слов). Он ведет достаточно крупномасштабную торговлю, экспортируя за границу ковры, преимущественно кайруанские и ручной работы. Цена их — от 380 до 40—50 тысяч динаров. Среди них есть ковры с типично берберским (геометрическим) узором, возможно, вытканые на Джербе, где еще сохранились берберы. Есть и турецкие ковры, судя по всему, импортные. Наше внимание привлекают также тунисские ковры, но с изображением скарабея (явно египетская традиция!) или растительного орнамента. Прихотливость сочетаний красок (синей, бежевой, коричневой, золотистой, зеленой) невольно заставляет вспомнить об андалусской традиции, легко ассимилировавшей самые разные художественные приемы (вплоть до заимствованных из Сирии, Ирака и Ирана) и отличавшейся прежде всего исключительным многообразием.

Мы осматриваем все три этажа магазина Мустафы Бен Горбала. Он говорит нам, улыбаясь: «Это бывший Дар аль-Бей». Мы переспрашиваем, ибо трудно поверить в то, что мы в бейском дворце XVIII века, в котором ныне расположена, как принято у нас выражаться, «торговая точка». Осматриваясь, убеждаемся — вот остатки росписей, изразцов, вот черно-белая кладка арок и резьба по дереву, упоминаемая в литературе. Жак Рево в своей двухтомной монографии «Дворцы и жилища Туниса» специально отмечает «декоративную роскошь этих помещений» и упоминает расположившуюся здесь еще в XVII в. турецкую корпорацию мастеров вышивки, которая процветала и дала имя близлежащему суку — Сук ат-Трук («Турецкий рынок»). Позже в этом же здании испанские торговцы промышляли сбытом плиток расписного фаянса для мастеров мозаики.

Бен Горбаль ведет нас на крышу. Отсюда изуми-

тельный вид на весь город и минареты его 80 мечетей, прежде всего наиболее знаменитых: Зитуны, Хамудыпаши, Юсуф-бея и марабута XV века Сиди Бен Аруса. «Здесь у бея было место для отдыха,— говорит Бен Горбаль,— или, как мы ее называем, гурфат аннаум („комната сна“). Во второй половине дня солнце уже не палило и здесь гораздо легче дышалось, чем внизу». Мы осматриваем сохранившиеся стены с аркой (но без крыши), низкие перегородки, круглый бассейн, ложе и сиденья. Все это из мрамора, богато декорировано мозаикой с преобладанием голубых, розовых и светло-коричневых тонов. Барельефы из белого стука, звездчатый и цветочный орнамент, асимметрия и некоторый перебор с обилием декора — также чисто андалусская традиция. Когда мы спускаемся вниз, хозяин показывает нам единственный предмет, сохранившийся в доме от бейских времен,— железную кровать, украшенную в изголовье изображением турецкого бунчука (будучи на деле самостоятельны, беи все же формально утверждались султаном в Стамбуле).

Переполненные впечатлениями, мы достигаем наконец цели нашего путешествия — Музея народных ремесел и традиций. Он расположен тоже в старинном дворце Дар Бен Абдаллах, выстроенном в XVIII в. богатым андалусцем Бен Абдаллахом. Им же был основан и музей, ныне стоящий на улице, тоже названной именем Бен Абдаллаха. Прежде всего попадаем в роскошный внутренний дворик — патио. Посредине его — фонтан, по всем четырем сторонам — аркада, над ней — крытая галерея второго этажа. Колонны, арки, стены украшены барельефами, резьбой по гипсу и дереву, узорной кирпичной кладкой, мозаичным декором. В комнатах с тяжелыми резными дверями темного дерева на потолке — украшения из белого гипса. И позолота на коричневом фоне. Среди экспонатов — костюмы из светлой (белой, бежевой, голубой) парчи, а также восковые манекены состоятельного горожанина, солдата, слуги, религиозного деятеля. Тут же комната для чтения с диваном и книжным шкафом, искусно украшенным резьбой и росписью. Нам показывают комнату жениха и комнату невесты, отличия узоров на костюмах маликита и ханифита (последователей разных толков ислама). В следующей комнате — школьный класс с

фигурами учителя с палкой и двух учеников. Кроме комнат нам показали также кухню и баню, дабы мы имели полное представление о бытовом укладе зажиточного тунисца прошлого века.

Выйдя из музея, мы вскоре попали на улицу Трезор, где стояла мало чем примечательная мечеть. Приглядевшись, я прочитал, что она возведена в XIV в. и называется Ишбили (Севильская). Особый рисунок каменного декора, пожалуй, все же придавал ей некоторую оригинальность, как и идеально квадратная форма четырехгранного минарета. Эта мечеть, как и наличие в тунисской медине улицы Андалусцев (остатка бывшего квартала Андалусцев), в северной части города — улицы Ишбилийя (Севилья), а у многих обитателей медины фамилий типа Ишбили, Куртуби («кордовец»), Алаканти («из Аликанте»), Малки («из Малаги»), напоминают о том, что когда-то, в XIII в., город был наводнен андалусскими изгнанниками, главным образом из Кордовы и Севильи (они были взяты кастильцами в 1236 и 1248 гг.), которые заняли во главе с ар-Рамими видное положение при династии Хафсидов. Исследователь андалусского наследия в Тунисе С.-М. Збис указывает на то, что до сих пор в одном из кварталов медины (Баб аль-Джазира) сохранилась гробница их марабута Сиди аль-Андалуси, что кладбище Баб аль-Хадра в свое время называлось кладбищем Андалусцев, что именно здесь похоронен воспетый Рене Шатобрианом «последний из Абенсеражей», то есть представитель знаменитого в Гранаде аристократического рода Ибн Саррадж. На самом деле он вовсе не был последним (кстати, в Тунисе есть улица его имени). Збис также отмечает, что такие предместья столицы (ныне с ней слившиеся), как Рас ад-Дарб, Бардо, Ариана, Мануба, аль-Харайрийя, были полностью заселены либо андалусцами в XIII в., либо их собратьями — морисками в XVII в.

Современный тунисский автор Мухсин Бен Амир назвал свою столицу «идеальным местом сбора кочевников моря». Это подлинно арабское сравнение весьма подходит Тунису. Действительно, с момента возникновения здесь первого известного истории поселения примерно три тысячелетия назад сюда непрерывно устремлялись торговые, военные и прочие корабли и эскадры с запада и востока Средиземного

моря, и благодаря этому здесь непрерывно наслаивались друг на друга, смешивались и образовывали новое качество разные народы, религии, культуры, обычаи. Но в этом калейдоскопе особое место принадлежит андалусцам.

Как известно, андалусские мавры еще в IX в., до начала Реконквисты, охотно селились в Магрибе. Андалусцы, достигшие более высокой степени экономического и культурного развития, являвшиеся носителями рафинированной городской цивилизации, постоянно оказывали влияние на образованную часть ифрикийцев, в том числе на правителей и знать, особенно в XI—XII вв. А с XIII в., после воцарения Хафсидов, влияние андалусцев в Тунисе стало преобладающим. Они составили большинство населения столицы, особенно после массового переселения в нее бывших жителей Севильи. Как отмечал великий философ и историк Ибн Халдун, сам происходивший из семьи обосновавшихся в Тунисе андалусских аристократов, в страну из Андалусии постоянно прибывали многочисленные семьи «достойных поэтов, плодовитых писателей, блестящих ученых, знатных князей, смелых воителей». Но немало было и ремесленников, торговцев и умелых земледельцев.

Новая волна андалусских мавров хлынула в Тунис после изгнания из Испании в 1609—1614 гг. морисков, то есть мавров, ранее насильно обращенных в христианство и во многом уже усвоивших испанскую культуру, язык, имена. В Тунисе их поселилось около 80 тысяч человек, главных образом в столице, на мысе Бон и в долине реки Меджерды. Иногда мориски целиком заселяли тот или иной поселок или городок, но чаще — особые кварталы («хай аль-андалус»). Названия некоторых населенных пунктов до сих пор напоминают о них, например Галаат Эль-Андлес (Замок андалусцев). Крупнейший историк современного Туниса Хасан Хусни Абд аль-Ваххаб указывает на рост благосостояния и культуры севера страны благодаря притоку андалусцев. Другой тунисский историк и социолог андалусского происхождения, Слимман-Мустафа Збис, отмечает влияние андалусцев на одежду, архитектуру жилищ и меню тунисцев.

На севере Туниса и в наши дни можно встретить местных жителей с фамилиями испанского происхождения — Бальма, Шикю, Кристу, Уишка, Карабака,

Миришку и т. п. То же самое относится и к названиям некоторых районов или поселков — Бардо, Муркад, Бига. В ряде ремесел вся терминология заимствована из Испании и таковой остается и сейчас. Вплоть до начала прошлого века андалусцы объединялись в особую общину, избиравшую своих шейхов и судей. В документах о земельной собственности особо указывалась принадлежность того или иного владельца к андалусцам.

Огромный вклад андалусцев в экономику и культурное развитие Туниса, да и в этногенез тунисских арабов, позволяет считать современных тунисцев в значительной степени наследниками андалусской цивилизации. Неудивительно поэтому, что именно в Тунисе проявляется наибольший интерес ко всем проблемам, касающимся андалусцев и морисков. В 70-е годы в стране даже существовал специальный Центр испано-андалусских исследований. Изучение этой проблематики, однако, не стоит на месте. За последние годы историки, археологи, лингвисты и социологи, особенно тунисские и испанские, много сделали для изучения специфики архитектуры, быта, обычаев, повседневной жизни тунисских городов и селений, в свое время выстроенных андалусцами, — Арианы, Бизерты, Джедейды, Громбалии, Загвана, Матера, Меджез аль-Баба, Тебурбы, Тестура, Салимана, Эль-Алии и др. В одном из этих городов — Загване и обосновался ныне Центр османских и мориско-андалусских исследований (ЦОМАИ), для которого здесь возводится новое здание⁴.

Работами многих ученых установлено, что именно османские власти повсюду, особенно в Тунисе и Алжире, оказывали морискам наиболее дружественный прием и во многом содействовали процветанию андалусских общин и поселений в Магрибе. Разумеется, первостепенную роль в этом деле играли военно-стратегические и политические соображения: многие мориски были хорошо знакомы с военной (и военно-морской) техникой и организацией Испании, хорошо знали морское побережье этой страны, ее язык и обычаи. Но благосклонность османов и вообще правящего класса Туниса османской эпохи (в основном нету-

⁴ Как стало известно уже позже, в 1989 г., ныне он называется Центр османских и морисских исследований, документации и информации.

рецкого по этническому составу) определялась не только наличием среди морисков идеальных разведчиков, опытных моряков (иногда даже плававших в Америку) и военных специалистов. Значительную роль в истории Туниса, как и всего Магриба, сыграли мориско-андалусские традиции градостроительства, садоводства, ремесел, литературы, музыки и т. п. Вклад андалусцев и морисков в самобытную и многоцветную культуру народов Магриба полностью еще не оценен. Изучение этого вклада и его соотношения с другими системообразующими элементами упомянутой культуры, в частности с османским, также является одной из задач востоковедов (арабистов и туркологов) разных стран. Прежде всего этим, конечно, должны активно заниматься ученые стран Магриба.

В Тунисе вопросы истории мавров Андалусии, морисков Испании и их миграций в Магриб разрабатываются уже давно. Хорошие традиции этого направления были заложены Хасаном Хусни Абд аль-Ваххабом (1884—1970), который сам гордился своей принадлежностью к андалусской аристократии. Среди последующих поколений исследователей андалусско-тунисских связей следует выделить археолога Слимана-Мустафу Збиса, этнографа и искусствоведа Фатхию Схири, географа Мухаммеда аль-Ауни, историка Мухаммеда аль-Хабиба аль-Хилу.

Из современных тунисских историков больше всех сделал для изучения и проблем морисков и османской эпохи Абд аль-Джалиль Темими, профессор факультета гуманитарных и социальных наук Тунисского университета, директор Высшего института документации и главный редактор «Магрибинского исторического журнала», издаваемого с 1974 г. на арабском, а затем также на английском и французском языках. Не случайно он одновременно является президентом Международного комитета по изучению морисков и директором ЦОМАИ. По его инициативе создается специализированная библиотека при ЦОМАИ, рассчитанная на 100 тысяч томов. Основой для нее служат 8 тысяч томов, предоставленные лично самим Темими.

Мне удалось встретиться с этим энтузиастом. Темими в то время был занят подготовкой очередного международного симпозиума по проблемам андалусцев и морисков. Ранее нам доводилось встречаться в

Алжире в ноябре 1984 г. Диапазон его научных интересов чрезвычайно широк — источниковедение, филология, культурология, экономическая и политическая история. Причем интересуется он не только история морисков, но и их духовно-религиозная жизнь. Разрабатывал он и такую редкую тему, как положение африканского меньшинства в Тунисе в османскую эпоху. Выглядел Темими усталым, но держался бодро, шутил и был рад, что о деятельности его центра известно в СССР. «На наш последний симпозиум, — говорил он, — прибыло около 100 историков из арабских стран, Турции, Франции, США, Великобритании, Италии, Испании, ФРГ и Канады. Вот только советских ученых еще не было ни разу. Мы бы хотели установить с Институтом востоковедения в СССР прямые научные контакты. Надеюсь, что советские арабисты и туркологи смогут в ближайшем будущем работать в создаваемой с таким трудом библиотеке нашего центра и для начала примут участие в созываемых нами конгрессах и симпозиумах»⁵.

Получив у Темими информацию о прошедших под эгидой его центра симпозиумах, я поинтересовался также литературой в книжных магазинах Туниса. К сожалению, урожай был невелик. Как мне сказали друзья, теперь в Тунисе «легче отыскать ателье по авторемонту, нежели хороший книжный магазин». Это было действительно так. Судя по всему, рост количества частных автомобилей автоматически вел к росту сферы автосервиса, а вот спрос на книги явно падал. Во всяком случае, в 1962 году в центре города — на проспектах Бургибы, Франции, Парижа и Карфагена — и магазинов книжных было больше, и выглядели они богаче, и выбор в них был лучше. Ныне преобладают учебники, детская литература, детективы, французская популярно-образовательная серия «Что я знаю?». Но даже на этом скудном фоне почти в каждом магазине можно было найти что-нибудь об Андалусии и андалусцах. В одном я нашел огромную арабскую монографию «Мечеть Кордовы», в другом — книгу о знаменитом севильском эмире и поэте Муатамиде Ибн Аббаде (хотя продавец сказал мне: «Об Андалусии у нас ничего нет»), в третьем —

---

⁵ В январе 1990 г. на созванном в Тунисе симпозиуме под председательством Темими побывал советский исламовед Г. М. Керимов

небольшое издание о судьях Андалусии. Последнее, впрочем, совершенно терялось среди обилия религиозной литературы с молитвами, наставлениями для детей, комментариями к Корану. При этом хоть магазин и был расположен в медине, но принадлежал он Тунисскому обществу электричества и радио, продавцы между собой говорили по-французски (а это признак определенного «осовременивания», отхода от традиционного образа жизни медины) и торговали прежде всего словарями, букварями и учебниками.

Говоря о последнем магазине, стоит вспомнить, что он находился на улице аль-Джазира, как бы на границе между мединой и современным городом, буквально в двух шагах от центрального проспекта Франции. Он, устремившись к морю, продолжается главной улицей города — проспектом Хабиба Бургибы (тогда еще так называвшегося). Здесь совсем другая жизнь: нескромные афиши, крикливые, на западный манер, рекламы, обилие автомашин новейших марок (главным образом из Франции и ФРГ, но есть также из Японии и США). Вечерами именно на этих двух проспектах как бы концентрируется вся мощь тунисской электроэнергии, выплескивающаяся в иллюминации, щедро оформляющей контуры банков, ресторанов, отелей и кинотеатров, в которых преимущественно идут американские, но, пожалуй, наибольшим успехом все же пользуются французские и итальянские фильмы.

Вообще при наличии сильного влияния традиций в Тунисе в почете все современное — техника, музыка, архитектура. Достаточно взглянуть на отели «Дипломат» и «Африка», а также на отель «Дю Лак» («Озерный»), который издали привлекает внимание своей необычной формой гигантской перевернутой многоступенчатой трапеции.

Весьма активна и современная наука, стремящаяся не отгораживаться от мира и быть на уровне международных требований. Я убедился в этом при посещении Центра экономических и социальных исследований (ЦЭСИ) при университете Туниса.

Основанный в 1962 г. «для содействия работам в области планирования и рационализации экономики и тунисского общества», как сказано в его рекламном проспекте, ЦЭСИ, расположенный на улице Испании

в центре города, фактически превратился за последние 20 лет в самостоятельный научный институт комплексного характера с развитыми международными связями. В принятом в 1972 г. специальном статусе центра был определен многоплановый характер его исследований не только в области экономики и социальной сферы, но также в области истории и культуры. Причем программы этих исследований составляются с учетом предложений различных секций ЦЭСИ, министерства национального просвещения и других министерств и ведомств.

Центр принимает в качестве стажеров студентов, аспирантов и преподавателей университета и других высших учебных заведений с целью подготовки кадров высшей квалификации или содействия их специализации в определенной сфере исследования. ЦЭСИ имеет приоритет при участии в выполнении различных научно-исследовательских программ, находящихся в сфере его компетенции и касающихся «различных секторов национальной жизни». С этой целью центр уполномочен, как нам сказали, «заключать контракты с заинтересованными организациями и получать вознаграждение в соответствии с предоставленными услугами».

ЦЭСИ официально функционирует в рамках Тунисского университета, но признается государственным учреждением научного и культурного характера, обладающим административной и финансовой автономией». Он непосредственно подчиняется министерству высшего образования и научных исследований Туниса. Во главе ЦЭСИ стоит директор, которому помогают совет и постоянный научный комитет центра. Научный комитет из девяти человек избирается персоналом центра. В него входят по праву директор и замещающий его главный администратор — генеральный секретарь. В совет центра из четырнадцати человек практически входят все члены научного комитета, а также представители внешних организаций (Национальной школы статистики, факультетов права, теологии, литературы).

Постоянно в центре работают, по данным его главного администратора генерального секретаря Мухаммеда Руза, 45—50 исследователей. Но к ним ежегодно подключается определенное количество стажеров, в том числе иностранных. В частности, по словам

М. Руза, «ежегодно у нас подготавливают докторские диссертации четыре-пять американцев». Однако центр стремится расширить свои международные связи. В частности, он поддерживает весьма оживленный обмен с Институтом Африки Академии наук СССР (директор ЦЭСИ посетил этот институт в июне 1986 г.) и в марте 1987 г. организовал вместе с ним первый тунисско-советский «круглый стол» по теме «Личность в арабских странах: между традиционностью и современностью». ЦЭСИ, по словам Руза, готов установить столь же продуктивный обмен с Институтом востоковедения АН СССР. Для центра последнее обстоятельство имеет немаловажное значение еще и ввиду расширения круга научной проблематики, над которой он работает. Если до недавнего времени он имел девять секций (демографии, географии, истории, права и политологии, психологии, социологии, лингвистики, литературы, педагогики), то в настоящее время создается еще и секция изучения религиозных вопросов. О внимании к этим вопросам, обострившимся в Тунисе за последние годы, и о стремлении решать их на научной основе свидетельствует также введение директора ЦЭСИ профессора Абд аль-Ваххаба Бухдибы в Высший совет по религиозным делам при президенте республики. Государство при решении очень сложной проблемы мусульманского фундаментализма показало тем самым свою заинтересованность в научной обоснованности своей политики.

«Когда я был в Советском Союзе,— сказал доктор Мухаммед Руз,— я посетил Ташкент, Бухару и Самарканд, беседовал с духовными лицами и верующими, которых в мечетях было очень много. У меня сложилось впечатление, что мусульмане в СССР пользуются полной свободой. А какие интересные и ценные арабские рукописи хранятся в Институтах востоковедения Ленинграда и Ташкента, в хранилищах Москвы и Самарканда, во многих мечетях! Нам надо развивать контакты более интенсивно, чем это делалось до сих пор. Мы всегда готовы принять у себя ваших исследователей в качестве стажеров и в качестве делегатов созываемых нами ежегодных конгрессов, семинаров и встреч за круглым столом».

Действительно, каждый год центр, располагающий весьма немногочисленными кадрами, организует

много международных встреч и конференций различного уровня. Достаточно перечислить лишь те, которые имели место за последние десять лет: два конгресса по истории и цивилизации стран Магриба; три «исламо-христианских» конференции; две встречи по документации в социальных науках; две встречи на тему «Прикладная лингвистика в арабском языкознании»; три тунисско-испанских и один тунисско-египетский семинар; конгресс по индустриализации Магриба; 16 симпозиумов на различные темы культуры, философии, экономики и демографии. Кроме того, созывались 3-й международный коллоквиум по лингвистике, германо-тунисский коллоквиум «Тунис — место диалога политических и социокультурных ценностей» и семинары о политике арабских стран в области общественных наук, об исламском факторе, о дифференцированной психологии полов, о роли школьного учебника в системе просвещения, о международных миграциях тунисских трудящихся. Иными словами, относительно небольшой по количеству сотрудников центр сумел организовать за 10 лет 35 международных встреч!

При этом ЦЭСИ вовсе не является каким-то специальным ведомством по организации международных мероприятий. Его технический персонал, включая шоферов, машинисток и секретарей при дирекции, составляет 23 человека. Правда, еще 15 человек заняты изданием документов центра, отвечают за публикацию, тиражирование и распространение трудов исследователей ЦЭСИ, ежеквартального журнала центра «Ревю тюнизьенн де сыанс сосиаль» (издается с 1964 г.), а также за функционирование специализированной библиотеки, насчитывающей 30 тысяч томов, главным образом по различным проблемам Магриба и развивающегося мира.

ЦЭСИ занимается в первую очередь современными проблемами, хотя он издал немало трудов крупных историков, таких, как Мустафа Крайем, и социологов, например, таких, как Абд аль-Кадир Згаль и Лилия Бен Салем. По поводу изучения истории и культуры андалусцев и морисков Мухаммед Руз сказал: «У нас в центре этими вопросами не занимаются. Нас интересуют большие проблемы новейшего времени. Что же касается морисков, то думаю, что никто не может лучше о них рассказать, чем профессор

Темими, мой близкий друг. Он очень много знает, тем более что долгое время был директором Института документации. Центр по изучению морисков, который строится в Загване, создан прежде всего его усилиями. Если у вас кто-нибудь, особенно в Ленинграде, как я слышал, интересуется андалусцами, то обращаться надо к Темими».

Революция в эмиграции

Особенностью Туниса 80-х годов стало присутствие в стране палестинцев. Здесь нет вооруженных отрядов Палестинского движения сопротивления, дислоцированных в других арабских странах. Но здесь его официальная штаб-квартира, некоторые службы и организации. Здесь же обычно находятся многие члены исполкома ООП. Все это неожиданно осложнило положение Туниса, который с тех пор стал подвергаться ударам Израиля, пытавшегося обезглавить ООП.

Нам (В. И. Киселеву и автору этих строк) довелось видеться в Тунисе со многими руководителями и активистами палестинского движения. Наши встречи проходили накануне начала знаменитой интифады — политического восстания палестинцев на оккупированных территориях — в декабре 1987 г. Уже тогда в Тунис поступали сведения о зревшем недовольстве на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа, об активизации арабского населения в самом Израиле, о военных столкновениях бойцов сопротивления с израильскими войсками⁶.

Одним из первых нас принял Сулейман ан-Наджаб, член Политбюро ЦК Палестинской коммунистической партии, избранный на незадолго до этого состоявшемся в Алжире заседании Палестинского национального совета в состав исполкома ООП. Это был весело улыбающийся смуглый человек, совершенно седой, хотя ему не было и 50 лет. В исполкоме

---

⁶ Разумеется, многим сейчас, в 1991 г., сведения о палестинском движении конца 1987 г. могут показаться устаревшими, тем более что обстановка на Ближнем Востоке меняется очень быстро. Следует, однако, помнить, что этим переменам во многом способствовало именно палестинское движение, в том числе — его борьба в 1987 г.

ООП он ведал социальными вопросами, главными из которых сам он считал обеспечение семей партизан, прежде всего — погибших или захваченных в плен, проблемы трудоустройства и охраны здоровья, в том числе — потерявших боеспособность и ставших инвалидами в продолжающейся 40 лет вооруженной борьбе с Израилем.

«Палестинцы ведут борьбу и на оккупированных территориях, где 67 процентов из них составляют экономически активное население, и в самом Израиле, где экономически активны 85 процентов,— говорил ан-Наджаб.— Этой борьбой затронуты все классы, ибо, по сути дела, родины и имущества лишены и рабочие, и крестьяне, и интеллигенты, и буржуазия, и феодалы. Конечно, оккупанты пытаются расколоть палестинцев, привлечь кое-кого на свою сторону, а если это не удастся, то запугать, засадить в тюрьму. Ныне немало наших борцов находятся в тюрьмах и в Израиле, и на оккупированных территориях, и, к сожалению, в некоторых арабских странах. Но сопротивление не прекращается. Забастовки и демонстрации чередуются с митингами и выступлениями в прессе. Вооруженные акции ныне редки. Когда госсекретарь США Шульц посетил оккупированные территории, он был встречен демонстрациями протеста и бойкотом даже со стороны некоторых прозападно настроенных палестинцев. Естественно, израильские лидеры боятся, что палестинцы многое смогут изменить, если объединятся с прогрессивными силами в самом Израиле. К тому же палестинцев сейчас только на оккупированных территориях 1 миллион 400 тысяч человек, а в Израиле — около семисот тысяч. Но это не „демографическая бомба“, как пишет реакционная израильская и западная пресса. Это — подлинно демократическая сила!»

Наш собеседник говорил об арабской встрече в верхах в Аммане, происшедшей незадолго до того, о спорах между арабами по поводу необходимости провозглашения независимого Палестинского государства (оно все же было провозглашено ровно через год в Алжире), о позициях разных арабских стран: «На оккупированных территориях есть, хотя и слабое, влияние Иордании и нефтедобывающих государств Персидского залива. Но это касается прежде всего зажиточных семей. Основная масса идет за Организа-

цией освобождения Палестины. Ранее было сильным воздействием стран Залива, ибо оттуда работавшие там палестинцы присылали деньги своим родным. Ныне положение изменилось: во-первых, страны Залива потеряли свое значение после начала ирано-иракской войны, во-вторых, они выслали многих приезжих, ибо те после начала войны остались без работы».

В заключение Сулейман ан-Наджаб сказал о том, что наступило время активизации дипломатических усилий, в связи с чем возможность созыва международной конференции по Ближнему Востоку перестает быть только теоретической. Поэтому все большее значение приобретает «справедливая, честная и дальновидная позиция СССР» по ближневосточному конфликту.

Следующая встреча состоялась с Ясиром Абд Раббу, членом исполкома ООП, ответственным за информацию. Разговаривая с ним, мы убедились, сколь разнообразны палестинцы и по внешности, и по манере держаться. Наш собеседник — светлый шатен совершенно неарабского вида, с большими серо-голубыми глазами. «Наверное, я — потомок крестоносцев». Эти слова он произносит, усмехаясь. Все остальное время Абд Раббу очень серьезен и, говоря о политической обстановке, как бы старается теоретически обосновать ту или иную мысль. В исполкоме ООП он представляет Демократический фронт освобождения Палестины (ДФОП), который официально стоит на позициях марксизма и считается наиболее левой из палестинских организаций (за исключением компартии, конечно). ДФОП упрекали одно время в левоэкстремизме. Но именно он первым в рядах ООП выступил за диалог с прогрессивными силами Израиля.

Основное в рассказе Ясира Абд Раббу — анализ межарабских связей и отношений в свете решений, принятых в Аммане. Ситуация, по словам нашего собеседника, весьма непроста. В арабском мире есть консервативный блок, который не хотел бы каких-либо перемен. «А кто ему противоречит? То, что говорят отдельные радикалы, имеет мало значения. Нам нужна Сирия, и мы ей нужны. Иначе не будет ближневосточного урегулирования. Однако добиться этого сближения очень трудно».

Абд Раббу считает, что от единства действий и позиций всех арабских стран во многом будет зави-

сеть решение ближневосточного конфликта и его сердцевины — палестинской проблемы. Но для этого надо добиваться урегулирования всех конфликтов, раздражающих арабский и мусульманский мир: западносахарского, чадского, ирано-иракского. Но главный — это, конечно, арабо-израильский конфликт. Его решение, однако, обусловлено единением арабов, их освобождением от прочих конфликтов, отвлекающих от главного и мешающих его решению. Естественно, общее развитие международной обстановки, усиление единства взглядов афро-азиатских стран по палестинскому вопросу и ряд других факторов, включая эволюцию внутри самого Израиля, также скажутся, может быть, решающим образом.

Мы посетили также организованную Союзом палестинских женщин выставку детского рисунка, на которой были представлены прежде всего работы палестинских детей в возрасте от 4 до 16 лет, а также детей из СССР и ГДР. Рисунки были выполнены карандашом, тушью, красками, вышиты нитками, выложены наклеенными кусочками цветной бумаги. Преобладали сцены бомбежек, военных действий, изображения знаменитых мечетей Омара и аль-Акса, а также Иерусалима. Над одним из изображений Иерусалима начертана надпись: «Завоевал его халиф Омар, освободил Салах ад-Дин. А кто теперь?» Надпись на другом рисунке: «До возвращения в Палестину!»

Среди посетителей толпилось много детей, в том числе авторов выставленных рисунков. Все они были одеты в одинаковые костюмы коричневых и желтых цветов и белые рубашки в черную клетку. Такой расцветки обычно бывают головные уборы и шарфы палестинских фидаев (партизан). В основном это были дети шахидов, то есть павших борцов. Они сами себя называют «абна ас-самуд» («сыновья стойкости»).

У нас были встречи с палестинцами разного возраста и общественного положения. Некоторые из них уже давно осели в Тунисе, получили здесь образование. Другие чувствовали себя здесь гостями. Но всем им был присущ палестинский патриотизм, как уверяли меня — даже жившим уже не одно поколение в США. В доказательство нам показали фильм художника и кинорежиссера Кемалы Баллаты об американце палестинского происхождения, которого израиль-

тяне не пустили в родной Иерусалим. Обычным также является в компании палестинцев чтение стихов Махмуда Дервиша (ныне он — член исполкома ООП), просмотр видеокассет с записью выступлений палестинских танцевальных ансамблей на фоне иерусалимской мечети Аль-Акса.

Палестинская трагедия остро переживается всем арабским миром. Поэтому значительное внимание ей уделяет Лига арабских государств, при которой существует с 1954 г. специальное управление палестинских дел.

Мы встретились с вице-директором управления Набилей Нимр, сестрой видного руководителя ООП Фарука Каддуми. «Управление занимается всеми проблемами палестинцев,— сказала Набиля Нимр.— Мы, в частности, ведем учет разрушения домов на оккупированных территориях, занимаемся положением палестинцев в разных арабских и других странах мира. Наш совет по вопросам воспитания занимается палестинскими университетами на оккупированных территориях и в Иордании. Например, у нас налажена связь с университетом в Бир-Зейте. За связь с нами многие там преследуются и арестовываются. Мы поддерживаем связи с официальными и неофициальными организациями, а также со специалистами по Палестине в США, Англии, Франции и других странах. Каждые полмесяца издаем специальные публикации на арабском языке, а в США и некоторых других странах — на английском. Лига издает журнал „Шуун арабийя“, в котором иногда публикуются материалы о палестинцах, но редко».

Из дальнейшей беседы мы узнали, что у Лиги есть прямые связи со всеми столицами Европы, кроме социалистических стран. С Москвой связь поддерживается в основном через Общество советско-арабской дружбы. «Связи с учеными тоже могут помочь нашему делу»,— сказала Набиля Нимр, показав нам книгу об израильских поселениях на оккупированных территориях, которая составлена на основе выступлений американских, арабских и других ученых на семинаре в Вашингтоне.

Вообще обостренное восприятие палестинцами всего, что связано с их культурой и национальной самобытностью, вовсе не мешает им широко смотреть на вещи и, в частности, чувствовать свою связь с дру-

ими арабами и вообще народами Средиземноморья. Как-то я услышал по радио арабскую песню, по мелодии очень напоминавшую испанскую. «Это,— сказал мне знакомый палестинский журналист,— андалусский мувашшах из района Халеба». Я знал, что мувашшах — это особый поэтический жанр, привнесенный маврами из Андалусии в страны Магриба, в том числе и в музыкальный фольклор. Но причем здесь Халеб в Сирии? «А притом, что андалусцы расселились после реконкисты не только в Магрибе. Часть их попала в Египет, Сирию и Палестину. У нас в Палестине были целые деревни, заселенные ими. Они, правда, давно смешались с палестинцами, но традиции в поэзии сохранили», сказали мне.

Встреча с известным руководителем самой крупной палестинской организации «Фатх» Абу Айядом проходила тотчас после его возвращения из Кувейта и была в основном посвящена негативному воздействию на перспективы ближневосточного урегулирования тогда еще продолжавшегося ирано-иракского конфликта. «В Кувейте закрылись более 400 компаний,— рассказывал нам Абу Айяд.— 50 тыс. рабочих, в основном палестинцы, потеряли работу. Всего в Кувейте 400 тыс. палестинцев, но с 1983 г. 52 тыс. чел. из них выехали. Пострадали палестинцы и в Саудовской Аравии, где закрылись 200 компаний, уволившие 85 тыс. рабочих и служащих, среди которых немало наших соотечественников. И при всем при этом арабские страны Залива помогают Ираку: Кувейт дал ему 27 млрд. долларов, а Саудовская Аравия — более 40 млрд. Кувейт вынужден также закупать оружие на крупные суммы, но остается уязвим».

Абу Айяд подчеркнул, что одним из результатов ирано-иракской войны явилось забвение палестинской проблемы, о которой в арабских странах Залива не хотят говорить как о первоочередной. Внутренний конфликт в Ливане с этой точки зрения также играет отрицательную роль. Так же как и Абд Раббу, Абу Айяд подчеркивал необходимость улучшения отношений между арабскими странами, ибо только все вместе они представляют собой грозную силу и способны помочь палестинцам⁷.

⁷ В январе 1991 г., накануне начала новой войны в Персидском заливе, Абу Айяд был убит террористом, по слухам — проиракской ориентации.

Около 40—50 человек присутствовало на семинаре «Октябрь и палестинская революция», который проходил под председательством Абу Низара, члена Революционного совета организации «Фатх» и генерального секретаря Ассоциации обществ дружбы Палестины с зарубежными народами. В семинаре приняли участие члены исполкома ООП Абу Мазин (ответственный за отношения с партиями и организациями) и Абдаллах Хаурани (ответственный за вопросы культуры), главный редактор журнала «Садака» («Дружба») — органа Ассоциации обществ дружбы — Мухаммед Исмаил, В. И. Киселев и автор этих строк.

В ходе дискуссии поднимались проблемы, характер которых ясно показывал, что именно в первую очередь интересовало собравшихся, представлявших наиболее подготовленные и политически опытные кадры палестинского движения. Вот лишь некоторые из задававшихся нам вопросов:

1) Не выиграет ли внешняя политика СССР от уточнения отношения СССР к ирано-иракской войне?

2) Знают ли советские люди, что их уход из Афганистана еще больше поднимет авторитет СССР среди арабов?

3) Почему СССР не активизирует отношения с Тунисом, особенно после ухода Бургибы? Ведь теперь все арабские страны больше нуждаются и в экономической, и в военной, и в политической помощи СССР.

Могут спросить, стоит ли сегодня вспоминать об этих вопросах. Ведь война Ирана с Ираком кончилась в 1988 г., а из Афганистана СССР войска вывел в 1989 г. Думаю, однако, что об этих вопросах не стоит забывать. Это то, что волнует (и очевидно, долго еще будет волновать) не только палестинцев, но и других арабов, в том числе тунисцев, не говоря уже о европейцах.

Весьма интересен был и «круглый стол» в редакции журнала «Ас-Садака», посвященный той же теме. Его вел Мухаммед Исмаил. Палестинские участники «круглого стола», как и предыдущего семинара, интересовались, разумеется, не только проблемами воздействия Октябрьской революции на освободительное движение арабов.

Поднимались проблемы «переселенческого колониализма» в Палестине 20—40-х гг., современных

«малых империализмов» в афро-азиатском мире, законных национальных прав арабов Палестины, нежелающих быть «народом беженцев». Была также проанализирована связь бедствий, постигших арабов-палестинцев, с неверно построенными отношениями между национально-освободительным движением арабов и международным коммунистическим движением начиная еще с 20-х годов.

Наиболее сильным впечатлением от знакомства с палестинскими руководителями в Тунисе явилась встреча с председателем исполкома ООП Ясиром Арафатом или, как называют его в рядах палестинского движения, «Абу Аммаром». Больше всего впечатляли простота и естественность, присущие его манере держаться, отсутствие какой-либо позы у этого человека, облик которого известен всему миру, а имя уже 20 лет не сходит с передовых полос газет самых разных стран. Он вежлив, предупредителен, обладает быстрой реакцией, очень легко двигается, а его долгий и пронизательный взгляд чувствуешь, даже когда не смотришь ему в глаза. Одет он был не так, как обычно изображается на фотографиях или в кинохронике, а в военную форму и меховую шапку.

Тогда только что закончилась очередная встреча министра иностранных дел СССР и госсекретаря США, способствовавшая продвижению великих держав к миру и безопасности на нашей планете. «Сведения о соглашении между Шеварднадзе и Шульцем,— сказал Арафат,— вдохновляют всех сторонников мира. Ведь сейчас судьба человечества может быть поставлена под вопрос в результате ошибки компьютера. Мы высоко ценим мудрую дальновидность Горбачева, который первым начал добиваться политического решения этой проблемы. Конечно, после этого откроются новые перспективы и для решения региональных конфликтов».

В ходе разговора «Абу Аммар» свободно, как и многие другие палестинцы, с которыми мне приходилось разговаривать, переходил с арабского языка на английский, если видел, что собеседник затрудняется выразить свою мысль. Было очень интересно слышать от него довольно объективные оценки позиций тех арабских стран, которые тогда скорее мешали ООП, нежели помогали ей. Так же точно, умно и доброжелательно характеризовал он тех, кто был известен

своей оппозицией ему в рядах палестинского движения. Очень убедителен был его рассказ об арабском совещании в верхах в Аммане и сессии исполкома ООП в Багдаде, которая преследовала целью начать процесс сплочения вокруг исполкома различных фракций и отрядов ООП, оказавшихся разъединенными после эвакуации штаб-квартиры ООП из Ливана в 1982 г.

Арафат вспоминал свои поездки в Москву и говорил о предстоящей (она состоялась через пять месяцев, в апреле 1988 г.). Проявлял он и довольно тонкое понимание ситуации, сложившейся тогда в арабском мире: «Египет хочет восстановить отношения со всеми, но не спешит возвращаться в Лигу арабских государств, так как тогда надо будет ему отказаться от Кэмп-Дэвида. А мы хотим, чтобы арабы могли бы выступать единым фронтом и чтобы никто не мог бы узурпировать наши права».

Знакомство с палестинскими лидерами в Тунисе было для нас очень важно. Оно способствовало пониманию не только Туниса, но и всего арабского мира. Более того, Тунис с его демократическими традициями и достаточно взвешенной, объективной позицией в палестинском вопросе оказался для штаб-квартиры ООП довольно удачным местом расположения. Мне доводилось слышать от палестинцев самого различного звания и положения единодушные признания: «Тунис — наилучшая страна для палестинцев. Здесь не стремятся нас контролировать, в чем-то ограничивать. Тунисцы полностью воздерживаются от какого-либо вмешательства в наши внутренние дела».

Новый и старый Сахель

Дорога ведет на юг страны. Мы мчимся по отличному шоссе, то ныряя в зеленый коридор садов и пальм, то вырываясь на открытый простор с великолепным дальним обзором, вырастающими вдоль дороги холмами, поселками и синевой моря на горизонте слева. Рельеф местности в основном равнинный. Когда дорога приближается к побережью, видны мелкие лагуны, островки, заболоченные низины. Обрывов и скал, как в Марокко и Алжире, почти нет.

Мы едем по древней земле Ифрикийи, многостра-

дальной, много знающей, много помнящей. На этой земле — 18 тысяч исторических памятников разных эпох, многие из которых прошли по Ифрикии как тяжелый бульдозер. В селениях, в которых мы останавливаемся, жители отличаются меньшим разнообразием типов внешности, нежели в Марокко и Алжире. Как правило, тунисцы в массе — невысокого или среднего роста, более смуглы и более однозначно «арабы» по чертам лица, нежели прочие магрибинцы. Но встречаются и среди них ярко выраженные блондины европейского вида, темнокожие африканцы или типичные «средиземноморцы», то есть люди, сочетающие европейские и «восточные» черты.

Тунис — «самая арабская» из стран Магриба. Еще в XV в. практически перестали существовать сколько-нибудь значительные группы говоривших по-латыни (в городах) и по-берберски (в селах). Сейчас по-берберски говорят лишь некоторые жители острова Джерба, а также ряда оазисов на юге страны, в общей сложности — чуть более одного процента населения. Массовый выезд французов и итальянцев, а также евреев в 1956—1961 гг. как бы «снял» проблему неарабского населения: к 1984 г. на 6966 тысяч человек, проживавших в Тунисе, приходилось менее 138 тысяч иностранцев, большинство которых составляли алжирцы, ливийцы, марокканцы, ливанцы, палестинцы, а среди прочих доминировали французы и итальянцы, меньше было турок и мальтийцев (возможно, ныне их больше, так как в 1987 г. в Тунисе проживало уже 7950 тысяч человек). Нет сомнений в том, что эти национальные группы ранее были более значительны по своему влиянию, особенно мальтийцы, близкие тунисцам по языку и по типу внешности, имевшие еще недавно в Тунисе свою ассоциацию.

Этническая однородность тунисских арабов — результат длительного исторического развития. Среди них немало потомков практически всех средиземноморских народов. В эпоху османского господства в Тунисе также осело немало пленных европейцев (испанцев, итальянцев, французов, австрийцев), принявших ислам и составивших особую прослойку «мевледи» («урожденных христиан»). В то же время среди мамлюков (рабов-гвардейцев) и янычар, присылавшихся в Тунис из Стамбула и Каира, чаще встречались не столько турки, сколько отуреченные уро-

женцы Греции, Албании, Сербии, Македонии. Известно, что, например, правившая Тунисом свыше 250 лет бейская династия Хусейнидов была греческого происхождения. Кроме того, незначительная численность берберов не означает отсутствия их потомков среди тунисских арабов в нынешнем Тунисе. По некоторым данным, примерно $\frac{2}{3}$ тунисцев являются потомками берберов, принявших в разное время язык и культуру арабов.

Разумеется, все эти обстоятельства обусловили отличие тунисских арабов от арабов соседних стран. Восток Магриба, на базе которого сформировался исторически Тунис, был ранее других завоеван арабами. Они называли его Ифрикийей, то есть Африкой, каковая для них долгое время сводилась лишь к этой относительно небольшой территории. Но здесь преобладали равнины, степи, оазисы и пустыни, привычные для бедуинов. Поэтому арабы освоили эту часть Магриба раньше и лучше других. И поэтому же впоследствии они именно в Ифрикийе сумели быстрее и полнее усвоить, перемолоть или нейтрализовать все инородные влияния, начиная с берберов и кончая европейцами, появлявшимися здесь то в виде византийцев в VII—VIII вв., то норманнов IX—XII вв., то французских и итальянских крестоносцев XIII в., то генуэзских и сицилийских корсаров, а также мальтийских рыцарей последующих веков, не говоря уже об испанцах XVI в. и «мевлед-руми» османской эпохи.

Ифрикийя тем не менее долго оставалась для арабов и других мусульман Ближнего Востока чем-то необычным, колдовским. Достаточно вспомнить злого волшебника-магрибинца из сказки «Аладдин и волшебная лампа», который, рассердившись, «ушел в свою страну Ифрикийю». Думается, что неважной репутации Ифрикийи в глазах мусульманского Востока содействовали непрерывные мятежи берберов, сохранявших достаточно долго свою самобытность, свой язык и даже свои верования, ибо берберы нередко либо отрекались от ислама, либо становились приверженцами какой-то его неортодоксальной, попросту говоря, еретической формы — хариджизма, шиизма, учения Альмохадов. Кроме того, богатый и древний фольклор берберов, насыщенный преданиями о магах, колдунах и волшебниках, о сотворенных ими чудесах, также внес свою лепту в представления благочести-

вых мусульман о берберах, которых кое-кто и сейчас в Магрибе без всяких на то оснований считает не очень твердыми в вере. Кстати, официальными улемами — богословами вера в марабутов, в присущую им «барака» (ниспосланную Аллахом благодать) также считается отступлением от ислама. Не является ли это отголоском былых претензий первых арабов-мусульман к берберам, оказавшим им сопротивление? Тем более что первые марабуты, как известно, появились в берберской среде.

Чем же примечательна сегодня Ифрикийя? Пожалуй, особой степенностью, уравновешенностью, умеренностью, каковые несвойственны прочим частям Магриба. Это и неудивительно. На просторах Алжира и Марокко, тем более в неприступных горах или бескрайних песках пустынь, было проще скрыться от преследования, найти себе укромное местечко, отсидеться, отбиться и тем самым сохранить самобытность. Не случайно до сих пор берберы в Алжире и Марокко достаточно многочисленны. Да и войны, там происходившие, были более длительны и кровопролитны. Но на сравнительно небольшой территории Туниса, примерно втрое меньшей, чем у Марокко, и в 14 раз меньшей, чем у Алжира, почти лишенной горных хребтов и труднодоступных пустынных районов, уйти от судьбы было невозможно. Поэтому захваты, истребления населения или его подчинение и ассимиляция здесь всегда были тотальными. Как представляется, это и должно было выработать еще у жителей Ифрикийи мудрость, терпимость, терпение и готовность к компромиссу. В немалой степени тому же должна была содействовать и своего рода «андалусизация» Туниса, о которой ранее уже говорилось. Носители более высокой цивилизации, воплощавшие в себе единство всех средиземноморцев, андалусцы привили тунисцам легкость в установлении контактов с иностранцами и восприимчивость к иноземным культурам.

Помня обо всем этом букете цивилизаций, этносов и психологических установок, можно начинать знакомиться с областью восточного побережья страны — Сахелем⁸. Это край яркого солнца, золотых пляжей и

---

⁸ Сахель по-арабски означает «берег». По традиции в основном эта область поставляет политическую элиту независимого Туниса.

морской синевы, чрезвычайно благоприятный для сельского хозяйства. Оливковые рощи, плантации цитрусовых, фруктовые сады, виноградники видны тут повсюду. Здесь же старинные города.

Мы въезжаем в один из них. Он существовал еще во времена финикийцев, при римлянах назывался Руспина. Зубчатые стены и высокая башня рибата — старинной крепости — кажутся желтыми от слепящих солнечных лучей. На самом деле они красновато-оранжевые, под цвет местного песка. Рибат — вполне мусульманское укрепление, но выстроенное на основе древнеримской крепости. Внутри крепости — небольшой музей, а рядом с ней — двухэтажная копия древнеримского дворца (дерево, великолепно стилизованное под камень), возведенного специально для кино-съемок сцен из римской эпохи. «Тут всегда много снимают, — говорит гид, — так как здесь всегда много солнца, как и сейчас». С обратной стороны этот «дворец» имитирует венецианское палаццо. Рядом выстроена такая же декоративная мечеть для тех же целей.

Ныне этот город называется Монастир. В средние века он был довольно значительной крепостью, оплотом воинствующих дервишей-рыцарей, ожесточенно сражавшихся с норманнами, генуэзцами, сицилийскими и каталонскими корсарами. Существовала поговорка: «Тот, кто стоит гарнизоном в рибате Монастира три дня, пойдет прямо в рай». Объяснялось это тем, что удержаться в крепости, на которую «неверные» обычно нападали с моря, было весьма трудно.

Монастир — центр губернаторства и некоторых недавно возникших современных отраслей промышленности. Здесь лучший в стране рыболовецкий порт и аэродром, шесть великолепных отелей, в том числе «Сканес Палас» — международного класса «люкс». Монастир не случайно стал одним из центров туризма в Тунисе. Здесь родился Хабиб Бургиба, естественно способствовавший процветанию родного города, он построил тут свою летнюю резиденцию (мы проехали мимо и разглядели лишь высокую стену с зубчатым верхом) и воздвиг себе мавзолей. Собственно этот-то мавзолей и является теперь чуть ли не главным объектом любопытства туристов.

Мы увидели издалека его золотой купол и два высоких минарета в турецком стиле (то есть круглых в

поперечнике в отличие от четырехугольных магрибинских) с золотыми верхушками. К мавзолею великолепный подход — обширная площадь с каменной кладкой и аркообразной росписью по ней. Это, пожалуй, самая лучшая мостовая в Тунисе, к тому же художественно оформленная. Открытки с видами мавзолея Бургибы широко распространялись тогда по всей стране, ибо мавзолей играл роль не только символа культа личности бывшего президента, но и своеобразной достопримечательности и города Монастира, и всей страны. Характерно, что это свое значение мавзолей не утратил и после свержения Бургибы. Как представляется, тунисцы поступили правильно. Они сохранили не символ культа «Верховного борца», а памятник целой эпохе в истории Туниса. А она охватывала не только годы пребывания Бургибы у власти, но и предыдущие десятилетия, когда он был бесспорным и, несомненно, популярным лидером антиколониальной борьбы примерно с конца 20-х годов. Таким образом, 60 лет истории Туниса тесно связаны с его именем. И судя по всему, тунисцы понимают, что, каков бы ни был Бургиба в последние годы своего правления, 60 лет борьбы за национальное освобождение и социальное преобразование родины из истории не вычеркнуть.

Конечно, не все так думают. «Монастир халас» («С Монастиром покончено»), — сказал нам шофер Хумайс Гарби Фугали. Он родом из Бежи — городка на западе страны, по мнению тунисских ученых, «расположенного на рубеже автохтонного и испано-мавританского влияний». На мой вопрос, не андалусского ли он происхождения, Хумайс усмехается: «Не знаю». Видно, его уже об этом не раз спрашивали. Но, продолжая разговор о Монастире, он становится серьезен: «В народе — ненависть к этому городу, который при Бургибе пользовался разными привилегиями, местные жители старались получить побольше тепленьких местечек». После этого уже другими глазами смотришь на неброскую, «провинциальную» красоту Монастира. Но все же... Думается, что когда страсти улягутся (а они в Тунисе обычно не доходят до точки кипения), все станет на свое место.

Нам показывают расположенные недалеко от мавзолея могилы видных борцов против колониального гнета, удостоившихся чести быть захороненными близ

роскошной усыпальницы Бургибы. «В последние годы,— говорит гид,— Бургиба старался приближать к себе земляков. В частности, бывший премьер-министр Мзали, долгое время считавшийся (вполне официально) наследником Бургибы, родом также из Монастира. А вот Зин аль-Абидин Бен Али тоже родился в Сахеле, но не здесь, а в 20 километрах отсюда — в городе Сусе».

Мы едем в Сус. Его называют «жемчужиной Сахеля» за его великолепные пляжи и виды. Дорога между ним и Монастиром идет вдоль моря, от которого ее отделяют шикарные отели с не менее шикарными названиями — «Солнце», «Дворец», «Ночи Аладдина» и т. п. Тунис в среднем ежегодно посещают два миллиона туристов. Одна из причин кроме отличного сервиса — сравнительно низкий уровень цен: неделя отдыха в Тунисе обычно стоит столько же, сколько два дня в Испании!

В самом Сусе, который в еще большей степени, чем Монастир, является центром международного туризма, функционирует 48 отелей, в том числе 14-этажный «Сус Палас», способный принять тысячу человек, имеющий огромный зал заседаний, театр со специально акустически оборудованным залом, международную телексную связь, ежедневно выступающий оркестр и фольклорную группу. В 1988 г. Сус стал городом-побратимом Сочи. Некоторые из отелей города («Риад», «Эль Ксар») выстроены архитекторами из Болгарии. Здесь есть улицы России, Самарканда и маршала Тито. Один из отелей называется «Хадрумет». Так когда-то называли и весь город.

Хадрумет был основан финикийцами в IX в. (или в XI в., по другим данным) до н. э. По легенде именно здесь высадился Ганнибал после своего возвращения из Италии⁹. В дальнейшем, попав под власть Рима, город сделал неудачный выбор, встав на сторону Помпея против Цезаря, что навлекло на него жестокие репрессии. Постепенно, однако, он смог восстановить свое богатство и, превратившись в крупнейший порт римской Африки, наживался на вывозе продовольствия в Рим. С конца III в. он стал столицей византийских владений в Африке и был в VI в. переименован в Юстиниаполис знаменитым императором

⁹ На самом деле это произошло у города Лептиса (в нынешней Ливии).

Юстинианом. Разрушенный в самом начале арабского завоевания, город вновь ожил через два с половиной столетия и стал на этот раз базой арабского флота. Именно отсюда отплыла в 827 г. 11-тысячная «Джунд Аллах» («армия Аллаха») во главе с кадием (мусульманским судьей) Асадом Ибн аль-Фуратом, начавшая завоевание Сицилии, а потом и юга Италии. Но сам город был выстроен арабами на месте прежнего Хадрумета намного раньше.

В 780 г. был возведен рибат (по другим сведениям — в 821-м), сыгравший роль центра, вокруг которого на руинах византийского города возникла мусульманская касба (цитадель). Ее стены из тесаного камня песочного цвета стоят до сих пор. Рибат представляет собой квадратную в плане крепость с мощными стенами, украшенными по верху закругленными зубцами. Из внутреннего двора, войти в который можно через внушительный портал с куполом, неширокая лестница ведет на открытую галерею второго этажа. Расположенная недалеко от рибата мечеть заложена в 850 г. и внешне напоминает крепость. В свою очередь башня над рибатом напоминает минарет. Еще более высоко вздымается над городом башня Халаф. По ней издали можно определить местонахождение старой касбы.

Сус, несмотря на его столь давно возведенные укрепления, многократно завоевывался. В XII в. им владели норманны, в XVI — испанцы, позднее — турки. Период французского протектората явился для города началом перехода от старой торгово-ремесленной цивилизации к основам промышленного развития. С тех пор в городе процветает кожевенное и текстильное производство, пищевая промышленность, автосборка, выделка сафьяна и пластика. Нормальный ход жизни города был нарушен второй мировой войной: его в конце 1942 — начале 1943 г. занимали немецкие войска и подвергала бомбежке авиация союзников.

Когда смотришь на средневековые укрепления Суса, зубцы его башен и стен, купола и минареты, невольно начинаешь думать о том, сколько же он всего повидал и пережил. И уже по-другому воспринимается «красивая жизнь» в многочисленных отелях Суса с их барами, видеосалонами, восточными танцами и постоянными развлечениями, ресторанами и оркест-

рами, разнообразием всевозможных способов отвлечь от прозы жизни с помощью прогулок на яхте, на верблюде, на пони. Здесь край вечного купания (отели работают круглый год), загара. Но это лишь одно лицо Туниса, зарабатывающего деньги обслуживанием туристов. А у страны этих лиц много. Когда мы выехали отсюда, то по дороге снова видели поля, сады, оливковые рощи, заросли кактусов, стада овец и пастухов в черных бурнусах. Это совсем другой Тунис. И это, пожалуй, подлинное лицо страны.

Набёль—Хаммамет—Бизерта

Тунисские шоссе позволяют легко развивать скорость свыше 100 километров в час, которая совершенно не чувствуется, если не смотреть по сторонам. Причем на такой скорости, не снижая ее, наш шофер Хумайс пролетал даже мимо патруля моторизованной жандармерии, призванной следить за порядком на дорогах. Тем не менее скорость не мешала легко читать надписи на рекламных щитах всевозможных компаний, тунисских и иностранных. Установлены эти щиты, как правило, на высоких холмах. На арабском и французском языках, крупными четкими буквами они рекламируют различные магазины, товары, напитки, машины, банки, отели, почему-то предпочитающие древние названия — «Руспина», «Хадрумет», «Ганнибал», «Газдрубал», «Саламбо», «Танит». Впрочем, эти названия выбраны не случайно. Они — часть той римско-карфагенской «античной экзотики», сквозь призму которой большинство европейцев и американцев до сих пор воспринимает если не весь Тунис, то, во всяком случае, наиболее интересное в его истории. Не отрицая этого полностью, все же надо подчеркнуть — самое интересное в истории, да и вообще в жизни Восточного Магриба, не сводится к античности, хоть наиболее расхожим штампом в определении Туниса и являются три слова — «страна потомков Ганнибала».

Тунисцы в целом этого не отвергают. Но почему лишь Ганнибала? Они столь же гордятся Сиди Окбой, завоевателем Магриба, выстроившим на территории Туниса первый арабский город — Кайруан — и заложившим здесь первую в Магрибе мечеть, назван-

ную его именем. (Помимо этого Кайруан сейчас славится ежегодными фестивалями исламской музыки с участием вокально-танцевальных групп марабутских братств, исполнителей стихов духовного содержания, мелодекламаций и хоровых композиций.) Тунисцы помнят и о том, что впоследствии потомки Сиди Окбы, правившие в Тунисе, совершали смелые походы через Средиземное море, высаживаясь, в частности, во Франции. На территории Туниса до сих пор немало памятников эпохи Аглабидов — первой независимой от Багдадского халифата арабской династии, управлявшей Ифрикийей и завоевавшей Сицилию. Еще более почитаются в Тунисе Хафсиды, за три с половиной века своего правления не раз добивавшиеся тунисской гегемонии во всем Магрибе, практически завершившие арабизацию страны и много сделавшие для восприятия ею во всех областях жизни благотворного влияния андалусцев.

Об этом думаешь, глядя на лесистые зеленые холмы справа и слева от дороги, на отдаленные, в голубоватой дымке, невысокие горы на горизонте, солнечные блики на вершинах холмов и нередкие здесь в декабре лиловатые тучи. Капли дождя тяжело падают на тучный краснозем. Почва здесь, на полуострове мыса Бон, наиболее далеко вдающейся в Средиземное море части северного Туниса, непохожа на серо-желтые пески Сахеля. Мягкий и влажный климат способствует большому плодородию. Поэтому к золотистому цвету плодов и зеленым краскам растительности, распространенным по всему Тунису, присоединяется и красноватый, местами до коричневого, особый оттенок земли. Это наиболее давно освоенная и изученная часть страны. И дышится в этой части особенно легко после того, как мы выехали из столичных предместий, в которых кое-где привычная, почти та же, что и у нас картина: грязь, хаос и суэта строек, груды мусора, дымящие трубы предприятий.

Мы едем в Хаммамет и Набёль, расположенные у основания полуострова мыса Бон, на его юго-востоке. На полпути останавливаемся в Громбалии. Это старинное андалусское селение, раскинувшееся среди равнины, несколько напоминающей равнины Валенсии и Андалусии. Возможно, мавры-изгнанники именно поэтому здесь и поселились. Издали белые стены низких домов прячутся за оливковыми рощами и гу-

стой зеленью садов, над которой виден лишь минарет мечети. При въезде в Громбалию оказывается, что дома очень тесно прижаты друг к другу, но некоторые из них сочетанием белого и синего цветов, оформлением дверей и оконных рам, навесов и крыш несколько напоминают дома Сиди-Бу-Саида. Громбалию пересекает единственная широкая улица, являющаяся продолжением шоссе и достаточно замызганная.

Хасан Хусни Абд аль-Ваххаб считал, что «мавры обосновались на ровной местности полуострова мыса Бон, которой они оказывали своего рода предпочтение», и среди первых поселений андалусцев называл Громбалию. Он же сообщает, что именно здесь сохранились сады, фонтаны и «обширные помещения в испанском стиле». Здесь когда-то жил знаменитый предводитель морисков Туниса и Алжира, «шейх андалусцев» Мустафа Карданаш, которому принадлежали 30 тысяч оливковых деревьев и при чьем содействии в Курумбалии (так тогда называлось селение) процветало шелководство. Изгнанный впоследствии беим, считавшим, что «быть богатым — это серьезное преступление» (так буквально гласит еще сохранявшееся в Громбалии в XVIII в. устное народное предание), Карданаш уехал на восток Алжира, где содействовал разведению оливковых рощ и фруктовых садов, кое-где сохранившихся до настоящего времени. Известен он был, к сожалению, и как рабовладелец и работорговец, особенно промышлявший торговлей христианскими пленниками. В Громбалии сохранились остатки когда-то роскошного дома Карданаша с колодцем, баней, маслобойней и настенными надписями.

Выехав из Громбалии, некоторое время едем среди виноградников и олив. Очевидно, что-то и здесь еще уцелело со времен Карданаша, хотя уже в прошлом веке Громбалия, как и прочие андалусские селения, захирела и насчитывала всего около тысячи жителей. Нынешнее ее население, в значительной мере смешанное или пришлое, уже нельзя считать «чистыми» потомками андалусцев. Но остаются традиции хозяйствования (в той мере, в какой они не утрачены), умелого обращения с агрикультурой, навыки и эстетика строительства. Собственно, именно так, через передачу традиций последующим поколениям, в

том числе не имеющим отношения к пришельцам с Иберийского полуострова, уцелело, развивалось и пережило века наследие андалусской цивилизации в Тунисе.

Об этом стоит вспомнить и по прибытии в Хаммаммет. Этот город не числится, подобно Громбалии, среди мест расселения андалусских изгнанников. Но здесь живы андалусские традиции художественных ремесел и, как сказано в путеводителе, привнесенная сюда «цивилизаторским исходом» мавров «сладкая алхимия садов». В городе много названий (например, кафе «Гранада»), напоминающих об Андалусии. Здесь же нередко проводятся начиная с 1969 года тунисско-испанские научные форумы, посвященные истории и культуре андалусцев и морисков. Хаммаммет — крупнейший центр международного туризма в Тунисе, превосходящий, пожалуй, все прочие центры и количеством и оснащенностью новейших отелей. Только известных за пределами страны гостиниц (таких, как «Синдбад», «Парк Пляж Бунгало», «Мирамар», «Фурати») насчитывается не менее тринадцати. Впрочем, растут они буквально как грибы после дождя, и любые «последние» сведения об этом быстро устаревают. Всего в Тунисе около 450 хороших отелей, персонал для которых готовится в специальных центрах. Ведь Тунису приходится выдерживать жесткую конкуренцию с другими странами Средиземноморья, которые в общей сложности принимают за год до 100 миллионов туристов!

Хаммаммет был основан когда-то еще финикийцами и назывался Сиагу-Пупут. Но сам этот городок привлекал мало внимания, хотя обширный и удобный для кораблей Хаммамметский залив всегда был полем соперничества самых разных держав и народов, начиная с греков и финикийцев. Известно, что Рим и Карфаген специально оговаривали в договорах свое право держать корабли в этом заливе, открывающем доступ и к Сахелю, и к полуострову мыса Бон. Долгое время собственно Хаммаммет оставался тихой рыбацкой деревней, чья жизнь мало изменялась, невзирая на войны, нашествия кочевников и нападения пиратов. Только в XV веке здесь была сооружена касба, вокруг которой сгруппировались за коричневато-оранжевыми зубчатыми стенами плосковерхие белые дома медины. Но и касба, и медина поражают свои-

ми небольшими размерами. Здесь же находится небольшой музей традиционного костюма, расположенный близ мавзолея марабута Сиди Бу Али.

Несмотря на свою незначительность и отдаленность от столицы, Хаммамет, пожалуй, первый привлек внимание иностранных туристов. Он более, чем какое-либо другое место в Тунисе, притягивал к себе европейских знаменитостей. Ему воздавали должное Гюстав Флобер и Ги де Мопассан, Оскар Уайльд и Уинстон Черчилль, Жан Кокто и Франсуаза Саган. Процветанию Хаммамета во многом способствовал румынский миллионер Жорж Себастьян, построивший здесь роскошную виллу, где подолгу жили приглашенные им писатели, художники и прочие известные люди. В 1943 г. эту виллу реквизиrowвал командовавший германским Африканским корпусом (отступившим под натиском англичан в Тунис из Ливии) фельдмаршал Эрвин Роммель, вскоре, впрочем, вынужденный бежать. В 1960 г. вилла была передана правительству Туниса и превращена им в Международный культурный центр, ежегодно проводящий здесь фестивали искусств, концерты, лекции в театре под открытым небом, выстроенном под античный стиль.

Впечатляет архитектура бесчисленных отелей Хаммамета. Одни из них подражают мечети, другие — океанскому кораблю, третьи представляют собой нагроможденные одна на другую мавританские аркады или же сознательно копируют ультрамодерновые небоскребы. Но все это не противоречит общему характеру города, его, так сказать, архитектурной «физиономии». Здания отелей, клубов, магазинов в основном светлые, невысокие, утопающие в зелени, с уютными двориками и бассейнами, обилием цитрусовых и пьянящим запахом жасмина.

Торговля в Хаммамете — предмет особого разговора. Торгуют здесь всюду — в бесчисленных лавках и магазинчиках, в закутках извилистых улочек медины, на террасах ресторанов и кафе, под решетчатыми навесами коммерческого центра. Здесь и ширпотреб, и произведения ремесленников — гончаров, ювелиров, портных, граверов, вышивальщиков. Торгуют всем, без комплексов и предрассудков. Именно в Хаммамете я купил, в частности, комплект тунисских марок с изображением Ленина.

Из Хаммамета отправляемся в Набёль, в семи километрах отсюда. Попадаем туда через десять минут. Это административный центр полуострова мыса Бон (или Эт-Тиб), а также — центр ремесел, виноделия и маслоделия, хорошо налаженных здесь со времен появления андалусцев. В окрестностях города ведется добыча гипса. Это издавна стимулировало работу художников-декораторов, строителей и скульпторов, тем более что резьба по гипсу является обязательным элементом украшений в зданиях арабо-андалусского стиля. Из них наиболее выделяется богатством отделки минарета, дверей, окон и внутреннего дворика Большая мечеть Набёля.

Набёль выстроен римским императором Августом на месте древнего финикийского селения и был назван им Неаполис («Новый город»). Тем самым город как бы стал тезкой Неаполя в Италии и Наблуса в Палестине. В 256 г. он стал центром епископства и с тех пор не сходит со страниц тунисской истории. Однако прославился он больше не как политический, а как культурный центр, особенно со времени наплыва сюда андалусских эмигрантов.

С тех пор Набёль славится своей андалусской кухней с ее множеством специй, керамикой, гончарным производством, серебряным шитьем и выделкой кружев, изготовлением духов по старинным рецептам из цветов апельсина, герани и жасмина. Последнее занятие считалось столь почетным, что, по данным английского автора Э. М. Бродли, им занимался даже один из потомков уже упоминавшегося гранадского аристократа Ибн Сарраджа. Что касается бытовой керамики, то Набёль выдвинулся на первое место не только в стране, но и во всем Средиземноморье, после того как андалусские мастера усвоили турецкие мотивы и прочие принципы работы, выработанные на востоке Османской империи, в которую входил тогда Тунис.

Сейчас город представляет собой быстро развивающийся экономический центр. Здесь по-прежнему процветают ремесла. Сотни мастерских постоянно работают на местный рынок, поставляя в основном для туристов все, что делали еще их предки. В отдельных случаях это уже не кустарный промысел, а самое настоящее фабричное производство посуды и прочих предметов домашнего обихода, черепицы для

крыш, изразцов для внутреннего и внешнего декора зданий.

Мы долго бродим по бесконечному местному суку, главная улица которого изгибается несколько раз. Чего тут только нет! Овощи, фрукты, специи, крупы, маслины, огромные банки с оливковым маслом, шляпы, корзины, ковры, тарелки, горшки, подстаканники изощреннейшего орнаментального рисунка, кастрюли и кружки — глиняные, деревянные, металлические. Тут же на рынке можно видеть, как работают в своих мастерских кузнецы, ткачи, граверы, гончары, мастера керамики. Особенно красивы расписные вазы со всеми мыслимыми сочетаниями узоров голубого, оранжевого, синего, черного и красного цветов. Торгуют здесь и всеми видами одежды из хлопчатобумажной ткани, синтетики, шелка и кожи. Специально для туристов на рубашках, майках, кепи, стилизованных под бурнус накидках вышиты пальмы или какие-нибудь еще символы тунисского пейзажа, снабженные надписями «Тунис», «Набёль» или «На память о Тунисе», «Прощай, Хаммамет».

Индустрия туризма в Тунисе весьма прибыльна. Только в 1987 г. она дала 562 миллиона динаров (около миллиарда рублей). В ее сфере занято 40 тысяч человек, еще столько же занято в народных ремеслах, продукция которых пользуется спросом у туристов. Кроме того, многие крестьяне свой урожай постоянно сбывают ресторанам и отелям. Всего, например, в 1989 г. за счет туризма жило 10 процентов населения страны.

После Набёля и Хаммамета мы оказались в Бизерте. Красивая дорога все время шла чуть выше холмистой равнины, открывая хороший обзор на дальние взгорья, редкие селения и вспаханный краснозем перемежку с аккуратно убранными полями. Недалеко от Бизерты — военная база, по дороге к которой то и дело проезжали открытые машины с солдатами. А рядом с дорогой — тихий всхолмленный лесок, в котором, к моему удивлению, можно было собирать грибы. Как будто бы и не Африка!

Бизерта — морские ворота Туниса. Еще финикийцы, заметив эту удобную естественную гавань, заложили здесь порт в XI в. до н. э. Затем ею поочередно владели все, кто господствовал в Тунисе. Римляне называли ее Гиппон-Диарритус. С 698 года город ста-

новится арабским, лишь в 1535—1572 гг. временно попав под власть Испании, боровшейся тогда с Османской империей за гегемонию в Средиземноморье. Андалусцы, селившиеся здесь еще при Хафсидах, установили было в городе нечто вроде своей «республики». Однако в начале XVII в. турецкий правитель Туниса Юсуф-дей превратил Бизерту в сильную морскую крепость.

В XVII в. сюда прибыли мориски, заселившие все побережье к востоку от города, где они немало преуспели в садоводстве и разведении олив. Они же способствовали подъему виноградарства, налаженного еще при Хафсидах предшествующими волнами андалусской эмиграции. В самой Бизерте им дали селиться в касбе на берегу моря, где они и создали Квартал андалусцев, существующий и сейчас.

В годы французского протектората Бизерта была военно-морской базой Франции, использовавшейся во время первой и второй мировых войн, а также во время войны в Алжире. Это даже привело Францию к военному конфликту в 1961 г. с правительством Туниса, требовавшим вывода французских войск из Бизерты. Удовлетворено это требование было только в 1963 г. С тех пор Бизерта — крупный административный и промышленный центр, важный торговый порт и транспортный узел страны.

Есть в Бизерте православная церковь с мемориальной доской, на которой выбиты названия русских военных кораблей, прибывших сюда из Новороссийска и Севастополя в тревожные годы гражданской войны. Была здесь и довольно значительная русская колония с собственной школой и военно-морским училищем. Из среды русских эмигрантов в 20—30-е годы в Бизерте работало немало инженеров, моряков и строителей. Встречались среди них и аристократы, например князья Горчаковы. И хотя большинство их потом, особенно во время и после второй мировой войны, выехали во Францию и Алжир, говорят, что их здесь немало было еще в начале 70-х годов. Но время неумолимо: поколения 20—30-х годов уже нет, а его малочисленные дети и внуки, став гражданами либо Франции, либо Туниса, далеко не всегда помнят о своих российских корнях. Жизнь берет свое...

Сама Бизерта производит очень неопределенное, фрагментарное впечатление. Старая гавань с ее двух-

трехэтажными домами, выходящими прямо к морю, это своего рода тунисская Венеция. Тем более что город частью расположен на полуострове, а частью — на острове. Они связаны мостами, но все же различаются. На белых (когда-то) домах старинного квартала кое-где видны блеклые следы синей и голубой краски. Очевидно, в свое время дома эти выглядели так, как они и сейчас выглядят в Сиди-Бу-Саиде. Внутри квартала — тесные дворики, узкие проходы, каменные лестницы, короче говоря — те самые «морериас» (мавританские гетто), где мориски, как отмечает С.-М. Збис, жили под властью христианских королей Испании. Эти «морериас» они довольно точно воспроизвели в своем новом отечестве.

Мы стоим около облупившейся рыжевато-песчаной стены испано-турецкой крепости и чувствуем неумолимый бег времени. И турки, и испанцы теперь далеко, и если даже появляются здесь, то лишь в качестве туристов или участников ежегодного фестиваля средиземноморской песни, проводимого именно в этой крепости. Сам же город (как и небольшой сук, совершенно несравнимый со своими собратьями в Набёле и Хаммамете) живет совсем иными заботами. Здесь ныне нефтеперерабатывающий и цементный заводы, металлургические и пищевкусовые предприятия. Работают судоверфь и торговые причалы, через которые вывозятся за рубеж железная руда, свинец, нефтепродукты, но главным образом — оливковое масло, свежие овощи и фрукты в Западную Европу.

Мы покидаем Бизерту. С ближайших окрестных холмов город очень хорошо смотрится: он привольно раскинулся, подобно гигантской птице на неровной земле, весь устремившись к морю. И тогда образ города обретает цельность: смысл его существования — море, его призвание — морской промысел, его функция — быть посредником между родной землей и морем.

Карфаген вчера и сегодня

Я не случайно заканчиваю свои очерки рассказом о Карфагене, хотя, казалось бы, с него надо было начать. Карфаген — это взрыв цивилизационной энергии, покорившей одно время весь запад Средиземно-

морья и навсегда впечатавший образ этой страны в память человечества. С тех пор этот образ всегда оживает, как бы ни называлась эта страна впоследствии — Африка, Ифрикийя, Ближний Магриб, Тунис.

В Карфагене и сегодня все дышит историей, даже если отвлечься от трагической судьбы великого города древности. Еще издали виден на горе Бирса католический собор святого Людовика, выстроенный кардиналом Лавижери в 1890 г. в честь умершего здесь в 1270 г. французского короля Людовика IX, возглавившего крестовый поход на Тунис. Кардинал Лавижери так и не смог тем не менее осуществить свою мечту о поголовном крещении магрибинцев, а в созданном им соборе ныне — археологический музей. В современной части Карфагена некоторые улицы сегодня названы именами известных исторических деятелей и даже историков. Одна из них, например, названа в честь Прокопия, византийского историка VI в. Не будем забывать, что при византийцах Карфаген играл важную роль более 150 лет.

Но, конечно, сегодня Карфаген живет не только историей. Здесь, как и в соседней Ла Марсе, немало богатых вилл иностранцев и тунисцев. Тут же, недалеко от моря и вблизи от развалин терм римского императора Антонина Пия, ныне расположен президентский дворец с охраной из гвардейцев в отливающих золотым блеском кирасирских касках прошлого века и с внушительными старинными саблями. Есть что-то символическое в том, что именно здесь, на земле древнего Карфагена, располагается и одна из резиденций главы Тунисского государства, в которой происходят многие важные встречи и приемы.

Карфаген был огромен, его населяли 700 тысяч жителей. Разрушался он несколько раз — в 146 г. до н. э. римлянами, в 429 году вандалами, в 698-м — арабами. Раскопки же его начались лишь в конце прошлого века, то есть примерно через 1200 лет. Неудивительно, что основная часть города пока еще скрыта под землей или под выстроенными зданиями. В частности, упоминавшийся собор святого Людовика стоит как раз на холме Бирсы, где когда-то был заложен Карфаген, по преданию — царицей Элиссой (Дидоной), старшей сестрой царя финикийского города-государства Тир.

Основанный в 814 г. до н. э., Карфаген отличался от других финикийских колоний, разбросанных по всему Средиземноморью, тем, что основу его населения составили не простые моряки и купцы (как, например, в Хадрумете), а культурные аристократы, захваченные ими с собой опытные менялы и искусные ремесленники.

Уже упоминавшийся ранее Мухсин Бен Амир именно в этом видит причину быстрого экономического и политического расцвета Карфагена. На самом деле он сначала развивался не быстрее прочих финикийских колоний, и лишь через 275 лет, в 539 г. до н. э., когда Тир, захваченный персами, не мог больше контролировать свои колонии, начался быстрый расцвет Карфагена. К этому времени многие финикийские поселения на севере Африки уже находились под его властью. Опираясь на них, Карфаген повел борьбу с греками за господство на западе Средиземноморья, постепенно захватив всю Северную Африку, Западную Сицилию, Южную Испанию, Сардинию и Корсику. В Сицилии началась ожесточенная борьба Карфагена с Римом, длившаяся 118 лет и закончившаяся гибелью Карфагена. Но, как всякая великая цивилизация, Карфаген повлиял на последующую жизнь тех, кто пришел ему на смену. От него восприняты современными магрибинцами и некоторые особенности традиционной одежды, и пищевые запреты, и столь важные ныне для всего Магриба сельскохозяйственные культуры, как виноград и оливки. Язык карфагенян (частично повлиявший на берберские диалекты) дожил до IX в., явившись своеобразным после прихода арабов посредником между их языком и местным вариантом народной латыни североафриканских горожан.

Мы осматриваем руины Карфагена и пытаемся проникнуть на известную мне уже с 1962 г. площадку с обломками колонн, плит и мраморных скульптур. Однако попасть туда оказалось невозможным. Но я, откровенно говоря, не очень горевал. Эта раскопанная часть руин относится к римскому периоду существования Карфагена, когда город был восстановлен по завету Юлия Цезаря императором Октавианом Августом и одно время даже соперничал с Римом. По некоторым данным, чуть ли не все колонны, вернее, то, что от них осталось, были доставлены из Италии,

куда в свое время они были вывезены предприимчивыми генуэзцами и каталонцами по приказу Карла V Габсбурга.

Поскольку раскопки идут в разных местах Карфагена, нам удастся осмотреть старый финикийский порт, который если и поражает, то лишь своими небольшими размерами и декоративным суденышком, которое волна нещадно бьет о причал. Тут же, как из-под земли, появляется личность, совершенно обязательная на любых руинах в любой стране. Это торговец своеобразными «сувенирами», иными словами — подделками осколков от памятников, колонн, стел и т. п. Все они изготавливаются в специальной мастерской где-то тут же, в Карфагене. Разочаровав непрошеного коммерсанта, отправляемся дальше, и в совершенно другом районе нас ждет удача: мы смогли попасть в древний театр, ограда вокруг руин которого оказалась незапертой, несмотря на поздний час. Театр, правда, не карфагенский, а древнеримский и назывался он «амфитеатром мучеников», ибо на арене здесь гибли гладиаторы, терзаемые львами первые христиане и прочие неугодные римским властям люди. Плохо сохранившаяся арена теперь расчищена, и театр ежегодно используется для проведения международных фестивалей искусств.

От Карфагена мало что сохранилось (вернее, пока что очень мало открыто) на тунисской земле. Это отдельные стелы, памятники, надгробья, саркофаги, сосуды, маски, монеты. Большинство их находится в Национальном музее «Бардо» в пригороде Туниса. Но вместе с другими источниками, в том числе свидетельствами ярых противников карфагенян — греков и римлян, они дают возможность судить о богатстве культуры Карфагена, военно-торговой державы рабовладельцев, земледельцев, мореплавателей и ремесленников. Культура Карфагена была не просто трансплантацией на запад Средиземноморья финикийского наследия. Она явилась качественно новым этапом в развитии финикийских традиций под влиянием культур древнего Египта и античной Греции в первую очередь, но также ряда заимствований у этрусков, иберов, ливийцев. Обогащенная всем этим, карфагенская культура носила во многом смешанный характер и явилась, в сущности, одной из первых известных человечеству синкретических культур. В этом, очевидно,

один из секретов ее широкого распространения и последующего влияния (в том числе на ее губителя — древний Рим). В этом также, помимо всех прочих причин, истоки неугасающего интереса человечества к Карфагену.

Размышления в итоге

Вот и закончен путь от руин Карфагена до вершин Атласа. Географически автор вел читателя не столь прямолинейно, вернее, в обратном направлении — от вершин Атласа к руинам Карфагена. Но суть в том, что он хотел не просто изложить свои впечатления в строго хронологическом порядке, а прежде всего пытался передать ощущение сложности, противоречивости, неоднородности как истории, так и современной жизни Магриба. Эти история и жизнь, по глубокому убеждению автора, идут все же не от вершин к руинам, а наоборот — от руин к вершинам, несмотря на возможные зигзаги, временные отступления и шаги в сторону, неизбежные на долгом и трудном пути.

Мне одинаково близки и «сегодняшняя Ифрикийя» — Тунис, и «горячее сердце Магриба» — Алжир, и самый «Дальний Магриб» — Марокко. Но и сами страны Магриба, как представляется сегодня, также начинают чувствовать себя более близкими к нам, чем это было раньше.

Уже после возвращения в Москву, в июле 1988 года, мне пришлось беседовать с корреспондентом тунисской газеты «Аль-Хуррийя» («Свобода») Амель Беджауи. Представляя орган правящей партии «Демократическое конституционное объединение» (ДКО), Беджауи интересовалась довольно неожиданными, с моей точки зрения, вопросами. Например, она спросила меня, что думают советские ученые о влиянии на Магриб западной культуры. Вопрос вполне резонный, но прежде никогда не задававшийся. Раньше магрибинцы не только не интересовались, что мы думаем по этому поводу, но и стремились опровергнуть любое наше мнение на этот счет, заранее считая его «пропагандой».

Следующий вопрос звучал так: «Каким образом Запад влияет на интеллигенцию, правящую в странах Магриба?» И в этом была новизна. Судя по всему,

магрибинцы за годы нашей перестройки (тем более в Тунисе, где они проводят свою, как они ее называли, по имени президента Зин аль-Абидина, «зинестройку») перестали воспринимать нас как каких-то идейных противников прежде всего. Их поэтому стало интересовать и наше мнение (с западными мнениями они знакомы давно и основательно). Тем более что ныне они гораздо больше рассчитывают на нашу искренность и беспристрастность, чем это было ранее.

Беджауи спросила меня также о причинах «оживления коммунизма и исламизма в капиталистическом обществе». Это была радикально иная постановка вопроса, чем прежде, когда тунисцы в основном полагали, что коммунизм привнесен в их страну французами, а исламизм — иранским влиянием. Новым само по себе является и косвенное (потому что прямо не было сказано о Тунисе) признание того, что в Тунисе есть капитализм, в то время как раньше утверждалось, что в стране строится особого рода социализм, которого придерживалась Социалистическая дустуровская (то есть конституционная) партия. Как видим, ДКО самим изменением своего названия изменило политический акцент, сделав больший упор на демократию. И, судя по вопросам Беджауи, это не просто смена вывески. Демократизм должен прежде всего начаться с открытого поиска истины без какой-либо предвзятости.

Я не буду перечислять все вопросы и все темы разговора. Сообщу лишь, что последний вопрос был мне задан по поводу единства стран Магриба, в том числе по поводу того, как им объединяться: «Должны ли они образовать конфедерацию или федерацию по образцу СССР?» В этом вопросе важно даже не обращение к тому, какой должна быть форма объединения, которую страны Магриба, в сущности, только начали искать. Важно то, что для правящих в Тунисе политиков — немарксистов, тем более — приступивших к политическим преобразованиям в духе дальнейшей либерализации, опыт межнационального объединения в СССР сохраняет свое значение, несмотря на все наши трудности последних лет в этой области. Трудно предвидеть сегодня, как пойдут дела и у нас, и в странах Магриба. Но в любом случае я думаю, что наш взаимный интерес друг к другу усилится.

Беседа с Амель Беджауи убедила меня в том, что Магриб продолжает и убыстряет свое движение в истории. Во всех странах этого региона происходят либо видимые, либо менее заметные, но постоянные глубокие перемены, носящие подлинно революционный характер независимо от формы их проявления. Не подскажет ли история Магриба возможные варианты его дальнейшего продвижения сквозь «тьму веков»? Надеюсь, ответ на этот вопрос заинтересует читателя не меньше, чем автора настоящих очерков.

Оглавление

О названии	3
Глава 1. ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ МАГРИБА	9
Алжир и мы	9
Имени Бумедьена	17
Гиганты Арзева	22
Оран и Тлемсен	26
Революция справляет юбилей	36
Споры знатоков	44
Глава 2. МАРОККАНСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ	53
Рабатские встречи	53
Географы, историки, социологи	69
Три дня в Марракеше	80
Эль-Джадида и Сале	98
Глава 3. ИФРИКИЙЯ СЕГОДНЯ	106
Благоухающая невеста Магриба	107
Сук и медина	118
Революция в эмиграции	132
Новый и старый Сахель	140
Набэль—Хаммамет—Бизерта	148
Карфаген вчера и сегодня	156
Размышления в итоге	160

Научное издание
Ланда Роберт Григорьевич
ОТ РУИН КАРФАГЕНА
ДО ВЕРШИН АТЛАСА

*Утверждено к печати
редколлекцией серии
«Рассказы о странах Востока»*

Заведующий редакцией *Л. Ш. Рожанский*
Редактор *Л. З. Шварц*
Младший редактор *М. С. Грикурова*
Художник *Н. П. Ларский*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *М. Г. Гущина*
Корректор *Е. В. Карюкина*

ИБ № 16657

Сдано в набор 31.05.91. Подписано к печати 04.12.91. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Вкл. отпечатана на мелованной бумаге. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 8,82+0,42 вкл. Усл. кр.-отт. 9,77. Уч.-изд. л. 9,7. Тираж 10 000 экз. Изд. № 7147. Зак. № 271.
Цена 2 р.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21
3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

**В ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИИ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

В ы ш л а к н и г а :

Кравчук А. Троянская война. Миф и история. Пер. с польского. 12 л. 2 р.

Книга посвящена событиям Троянской войны, истории и культуре Трои и Греции ахейского периода. На основе литературных памятников (Гомер, Вергилий), сочинений античных историков (Геродот), легенд, памятников письменности и остатков материальной культуры, обнаруженных Шлиманом, Эвансом и др. при раскопках в Малой Азии и п-ове Пелопоннес, воссоздается картина исторических событий, социальных отношений, быта.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книоторгов и «Академкниги», а также по адресу: 117393, Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2, магазин № 3 («Книга-почтой») «Академкниги».

2-36
2р.

ОТ РУИН КАРФАГЕНА ДО ВЕРШИН АТЛАСА

Магрибинское чудо...

Его разгадке посвящена книга известного советского ученого. Автор противопоставляет свои очерки традиционному жанру журналистских воспоминаний о зарубежье. «Читателю должны бы уже надоеть,— пишет он,— умелые монтажи из путевых заметок и размышлений философского характера, личных наблюдений и сведений из справочников, поверхностной информации обо всем понемножку и пикантных анекдотов».

Итак, магрибинское чудо — глазами ученого.

